

Мария Мишечкина

НЕУТОМИМЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ

О наследии Л. А. Барановского

Мария Мишечкина

Неутомимый летописец

О наследии Л. А. Барановского

Издательские решения
По лицензии Ridero
2021

УДК 94
ББК 63
М71

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Мишечкина Мария

М71 Неутомимый летописец : О наследии Л. А. Барановского / Мария Мишечкина. — [б. м.] : Издательские решения, 2021. — 228 с.
ISBN 978-5-0051-7166-5

Книга посвящена Леопольду Антоновичу Барановскому — латышу, репрессированному в 1941 г. и отдавшему жизнь заполярному городу Игарке. Изгнание не ожесточило его. Он стал не только летописцем города, но и достойным хранителем традиций Игарки, Почётным гражданином города, символом глубокой добропорядочности.

УДК 94
ББК 63

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0051-7166-5

© Мария Мишечкина, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА I. ПУТЬ ОТ МЕЧТАНИЙ ДО НЕВОЛИ	11
ГЛАВА II. ИГАРКА. ВЫБОР ПУТИ	18
ГЛАВА III. ТО, ЧТО НЕ ДАВАЛО ПОКОЯ НИКОГДА	25
ГЛАВА IV. УЗНАТЬ ПРАВДУ В ПАМЯТЬ О БАРАНОВСКОМ	41
ГЛАВА V. КАК РОЖДАЛСЯ РАБКОР И ЛЕТОПИСЕЦ	55
ГЛАВА VI. СОТРУДНИЧЕСТВО С МУЗЕЕМ	94
Глава VII. ОТПУСТИВШИЙ ПРОШЛОЕ	107
ГЛАВА VIII. НАСЛЕДИЕ БАРАНОВСКОГО	124
Жизнь – какая она есть	124
Мы, ссыльные, о себе и друзьях... ..	127
Производство кирпича в Игарке	131
О процессе выпуска кирпича в Игарке	134
Из истории создания педучилища	137
Второе рождение музея	143
Скорбный экскурс	146
Было это летом 1944 года... ..	151
Когорта корифеев	156
Наш Виктор Иванович	157
«Профессор»	161
Доктор Лединьш	164
Принципиальный Юзеф	167
Необходимы новые памятники	169
Мёртвая дорога и Игарка	170
Долгие годы изгнания	175
ГЛАВА IX. ИЛЛЮСТРАЦИИ ИЗ АРХИВА СЕМЬИ БАРАНОВСКИХ	193
ГЛАВА X. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ	218

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многие имена замечательных людей стремительно уходят из нашей памяти. И я всегда с сожалением думаю: «Был человек, мы уважали его и были рады знакомству с ним. Не стало его — рассыпались воспоминания, словно фрагменты устаревшей мозаики».

Часто ловила себя последние годы на том, что не даёт покоя незавершённая работа по подготовке очерка о ссыльном латыше, ставшем достойным гражданином Игарки, Леопольде Антоновиче Барановском. Именно Достойным, хотя есть официальное звание — Почётный гражданин города Игарки. Для меня Леопольд Антонович остаётся до сих пор символом глубокой гражданской добросовестности.

Мы познакомились ближе к середине 80-х годов XX века, до этого контактировали в общественной жизни на официальном уровне. Почти двадцать лет тесного сотрудничества, открытого общения дали мне понять, что я познакомилась с человеком-легендой.

Нелёгкий жизненный путь в далёкой от родины заполярной Игарке, где оказался не по собственной воле в статусе сына репрессированного «антисоветского элемента», не заставил Барановского затаить обиду. Он понимал, что должен стать опорой матери и сестры после смерти отца, который скончался в Вятлаге в 1942 году. Изучал русский язык, использовал любую возможность для постижения мастерства, которое могло пригодиться. Выезжать за пределы Игарки ему было запрещено комендатурой, поэтому обучение нужно было проходить в пределах города. Единственное, что стало реальным — получить навыки учётника, плановика, бухгалтера. Окончил также в 1954 г. школу рабочей молодёжи в Игарке. Всё это позволило приобрести знания, которые прежде всего необходимы в любой хозяйственной деятельности. А дальше — шаг за шагом он поднимался до руководящих должностей. Был заведующим городским отделом коммунального хозяйства, директором ре-

монтажно-строительного управления, комбината бытового обслуживания.

Его деятельность в Игарке никогда не ограничивалась только профессиональной. Он жил далеко от земли отцов, в заполярном городе, который заменил родную обитель. Леопольд Антонович любил его, заботился о нём, делал всё для того, чтобы у Игарки было своё историческое лицо, неповторимый облик. Если перечислить все виды общественной деятельности, которыми занимался Леопольд Антонович, то это вызовет удивление: депутат многих созывов, председатель или член комиссий в Игарском горсовете, член общества «Знание», внештатный корреспондент Игарской студии телевидения и газеты «Коммунист Заполярья», краевед и экскурсовод, председатель шахматной секции в Игарке, председатель общества охраны памятников в городе. Было множество и других, честно говоря, всего-то теперь и не упомнишь. Но вот в 90-е гг., отлично это помню, Л. А. Барановский возглавлял в городе комиссию по реабилитации бывших репрессированных. Сразу оговорюсь: очень символично, что книга о Барановском выходит в преддверии юбилейных дат 2021 года – 95-летия со дня его рождения и 30-летия появления Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий».

Главным «видом» деятельности Барановского было всё же собирательство, фиксация хроники городских событий. Никто никогда не заставлял Леопольда Антоновича создавать собственные временники, регулярно записывать рассказы о происходящих событиях. Обратите внимание на последний очерк в этой книге – «Долгие годы изгнания». Леопольд Антонович рассказывает, как в свои 15 лет стал делать первые заметки о том, что происходит в его жизни. Нелегко читать записи подростка о бедствиях в изгнании. Но это помогает понять, откуда появилась эта тяга оставлять заметки о пережитом, увиденном.

Титул «летописец города», который закрепился за Барановским навечно, официально никем не утверждался. Но именно он

живёт в памяти многих игарчан, которым дорог и город, и люди, жившие и живущие в нём.

Неслучайно в 2009 году в период празднования 80-летия города Игарки в первом микрорайоне на доме №30 была установлена мемориальная доска с портретом Л. А. Барановского и надписью: «С 1942 по 1994 г. в Игарке жил Леопольд Антонович Барановский, Почётный гражданин города, летописец, общественный деятель».

Многих удивлял факт того, что ссыльный латыш стал Почётным гражданином города. Автор статьи «Возвращение из небытия» в латышской газете «Земля» (25 июля 1995 г.) Алексей Гончаров увидел в этом парадокс. На самом же деле довольно часто репрессированные проявляли деловые качества, становились руководителями, даже работали в исполнительных органах власти. Официально коммунистическая партия называла это явление «перековкой чуждых элементов». Конечно, этот процесс власть не всегда приветствовала, кто же знает, как поведёт себя тот или иной «бывший». Но в городе постоянно ощущался дефицит квалифицированных, добросовестных кадров, поэтому другого выхода просто не было.

Что касается самого Леопольда Антоновича, то он и не осуждался властью официально. Ему лично не было предъявлено обвинений. В результате депортации «социально чуждых элементов» из Прибалтики в 1941 году высылке подлежали автоматически не только сами осуждённые, но и все члены семьи. В архиве Барановского сохранились все документы периода изгнания, и они, пожалуй, красноречивее любых речевых оборотов. Чего стоит, например, «Удостоверение (взамен паспорта)», в котором проставлены отметки коменданта. К числу наиболее содержательных и поясняющих все детали ссылки относится, на мой взгляд, автобиографический очерк «Долгие годы изгнания», написанный в 1995 году в г. Смоленске.

Восстановление в правах коснулось каждого репрессированного индивидуально. И это, думаю, тоже не парадокс. Ско-

рее – свидетельство политики государства в определённый политический период. Реабилитация многих сделала настолько свободными, что они стали поносить и Игарку, и нашу страну только бранными словами. Преуспевают в этом до сих пор – кто свастику нам демонстрирует, кто просто изливает ненависть и злобу. Но большинство сохранили достоинство, уважение к тем людям, которые пострадали и помогали в неволе выживать. Внутреннее благородство присуще не всем. Я никогда не слышала от Леопольда Антоновича ни проклятий, ни злобных выпадов. На лице – только внутренняя улыбка, сострадание, подрагивание кончиков губ. Так умеют себя вести только сильные личности, обладающие высокой духовной культурой и достоинством благородного человека. Только они умеют всё принять, простить.

В его характере меня подкупало многое. Особая доброта. Стремление всегда приходить на помощь. Умение видеть всё в перспективе. Мыслить глобально. Постоянно удивлять. Быть готовым к неожиданным поступкам.

Вот самые яркие примеры. Однажды он пришёл ко мне в музей и сказал: «Мария Вячеславовна, думаю, что пора нам снять ручки на здании нынешнего кинотеатра „Север“, поскольку они привезены в 60-е годы из музея Сталина в Курейке, представляют особую ценность». Это было непросто, кинотеатр был передан в частные руки, но ручки были «экспроприированы» и переданы в музей на хранение.

Другой случай. Леопольд Антонович очень любил драматический театр в Игарке. Рассказывал, как ходил на многие спектакли. Но когда театральные подмостки отдали ГУЛАГу, попасть туда стало проблемой. Правда, и это мог преодолеть Барановский, находил у знакомых требуемое разрешение. Но посещать театр больше не стал. Он видел на сцене актёров из числа заключённых. И в их глазах, в интонации голосов всегда ловил знакомую безысходность и тоску по свободе.

В 1988 году прочитала в газетном материале Барановского («Белый плов под северным сиянием») размышления о горькой

судьбе репрессированных и надолго запомнила его слова: «Как мало надо человеку для счастья и как много надо сделать всем нам, чтобы люди были по-настоящему счастливы». Так мог сказать человек, который пережил судьбоносные события в нашей стране, пострадал от несправедливого осуждения властью, но сохранил мудрость, чистоту взглядов и души.

Разногранность и незаменимость помешали, на мой взгляд, завершить Леопольду Антоновичу свою книгу. Он не умел отказывать. В нём постоянно нуждались многие игарчане и гости города. Ему порой уже сложно было выполнить чью-то просьбу. Но он шёл всем навстречу.

Мозаика образа этого человека со временем стала рассыпаться. Неудивительно – сам город рушится у нас на глазах, уходит в забвение вся его история. Пока окончательно не разрушилось это замечательное полотно из множества превосходных фрагментов, хочу поспешить его восстановить.

Очень благодарна всем, кто мне помог в этом. Конечно, это дети Барановского – Евгений и Валентина (Кучер), а также супруга Евгения – Наталья. Семья хранит архив Леопольда Антоновича, с радостью предоставила мне документы и фотографии, которые мало кому известны. Спасибо вам за поддержку в подготовке книги!

Мне очень помогли в поиске нужных материалов библиотекарь города Игарки Г. В. Окинина, сотрудник Игарского Музея вечной мерзлоты С. Г. Туркова, а в подготовке книги к изданию – член Союза журналистов РФ Лариса Васильевна Голубь. При написании очень сложной главы о репрессиях в Игарке я использовала материалы Красноярского общества «Мемориал», обращалась туда также за консультациями, очень благодарна Алексею Андреевичу Бабию за предоставленную информацию.

Мне довелось уже после ухода из жизни Л. А. Барановского (17 июня 1998 г.) познакомиться с его близкими друзьями в Игарке. Сначала это был Георгий Петрович Лапин, который, как и его друг Леопольд, замыслил сложный проект – создание книги об истории лесного экспорта на Енисее. Он сделал это по-

началу в рукописном варианте, затем – несколько экземпляров выпустил самиздатом (История Игарского ЛПК, 2012 г.). В 2019 году стало возможным издание уже полноценной книги Г. П. Лапина, название которой я, как редактор, изменила. Мне показалось, что Георгий Петрович тоже стал летописцем событий почти восьми десятилетий! Отсюда и название – «Эпоха лесного экспорта на Енисее».

Несколько лет назад у меня появилась возможность познакомиться с журналистом Владимиром Григорьевичем Григорьевым. Мы работали на Игарской студии телевидения, но в разное время. Встретились не просто как коллеги. Владимир Григорьевич, как и его друзья Леопольд Антонович и Георгий Петрович, всегда испытывал особый интерес к истории Игарки, где он родился. Он фиксировал события как журналист, но с дотошностью неравнодушного исследователя собирал и хранил представляющие историческую ценность документы. Мы много говорили и спорили об Астафьеве, о редких событиях и значимых фигурах, повлиявших на развитие Игарки. Оказалось, что Леопольд Антонович – наш общий добрый друг. Архив В. Г. Григорьева очень помог при подборе иллюстраций.

В числе близких друзей Леопольда Антоновича был Арнольд Рудольфович Лепкай, который был осуждён в Котласе Архангельской области после окончания техникума в начале Великой Отечественной войны, отбывал наказание в лагере той же области. О том, как рождалась дружба А. Р. Лепкая и Л. А. Барановского, мне рассказал сын Лепкая Дмитрий Арбузов. Об этой и многих других историях, которые затрагивают яркие моменты встреч игарчан с Барановским, подчёркивают главные черты его характера – в главе «Отпустивший прошлое».

В книге используются фрагменты рассказов, документы из личных архивов игарчан. Особая благодарность – В. И. Новопашинной, Л. В. Голубь, Л. Е. Филиппову, Н. Д. Быковой, Л. А. Горчаковой, Д. А. Арбузову, Н. П. Гришиной, З. А. Томко, Т. М. Цветковой, П. П. Дончаку, Н. П. Сергеевой, С. Г. Шагину, И. А. Цыганковой.

ГЛАВА I. ПУТЬ ОТ МЕЧТАНИЙ ДО НЕВОЛИ

Леопольд Антонович Барановский родился 16 ноября 1926 г. в Резекненском районе Латвии. Попал под репрессии вместе со всей семьёй 14 июня 1941 года. Что случилось в этот день в Латвии, мне, молодому журналисту, воспитанному на коммунистических книгах, статьях, было в период знакомства с этим человеком в 80-е годы прошлого века неизвестно. В Игарке на эти темы предпочитали молчать вплоть до 90-х. Я видела на разных городских мероприятиях этого статного исполина с добрым лицом, редкой улыбкой. Слышала какие-то загадочные фразы о том, что латыш сослан, как и многие соотечественники, за неуважение к советскому строю, злые языки что-то даже говорили о «лесных братьях», к которым Барановские якобы имели отношение.

Только со временем всё стало ясно и понятно. 14 июня 1941 года стал днём беды для многих латышских семей. В соответствии с Постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 16 мая 1941 года «О мероприятиях по очистке Литовской, Латвийской и Эстонской ССР от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента» проводилась депортация той части населения, которая считалась наиболее враждебно настроенной к советской стране в приграничной территории. В тот период было депортировано более 40 тысяч человек из Прибалтики, конкретно из Латвии – более 16 тысяч. Операцией были охвачены также приграничные территории Молдавии, Белоруссии, Украины. В лагеря было отправлено более 19 тысяч человек, 87 тысяч – на поселение в разные регионы.

В момент ареста всей семьи Леопольду не было ещё и 15-ти... Позади курс основной школы, окончено обучение во вто-

ром классе Резекненской государственной гимназии. Счастливый Леопольд приехал домой в Жугури на каникулы. Пребывал в прекрасном мечтательном настроении. Пока всё шло у него гладко в учёбе, которую очень любил. Он всегда стремился получить хорошее образование. В школу пошёл в пять лет вместе со своим другом, доказал всем, что это не детский каприз. Проблем с Леопольдом в семье не было, со всем справлялся сам.

В тот трагический день отец был занят садом, мама с сестрой Валею поехала по делам в соседний город. А дальше всё, как во сне. Приведу подробный рассказ Леопольда Антоновича, опубликованный Алексеем Гончаровым в материале «Возвращение из небытия», который я уже упоминала: «Мы с маленьким Витольдом заспались. Во двор въехала полуторка. Из окна я увидел, что в кузове машины сидели с узлами мужчина и женщина, скорее всего, супружеская чета. Их охраняли солдаты, а офицер в форме ГПУ вошёл в дом и по-русски потребовал позвать отца... Когда глава семьи вошёл, ему было приказано срочно собирать вещи в дорогу. Один из рядовых сообщил мне, что вывезут нас в холодные края, и посоветовал брать вещи потеплее».

Всех посадили в грузовик, по пути конвоиры прихватили возвращавшихся домой маму и сестру. В Резекне мужчин и женщин с детьми посадили в разные вагоны и отправили в Сибирь. С этого момента главу семейства уже больше никто не видел. Только позже узнали, что в апреле 1942 года Антон Барановский скончался в Вятлаге.

Семья Барановских прибыла сначала в г. Канск Красноярского края, затем – в деревню Топол Дзержинского района. Никто ссыльных не кормил. Леопольд Антонович так говорил о том времени: «Хлеб и мучная затирушка – вот вся наша еда». В Канске умер от болезни маленький Витольд, здесь же родился ребёнок, которого называли Анатолием.

Газета «Земля» с публикацией А. Гончарова о Л. А. Барановском.
Из архива семьи Барановских

Перед началом зимы семью Барановских отправили по Енисею далеко на Север. 18 сентября 1942 года 483 невольника высадили в Агапитово, заброшенном станке, где и разместился лагерь репрессированных для освоения необжитой местности. Именно это место содержания осуждённых на подведомственной Игарке территории имеет самую трагическую историю. Его называли в годы войны «Берегом смерти».

Мне доводилось не раз встречаться с теми, кто выжил. Один из рассказов Амалии Александровны Яковлевой (Штоппель) опубликован, например, в сборнике Игарского Музея вечной мерзлоты «Игарка древняя, Игарка загадочная» (2013 г.). Она провела здесь все военные годы. И как выжила, сама не понимала.

Условия содержания людей были бесчеловечными. Они считали себя смертниками. В первую же зиму здесь погибли около

200 ссыльных. В их числе был и маленький братишка Леопольда. Дети не выживали в таких условиях. Леопольд хорошо запомнил, что «братику успел сделать подобие гробика и похоронить на бугорке, потом тела умерших просто складывали, было не до этого».

Осталось в семье Барановских только трое. В середине 80-х прошлого века мне довелось много времени проводить в городском архиве — изучала всё, что связано с историей написания книги «Мы из Игарки», а также пребыванием Виктора Петровича Астафьева в Игарке. Попутно с интересом читала всё, что вызывало интерес в жизни города, людей.

Барановская Мария Евлевна

Фамилия, имя, отчество главы семьи		Дата вступления		I. С л а ж а			
Число семейных членов							
№	Имя, отчество (полностью)	Описание семейных вещей	Пол	Дата рождения	Отметки о грамотности и учёбе		
					знает русский язык	отметки об учёбе	образованность
126	Барановская Мария Евлевна		Жен	1879	3		
127	Барановский Леопольд Евлевн.		Муж	1926			
128	- Вацковский Евлевн.		Муж	1930			

2. Завед. паспортом и жилищными хозяйствами		№ 11 1938 г.		3. Постройки		4. Дата вступления		5. Постройки	
				1		2		3	
Всего помещений				Дом (этаж, этаж)		Жил			
в т. ч. под окнами				2		3		4	
в т. ч. под				3		4		5	
в т. ч. под				4		5		6	

«Похозяйственная книга» артели «Красный Октябрь» Плахинского сельсовета за 1943 г.

Попался и такой документ – «Похозяйственная книга» артели «Красный Октябрь» Плахинского сельского совета за 1943 год». В ней под номерами 126, 127 и 128 занесены фамилии: Барановская Мария Матвеевна, 1898 года рождения (записана как глава семейства), Барановский Леопольд Антонович (сын, 1926 года рождения), Барановская Валентина Антоновна (дочь, 1930 года рождения).

Конец сентября на Крайнем Севере – это уже холодное и голодное время года. Продовольствия никакого. Несчастные нашли заброшенную лодку и переправились через Енисей в Плахино, там им дали добрые люди куль муки. Каждой семье досталось по горсточке.

Вспоминая этот период, Леопольд Антонович рассказывал А. Гончарову: «Каждой семье выдали по горсти муки, и это было спасение от голодной смерти. Потом подошла баржа из Игарки. Нам привезли палатки, инструменты, притащили плот из брёвен. Но с продуктами было очень плохо. Мы поставили палатки, обогревали их буржуйками из бочек. Дрова в лесотундре были, а вот строевой лес, доставленный по воде, оказался в ледяном плену. С громадными усилиями мы вырубали каждое бревно. Кайлами разбивали мерзлоту и строили землянки».

Продовольствия не было. Дневной паёк поначалу состоял только из муки – 300 г на человека. Беда была в том, что многие стали добавлять в неё опилки, а это приводило к смерти. Мария Матвеевна Барановская была очень строгой, Леопольд Антонович рассказывал: «Мы с Валею выжили только благодаря маминей строгости. Любые крохи пищи она делила на завтрак, обед и ужин. Даже если это была пара глотков отвара из трав. Те, кто съедали дневной паёк за один раз, как правило, умирали».

Шла война. И все, кто был в тылу, трудился для фронта. Летом 1943 года мужчин и женщин заставили рыбачить. Другие занялись, как и Мария Матвеевна, заготовкой дров для пароходов, сестра Валентина – собирательством ягод, за ведро голубики или черники давали 100 г хлеба.

Вылов рыбы проводился в разных точках. Молодой Леопольд тоже был определён в рыболовецкую артель, был гребцом на лодке. Его трудовые будни были изнуряющими. На быстрой, энергичной реке Енисей грести нужно постоянно, но дело не только в физических нагрузках. Леопольд Антонович вспоминал: «За несколько рыбалок мошкара меня так изъела, что я ослеп и оглох. Стал нетрудоспособным и лишился пайка. И познал я тогда участь доходяги. Родных поблизости нет, а у чужих свои проблемы. Превратился я в живой скелет, и мысли о возможной смерти воспринимал как избавление от земных мук.

Крест, установленный в Агапитово в 1990 г.

Но, видимо, до Господа Бога долетели мольбы матери, и меня вдруг увезли в Игарку. Там срочно потребовались рабочие на кирпичный завод, а выбора не было — мертвецов не поднимешь».

В Игарке начался новый этап неволи. Он был уже освещён надеждой на более достойную жизнь.

О том, что в районе Агапитово находился в военные годы лагерь по содержанию ссыльных, теперь напоминает только деревянный крест, который был установлен в 1990 году группой латышей (бывший ссыльный Илмар Кнагис, режиссёр Ромуальд Пипарс и журналист Илмар Латковскис).

Берег бывшего станка, получивший в годы войны мрачное название «Берега смерти», вновь стал безлюдным.

ГЛАВА II. ИГАРКА. ВЫБОР ПУТИ

На кирпичном заводе молодому Леопольду довелось выполнять разные подсобные работы. И это было явным спасением от агапитовского режима. Он не только пришёл в себя, но и стал крепче, выносливее. Нет смысла пересказывать то, что подробно изложил Леопольд Антонович в своём автобиографическом очерке «Жизнь – какая она есть», написанном в 1993 году. Девять лет работы в Горпромкомбинате, который занимался оказанием услуг организациям и населению, помогли хорошо изучить городское хозяйство, ресурсы, познакомиться со многими специалистами. Он впитывал, как губка, любые новые знания. Учёт, планирование, даже технические тонкости.

№ записи	Дата			СВЕДЕНИЯ Сведения о приеме на работу и увольнении	О РАБОТЕ работу, перемещения по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	1947	XII	17	Общий стаж два года.	работы 2 года.	
2	1943	IX	1	Принят в Школу бригад в качестве бригадиром.	работы Горпромкомбинате в качестве бригадиром.	Приказ № 35 от 1/IX 1943
3	1950	II	22	Переведен на работу в Горпромкомбинате.	Школы Школы	Приказ № 15 от 22. II. 50
4	1952	II	30	Переведен на работу в Школу бригад.	Школы Школы	Приказ № 12 от 30. II. 52

Трудовая книжка Л. Барановского. Из архива семьи Барановских

Оказывается, первая запись в трудовой книжке в Игарке была сделана в 1947 году, но отмечено, что с 1 сентября 1943 г. Леопольд «принят в Игарский Горпромкомбинат в качестве плановика».

Меня удивляло всегда при встрече с Л. А. Барановским – откуда он знает, где находятся месторождения глины, извести в Игарке, какую мебель в разные годы выпускали непосредственно в Игарке. А он всем этим занимался в Горпромкомбинате, который называл «Местпромом», вникал во все детали производства кирпича, обжига извести, искал способы расширения производства мебели. В 1950 году он был переведён даже на должность технорука.

Конечно, молодому специалисту, преуспевавшему больше в учётной специальности, хотелось ответственной должности. 21 февраля 1952 года его приняли старшим бухгалтером в педагогическое училище народов Севера. Думаю, этот шаг был очень важным в биографии Барановского. Он сумел доказать, что способен вести самостоятельно учёт средств в бюджетной организации.

Однажды старожил Игарки Валентина Ивановна Новопашина рассказала мне историю о том, как её выручил Леопольд Антонович. Она, став директором интерклуба, поехала в 1958 году в г. Архангельск в морское пароходство (именно оно отправляло большую часть судов в Игарку под погрузку), просила руководство оказать содействие Игарке в организации досуга моряков, ведь в городском бюджете средств на это не было. Ей пообещали выделить 10 тысяч рублей! Но нужно составить грамотно смету. В исполкоме горсовета удивлённо развели руками, мол, кто же за вас будет составлять, думайте сами. Валентина Ивановна знала, что идти нужно к Леопольду Антоновичу, он и дело знает, и в беде никогда не оставит. Так и случилось. Сделал всё в лучшем виде.

В педагогическом училище. Конец 50-х гг. XX в.

Когда в 1959 году возник вопрос, кому доверить при отсутствии грамотных специалистов руководство коммунальным отделом в городе, появилась кандидатура именно этого человека – хорошо знающего систему учёта организации и ресурсы, возможности городского хозяйства. 10 июня 1959 года исполком Игарского горсовета назначил Л. А. Барановского заведую-

щим городским отделом коммунального хозяйства. Более 12 лет Леопольд Антонович работал в должности руководителя этого отдела.

Лев Евгеньевич Филиппов, которого я хорошо знала как заместителя директора Игарского ЛПК, а позже – архитектора города Игарки, поведал мне недавно интересные подробности своей биографии. Его трудовая деятельность в Игарке после окончания Сибирского металлургического института начиналась в должности мастера в строительном управлении «Игарстрой». Исполком городского совета пригласил его в 1964 году на должность главного инженера городского отдела коммунального хозяйства, которому вменялись также обязанности архитектора. Так Лев Евгеньевич стал правой рукой Л. А. Барановского, вместе они работали два года.

Лев Евгеньевич рассказывает: «Это были деловые, но в то же время очень доверительные отношения. Барановский запомнился очень достойным руководителем, который был внимательным к людям. Неудивительно, что его все уважали». Я поинтересовалась у Л. Е. Филиппова: «А вас, молодого специалиста, окончившего вуз, не смущало отсутствие высшего образования у вашего руководителя?» Ответ был исчерпывающим: «Нет, его знания городского хозяйства были настолько обширны и глубоки, что я старался всё впитывать в себя. У Барановского было редкое качество: никогда не стеснялся учиться у подчинённых».

Интересно, что знакомство Филиппова с Барановским состоялось значительно раньше. Филипповы после войны жили в Латвии, Лев даже выучил латышский язык. Но обстоятельства так сложились, что в 1950 году семья приехала в Игарку. Когда Леопольд Антонович узнал, что маленький Лев отлично говорит на его родном языке, он попросил его прийти в гости, чтобы послушать забытую речь.

Многие помнят также, что несколько лет Барановский возглавлял ремонтно-строительное управление. Он был назначен начальником РСУ в июле 1971 года, а в декабре 1975 года переведён по распоряжению исполкома горсовета в Игарский Гор-

быткомбинат. Здесь он работал в должности директора до января 1987 года.

Мне довелось видеть Леопольда Антоновича Барановского уже в 80-е годы в должности руководителя комбината бытового обслуживания. Его серьёзный подход к экономике предприятия, умение всё верно рассчитывать и при этом заниматься расширением видов услуг дали свои результаты. Эта сфера обслуживания стала привлекательной, пользующейся спросом. В Игарке были и ателье по пошиву одежды, и часовая мастерская, и парикмахерские, и ремонт обуви, и даже прокат вещей.

О том замечательном времени до сих пор игарчане пишут в соцсетях под фотографиями со зданиями парикмахерской, ателье. Главное здание Горбыткомбината располагалось на улице Октябрьской, дом 7. Здесь находились на первом этаже цехи по ремонту сложнobyтовой техники, телевизоров, сапожная мастерская, располагались кабинеты экономиста, бухгалтерии, отдела кадров.

Здание Горбыткомбината. Улица Октябрьская, дом 7. Фото из альбома ИНИМС (авторы А. М. Пчелинцев и Н. Е. Федотов), 1966 г.

Справа, в самом углу, находился кабинет директора. Недалеко в народе расположенное рядом со зданием Горбыткомбината болото называли именем Барановского. А на втором этаже был салон по пошиву женской и мужской одежды. Конечно, памятно и другое здание Горбыткомбината – вблизи магазинов №20 и «Егорка», здесь были парикмахерские и службы по ремонтам. Позже открылось в жилом доме №29 первого микрорайона ателье «Элегант» и было даже построено новое здание Дома быта.

Перестройка сломала в нашей жизни всё. Не только сознание, но и многие социальные стандарты, без которых на отдалённом Севере жить просто невозможно. Всю сферу быта разрушали в начале 90-х годов прошлого века с помощью новых рычагов управления. Службы быта закрывались, люди увольнялись. Кто-то организовал свой бизнес в этой сфере.

Я помню это тяжёлое время для Леопольда Антоновича, когда он занимался закрытием комбината бытового обслуживания, который с таким трудом развивал. Давалось это очень нелегко. Памятны дни, когда навещала его в больнице после инфаркта. Держался всегда очень мужественно. Я понимала, что нужно отвлечь его чем-то другим. Так появился план создания рукописных воспоминаний.

В то время я работала в Игарском краеведческом музее – сначала научным сотрудником, а с 1993 года – директором. Использовала все возможности для того, чтобы Барановский стал нашим штатным сотрудником хотя бы на полставки.

Его знания и опыт, мастерство экскурсовода были необходимы музею, который не имел своего лица, привлекательной экспозиции, чётко выстроенной объективной исторической справки о городе. А если к этому добавить множество «белых» пятен в истории репрессий, деятельности ГУЛАГа в 1949–1953 гг., то становится совершенно очевидным, что без поводыря в лабиринтах сложных сплетений событий, обойтись было невозможно.

Моя, мама, ты едь.

Моя принудительная "Одиссея" путешествовал в Бессаравию
началась 14 июля 1941 года.

В этот день наша семья, в толпе сограждан,
была депортирована из Вятских Иркинских курей
в Сибирь.

Тяжелая товарная вагонетка, переоборудованная для
перевозки заминированных, под охраной, "смертников", с
заряженными топорами и колюще-режущими
орудиями, прибыла на станцию Канск в июле
1941 года.

Но еще до Франца неслись вагоны отцепленные
в которых находились жертвы - мамы семьи,
отцепили и Иркинские курей направили в Вятские
Иркинские.

Мы же по находились в семье в
дзержинской работе. Потом были направлены
в 1942 году на Север Красноярского края
и шло туда "Волжские" 18 сентября 1942 г.
на неотъемлемый берег с единственной избушкой.
Там было Агашино-Иркинское работно.

Фрагмент одной из рукописей, подготовленных в 90-е гг. XX в.

Леопольд Антонович выложился максимально. Именно благодаря ему были выстроены основные направления деятельности музея по исторической тематике. Главной при этом стала тема репрессий.

ГЛАВА III. ТО, ЧТО НЕ ДАВАЛО ПОКОЯ НИКОГДА

Его жизнь перевернул арест отца и высылка всей семьи в далёкую Сибирь на верную погибель. Никто никогда не предъявлял ему лично обвинений. Щемящее чувство несправедливости по отношению к репрессированным и к нему лично не покидало Леопольда Антоновича. Он пытался это понять, объяснить себе и другим, но в то же время вынужденно, подневольно принимал законы, по которым нужно было жить далеко от малой родины. Без паспорта, без права переписки с земляками, выезда за пределы города, даже для обучения.

Удостоверение (взамен паспорта) от 20 января 1950 г.

Необходимо было отмечаться в комендатуре, говорить и писать так, как было принято в социалистическом обществе. И никогда не рассказывать о прошлом.

Семья Барановских сохранила редкий документ. Мне не доводилось ни разу видеть Удостоверение (взамен паспорта). Не удивлена, что именно Леопольд Антонович сберёг его. Как много информации в этой бумаге, подписанной представителем Игарского ГО УМВД КК, комендантом СК №36 городского отдела милиции, к которому был прикреплён Барановский. Удостоверение дано ссыльному Барановскому в том, что он ограничен в правах передвижения пределами города Игарки, явка на регистрацию «5 и 20 числа каждого месяца». При отсутствии отметки удостоверение теряет силу, то есть становится недействительным.

Отметки о регистрации в Удостоверении

Только в конце 80-х годов прошлого столетия Леопольд Антонович стал рассказывать о репрессиях открыто. До этого мы лишь ощущали приближение нового времени. Чувствовали, что надвигается что-то вроде грозы, которая приносит очищение. Но сказать об этом никто громко не решался.

Встречи с Леопольдом Антоновичем стали для меня частыми и даже регулярными в тот период, когда я работала в радиоредакции. Игарская студия телевидения, где мы с супругом работали как молодые специалисты с 1979 года, была закрыта в 1983 году. Мне было предложено возглавить городскую радиоредакцию. Леопольд Антонович в тот период стал одним из главных внештатных авторов, который мог оказать добрую услугу не только в поиске нужных людей, но и в подготовке собственных материалов.

В 1984 году мы часто виделись с Леопольдом Антоновичем во время приезда бывших авторов книги «Мы из Игарки» в город своего детства.

16 августа мы встретились с ним на дебаркадере в речном порту. Знали, что прибывает группа авторов книги «Мы из Игарки» и киносъёмочная группа. Режиссёр Сергей Валентинович Мирошниченко снимал документальный фильм «А прошлое кажется сном». По пути из Красноярска в Игарку делились своими воспоминаниями со съёмочной группой авторы книги Я. В. Почекутов, С. С. Малютин, П. И. Поэтов, М. К. Цехин, О. П. Черноусова, Л. М. Хлебникова, Е. М. Хлебникова, А. Е. Поздеева.

Вместе с киносъёмочной группой в город приехала челябинская журналистка Оксана Сергеевна Булгакова, которая стала автором сценария фильма вместе с С. В. Мирошниченко. Оксана Сергеевна знала многие факты репрессий родителей авторов книги, организаторов её издания. Режиссёр Мирошниченко изначально понимал, что это будет фильм не о детской книге, а о том, что главными строителями заполярного города, «покорителями» просторов необжитого Севера стали раскулаченные крестьяне.

Авторы книги не были готовы тогда к откровениям, во многих продолжал сидеть страх за лишнее сказанное слово. Я помню, что разговоры с Михаилом Кирсантьевичем Цехиным (а Миша Цехин был одним из наиболее активных пионеров, который попал на фото рядом с О. Ю. Шмидтом) так ни к чему и не привели. Он ушёл от разговора о том, что его отец, Кирсантий Пет-

рович Цехин, родившийся в 1895 году в с. Троицке Канского округа Енисейской губернии, завхоз-кладовщик Полярного сектора теруправления ГУСМП в Игарке, был арестован по доносу 4 ноября 1937 г. за участие в контрреволюционной террористической организации. Приговорён «тройкой» УНКВД к высшей мере наказания. Расстрелян в Игарке 9 февраля 1938 г.

Сёстры Хлебниковы рассказали нам откровенно о том, что их отец, Михаил Павлович, уроженец Забайкальской области, арестовывался дважды как зажиточный крестьянин в 1929 и 1930 годах. Сослан с семьёй в Игарку. Здесь работал бухгалтером на мерзлотной станции. За участие на стороне Белой армии в боях с красными партизанами был осуждён 2 сентября 1938 г. и приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 15 октября 1938 г. в городе Красноярске.

Во время съёмки фильма по задумке О. С. Булгаковой авторы книги должны были прочитать свои оригинальные сочинения, которые она нашла в архиве города Троицка Челябинской области (на родине организатора книги А. М. Климова). Бывшие игарчата 30-х годов растерялись, были очень взволнованы. А вот Ольга Петровна Черноусова оказалась не из робкого десятка. Она и писала-то честно, без оглядки на старших. И прочитала так, словно вчера сочинила рассказ, который в книгу так и не вошёл. Вот лишь некоторые отрывки из него: «Я родилась в 1923 г. вблизи г. Красноярска в с. Песчанка. Я жила в середняцко-крестьянской семье. Когда стали создавать колхозы, папа не захотел идти в колхоз. Потом его арестовали и посадили под стражу... Затем нам сказали: «Собирайтесь на Игарку. Я не представляла, что это за Игарка — или зверь, или что другое...

Нас выгрузили в сараи, где раньше делали кирпич. Как только можно представить, как мы жили? Дождь пойдёт — у нас в сарае тоже дождь. К осени состроили четыре барака. Сделали двойные нары. В одном бараке, где мы помещались, было 775 человек». Отец сестёр Черноусовых — Пётр Иннокентьевич — был объявлен врагом народа и арестован в 1940 г., осуждён в 1941 г. на семь лет ИТЛ Красноярским судом. Умер в 1948 г.

В фильме Сергея Мирошниченко мы услышали лишь фрагменты отдельных исповедей авторов книги. Но сюжет фильма был построен большей частью на закадровом повествовании Виктора Петровича Астафьева, который сумел передать душевную боль пострадавших в годы репрессий.

Леопольд Антонович поддерживал как мог авторов книги в эти дни, помогал в поиске знакомых улиц, домов. Конечно, ему уже были известны многие факты репрессий родителей.

Например, мы обсуждали историю семьи Ярцевых. Серёжа Ярцев — один из авторов книги «Мы из Игарки». Он умер от болезни в 1943 г. Его сестра, Нина Александровна, подробно написала в Игарку о своей семье, в которой было семеро детей. Отец, Александр Петрович, окончил духовную семинарию, но позже перешёл со службы на работу счетоводом в Канском районе. Был сослан в Игарку со всей семьёй в 1931 г. Работал бухгалтером на кирпичном заводе, позднее — бухгалтером в «Северстрое» ГУСМП. Арестован 9 июня 1937 г. и приговорён «тройкой» УНКВД КК к высшей мере наказания. Расстрелян 9 февраля 1938 года в Игарке. Нина Александровна сообщила, что поначалу от семьи принимали передачи в тюрьме. А потом перестали принимать. Но никто так и не сообщил, что случилось с главой семьи.

Леопольда Антоновича заинтересовал факт работы А. П. Ярцева на кирпичном заводе, ведь и сам Леопольд Антонович начинал трудовую деятельность на нём, правда, во время войны. Но оказалось, что кирпичных заводов в Игарке было несколько! Первый, например, был организован Игарским лесопильно-перевалочным комбинатом, на кирпичах даже было клеймо «ЛПК». Один из таких кирпичей мы нашли во время раскопок в районе Медвежьего Лога и сохранили в музее. Скорее всего именно на этом заводе и работал А. П. Ярцев. А позже создавались кирпичные заводы при «Местроме», городском коммунальном хозяйстве.

Мы разыскали и другие сведения о репрессированных родственниках авторов книги. Например, нашли в Баку Назифу Ха-

лиуловну Бикмухаметову (Марочкину). Не сразу поведала она нам о том, что её отец, Халиул Гибатулович Бикмухаметов, уроженец Забайкальской области, был раскулачен. Вся семья, а в ней было девять человек, была отправлена в Игарку. Работал конюхом на конном дворе, обвинён во вредительстве и антисоветской агитации, арестован 6 мая 1938 года, а расстрелян 16 июня этого же года в г. Игарке.

Авторы книги дождались выхода детской книги в 1938 году. Но немногие знали, какими трагедиями наполнит это время жизнь их семей. Детство продолжалось – событие следовало за событием. Но в их числе не было известий о судьбе отцов.

Общаясь в те дни с авторами книги, мы хорошо прочувствовали с Леопольдом Антоновичем, что взрослые в Игарке постарались сделать всё для того, чтобы дети не ощущали разницу между сосланными и приехавшими по доброй воле.

У памятника Ленину в Игарке. Авторы книги «Мы из Игарки» в гостях у игарчан. Слева вторая стоит О. С. Булгакова, выше – Л. А. Барановский. 1984 г.

Учителя, родители, даже чиновники обходили эту тему стороной. Об этом говорил и Виктор Петрович Астафьев в фильме Сергея Мирошниченко «А прошлое кажется сном».

Он вышел в 1987 году, но показали его по телевидению в 1988 году. Это уже было время подвижек в нашем сознании, гласности.

Киносъёмочная группа в Игарке. Слева стоят Л. Барановский и режиссёр С. Мирошниченко. 1984 г.

Сергей Мирошниченко предоставил слово в фильме не только Виктору Петровичу Астафьеву, но и многим из тех, кто помнил репрессированных отцов, был сам осуждён. Например, Степан Акимович Перевалов — автор книги «Мы из Игарки», главный юный поэт 30-х годов — рассказывает свою историю о том, как 330 студентов ведущих литературных институтов были осуждены в 1942 г. по 58-й статье за политическую неблагонадёжность и заговор против власти. В числе осуждённых по этой статье был и сам Степан Перевалов. В лагерях ему на всю жизнь отбили охоту заниматься литературным творчеством.

Переломным в нашем сознании стал 1987 год. Именно тогда открыто признали факты массовых репрессий в СССР.

Так, 28 сентября 1987 года была создана комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных со сталинскими репрессиями. А 13 августа 1990 года президент СССР Михаил Горбачёв подписал Указ «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 1920–1950-х гг.».

Наступило время перемен. Пришла открытость и гласность, которые поначалу многие воспринимали с опаской.

1988 год был юбилейным для книги «Мы из Игарки». С момента её появления прошло 50 лет. И мы снова с Леопольдом Антоновичем встречали авторов книги на дебаркадере речного порта. Их было уже семнадцать. К группе добавились авторы Б. Н. Иванов, Н. И. Вебер, Н. А. Окладникова, Е. С. Мутовина и многие другие.

В старой части города на улице Кирова. Слева направо — Н. И. Вебер, Б. Н. Иванов, Л. А. Барановский, М. К. Цехин, Я. В. Почекутов. 1988 г.

Экскурсии для них по городу и по старым зданиям проводили мы с Леопольдом Антоновичем. Однажды пришли с Борисом Николаевичем Ивановым на улицу Большого Театра, он всё же вывел нас на бывшее здание школы №1 — дом №24.

Мы все считали его детдомом, ведь после войны здесь жили дети-сироты, здание изменилось внешне, появилась пристройка. Но внутри здания бывшие игарчата сразу увидели родной школьный коридор, даже перила не изменились. Мы с Леопольдом Антоновичем не переставали удивляться тому, как свежи в памяти авторов книги события 30-х годов.

Боря Иванов оказался проворным неслучайно. Он и писал неплохо, и фотографом был отменным. Отец его работал в прокуратуре, купил сыну фотоаппарат и даже брал его тайно на происшествия с собою. Фотографии Бориса Николаевича, которые он привёз в нескольких экземплярах, поразили нас. Иностранные пароходы, улица Экспортная, дети на льдине (обложка для книги «Мы из Игарки»).

Но нас интересовал и ещё один вопрос, который мы не озвучивали при всех. Где же находилась в Игарке тюрьма? Борис был подростком в то время, но с отцом вёл откровенные беседы. Однажды отец рассказал ему правду о том, почему прячет оружие под подушкой: «Не хочу попадать на допросы, потому что знаю, как они проходят». Борис Николаевич показал нам на пустырь за магазином «Рассвет» (улица Кирова).

В этот же период Леопольд Антонович Барановский стал открыто рассказывать о репрессиях, жертвах произвола. Он писал об этом в газетах, рассказывал по местному радио, в интервью приезжавшим в Игарку корреспондентам разных СМИ.

В город устремились многочисленные группы журналистов, представителей обществ ссыльных, которые хотели посетить места спецпереселений и лагеря для заключённых. И все они обращались к Леопольду Антоновичу с просьбой сопровождать их.

Установка креста в Агапитово. 1990 г.

С латышами он побывал в 1990 году в Агапитово, об этом я уже упоминала. Установленный здесь крест — единственный знак, напоминающий всем о трагедии, которая происходила в 1942–1943 гг. Добираться до заброшенных станков в наше место непросто. Желание побывать на месте захоронения родственников у людей возникает, но сделать они это не могут. Здесь не причаливают теплоходы, добраться можно только лотом на лодке.

Труднодоступность бывших мест заключения в наше время особенно остро ощущается. Раньше было много рейсов вертолётот, так как работали экспедиции, рыбозавод даже вывозил рыбу с отдалённых точек. Группы документалистов, журналистов добирались до мест расположения лагерей на вертолётот по согласованию с заказчиком рейса. По-другому было невозможно. Большая часть рейсов в район Ермаково и прилегающей территории с объектами ГУЛАГа, который возводил железную дорогу Салехард-Игарка, выполнялась Игарской геофизической экспедицией.

Её руководитель Юрий Георгиевич Зайцев всегда шёл навстречу гостям города. И даже помогал в развитии малого предприятия (МП) «Игарка», которое создавало туристический бизнес.

В подобные поездки приглашали Леопольда Антоновича.

В посёлке Ермаково. Слева – Л. А. Барановский, справа – Ю. Г. Зайцев. 1992 г.

Леопольд Антонович Барановский редко бывал в зонах в период строительства железной дороги (1948–1953 гг.) – только в исключительных случаях, по производственной необходимости, сам ведь находился под контролем комендатуры. Но он знал, что такой объект возводится, был очевидцем многих связанных с этим событий, происходивших в городе. Неудивительно, что именно его просили в 1989–1992 годах сопровождать группы, вылетающие в район бывшей трассы и лагерей.

В августе 1989 г. Леопольд Антонович вновь становится участником поездки в Ермаково. Об этом мы узнаём из газетного материала В. Монаховой «Солнечный день в Ермаково».

Участники съёмочной группы творческого объединения «Нерв» Центральной студии документальных фильмов заказали вертолёт для проведения съёмок на бывшей трассе железной дороги. В качестве консультанта приглашён Барановский.

Он показал один из самых крупных лагерей в районе Ермаково, где сохранились входные ворота, доска почёта, жилые бараки, вышки, БУР (барак усиленного режима), колючая проволока вокруг зоны. В те времена можно было увидеть многие предметы быта, которые были брошены после ликвидации объекта в 1953 г.

Недалеко от зоны сохранились и паровозы, которые стали теперь главными немыми свидетелями того времени. Именно тогда стали обсуждаться вопросы реабилитации жертв политических репрессий, восстановления в правах тех граждан, которые ещё не прошли этот процесс.

В Игарке появилась комиссия по реабилитации жертв политических репрессий. Возглавил её Леопольд Антонович Барановский.

Нужно ли объяснять, насколько важным было тогда не только восстановление многих людей в правах, но и правдивый рассказ об этом всем, кто давно ждал слова правды. Не секрет, что в Игарке бывших репрессированных было более половины населения.

Оказалось, что уже долгие годы Леопольд Антонович составлял картотеку на бывших репрессированных. Он тесно сотрудничал с руководителем Красноярского общества «Мемориал» Владимиром Георгиевичем Сиротининым, обменивался информацией.

В записной тетради Л. А. Барановского, которую мне передал его сын Евгений, нашлось немало подтверждений этого.

Вот одно из них – на иллюстрации, размещённой далее. Фамилия Сиротинин ошибочно написана Леопольдом Антоновичем «Сиротилин». Далее следует перечень фамилий репрессированных в Игарку людей. К уже известным фамилиям, внесённым в картотеку, Леопольд Антонович добавлял новые.

„ Мемориал "

Сиротинин Владимир
Георгиевич —

Мира №3

д.ж. Роденбергера №25 кв 12

Или. 21-34-02

Республика Крым. Коммунарка. 24-95-40

18 x 1 87н.

4.01, 8.05, 18.06, 3.07, 30.10, 13.15, 20.27 июля 90г.

31.01, 5.7.02, 26.03, 9.30.04, 4.11, 18, 25.06, 18.07, 6.5, 27, 29, 03
3.10.09, 19.11, 21, 28, 30.01.92г.

- 1) Котыков Иван Павлович 1887г. кузнец из с. Тапталовское Симферопольского р-она, арестован 15.02.38г. расстрелян 17.03.38г. в г. Марке
- 2) Зюбин - крестьянин г. Кузнецово (с. Зюбино) 29-50г. сослан с женой и детьми в Марку
- 3) Чкалов Василий крестьянин с. Писанка, Симферопольский уезд, сослан в Марку
- 4) Ермолаев Василий Петрович 1892г. крестьянин г. Кубеково Крым. край, в 1930г. расстрелян, принадлежал колхозникам, сидел в Мар-ской тюрьме Зюбин с женой сослан в Марку, где по-прежнему арестован в 1938г.

Из записной книжки Л. Барановского

В записной книжке нашли отражение и факты вандализма по отношению к местам заключения на Объекте №503. Бара-

новский пишет: «7–12 ноября 1992 года совершено самовольное разграбление одной из зон (№5) в пос. Ермаково, отнесённой к охранной зоне памятников ГУЛАГа. Возглавлял эту акцию Эрнест Георгиевич Иванов – редактор одного из московских издательств. Об их присутствии на месте свидетельствовали найденные багажные квитанции с рейса Москва-Игарка (указаны номера). Ими причинён ущерб: спилен один из трёх кедров напротив карцера, выпилены двери в карцере, спилены ворота, представляющие определённую ценность как ручная работа эзков, выломаны несколько нар». Подобные факты вандализма бывали нередкими. Но вот отношение к ним бывало разным – от осуждения до циничных насмешек.

В 1993 году Л. А. Барановский сдал всё хранилище данных о репрессированных в Игарский краеведческий комплекс.

В 2013 году я делала подробное описание этой картотеки для музея. На тот момент, конечно, уже была размещена информация на сайте Красноярского общества «Мемориал» – мартиролог, репрессивные акты, аресты, осуждения, документы о реабилитации и другое.

Было понятно, что многие игарчане из числа несправедливо осуждённых были знакомы Леопольду Антоновичу. Поэтому он делал об этом особые отметки, они касались деталей судьбы именно этих людей.

В данных Мемориала и картотеки Барановского нет расхождений. Но картотека содержит информацию о людях, которые не включены в списки репрессированных, так как эта база касается только Красноярского края. В Игарке же, как известно, было много ссыльных из других регионов. И если вы попытаетесь найти данные на немцев из Поволжья, жителей Латвии или Литвы, вы не найдёте на сайте Мемориала подобных данных.

Впрочем, о самом Леопольде Антоновиче Барановском, а также персоналиях, известных по публикациям, сведения внесены. Вот такая информация размещена, например, в общероссийской базе данных о жертвах политических репрессий:

Барановский Леопольд Антонович (1926)

Дата рождения: 1926 г.

Пол: мужчина

Национальность: латыш

Профессия / место работы: Депортирован 14.06.1941 с родителями в Дзержинский р-н КК

Осуждение: 14 июня 1941 г.

Приговор: Ссылка, 20 лет

Архивное дело: Собес Сухобузимского р-на КК - список

Источники данных: БД "Жертвы политического террора в СССР"; Красноярское общество "Мемориал"; БД Красноярского общества "Мемориал"

Примечание: В 1940 в 14 лет на спецпоселении на Енисее. Окончила 2-1 курс Резекненской госгимназии.

Информация о депортации Л. Барановского

Не могу не коснуться темы массового террора 1937–1938 гг., который получил в истории название Большого террора. Это принципиальный вопрос, который со временем уходит снова в забвение, что позволяет многим говорить, что никаких расстрелов в Игарке не было. Я столкнулась с подобными высказываниями в последние годы. И задумалась над тем, а как доказать обратное обычным гражданам, которых не коснулись репрессии и которые очень ревностно относятся к репутации советского государства, его гуманных устоев.

В то время Леопольд Антонович мало рассказывал о том, что ему известно. Только то, что архивы открывают неохотно, что Сиротину удалось уже увидеть многие важные документы. Но получить их копии сложно. Тогда я впервые услышала фамилию следователя Курбатова, который давал показания органам КГБ о своей деятельности в НКВД в г. Игарке в 1939 г. Об этом же «главе игарских чекистов» писал в «Трёх новеллах об Игарке» известный журналист Р. Горчаков. Он приводит фразу Курбатова, обращённую им к собственным подчинённым: «Пока полностью не вычистим отсюда ленинградский костяк, толку с нашей работы в Игарке не будет». Как оказалось, не зря Барановским упоминалась фамилия Курбатова. Но узнать всей правды Леопольду Антоновичу так и не довелось...

ГЛАВА IV. УЗНАТЬ ПРАВДУ В ПАМЯТЬ О БАРАНОВСКОМ

Всё тайное рано или поздно становится явным. И узнать хотя бы часть того, что происходило с людьми, когда их осуждали безвинно, по доносам и клеветническим наветам, нам всем необходимо. В память о пострадавших. Я подготовила эту главу в память о Леопольде Антоновиче, который хотел узнать истину.

Уверена по собственному печальному опыту, нам не суждено докопаться до корней, до самого дна этой трагедии. Архивы открывают только по запросу родственников, а если никто ничего не запрашивал, а я знаю подобные примеры, обнародовать каждый факт репрессии не будут. По истечении 75 лет дело в архиве просто можно списать! Когда говорят о жертвах политических репрессий, я понимаю, что установить всех поимённо могли бы только палачи, те, кто чинили расправу, кто прятали концы в воду. А досталась эта участь поборникам справедливости, тем, кто переживает за отечество, своих родных, друзей и всех тех, кто несправедливо пострадал.

Журналист Валентина Монахова в уже упомянутой мною статье «Солнечный день в Ермаково» размышляла о том, как узнать правду о ГУЛАГе и о тех, кто там пострадал: «Во многих городах и сёлах есть общество „Мемориал“, в главную задачу которого входит сохранение памяти о жертвах репрессий, восстановление исторической справедливости. Были и в Игарке робкие попытки создать такое общество, но дальше призывов дело не пошло».

Верно, в Игарке не нашлось энтузиастов, которые официально заявили бы о создании подобной структуры. Но фактически деятельность по сохранению памяти о репрессированных взвалил на себя Леопольд Антонович. Он не только составил карто-

теку, но и подготовил множество запросов в архивы по просьбе бывших репрессированных. У него не было возможности плотно работать с УФСБ по Красноярскому краю, Информационным центром МВД РФ, их архивами, сказывалась отдалённость от краевого центра. Поэтому рассчитывать приходилось на помощь красноярцев.

Владимир Георгиевич Сиротинин сделал много для того, чтобы предать огласке материалы не только о репрессиях, но и расстрелах. Поначалу информация шла от родственников, которые получали ответы из органов МВД, ФСБ на запросы. Потом Сиротинину удалось «вытащить» из архива УФСБ по Красноярскому краю расстрельные списки. Обработанные списки составили шесть томов. В томах 4–6 есть информация с фамилиями людей, которые были расстреляны непосредственно в Игарке с 1938 г. (включая даже военное время). Сведения далеко не полные, так как по воспоминаниям самих сотрудников НКВД, речь шла о сотнях. Сошлюсь на один из главных источников, который предан широкой огласке – «Тройки» ОГПУ-НКВД в Сибири в сталинскую эпоху (1925–1938 гг.)» автора Папкова С. А.

Опубликована эта статья в Новосибирске в сборнике статей «Власть и общество в Сибири в XX веке». Здесь приводятся данные из архивов КГБ. В частности, есть такие сведения: «На 1 марта 1938 г. было арестовано в Красноярском крае 9747 человек, осуждено „тройками“ 9680 человек, из них к расстрелу – 5289».

Расстрелы проводились даже по решению не только «тройки», но и «двойки». Это отражено в документах. Один из бывших сотрудников КГБ А. Васильев, изучая историю репрессий в архиве своей организации, рассказал в материале «Суд по телеграфу (из истории Игарки)» о том, как использовался телеграф в Игарке для увеличения числа расстрелов. Этот текст размещён не только на сайте Красноярского общества «Мемориал».

А вот по показаниям следователя Курбатова, которые он дал в 1956 г., самым кровавым для Игарки оказался 1939 год.

1	Полынов К.Г.				
2	Желте В.О.	05.08.38	Игарка	Дубовка	
3	Крестьян Ю.К.				
4	Беринь Крестьян Елена Ник.				
5	Добин Э.Ф.				
6	Васов П.П.	17.03.38	Игарка	Тройка	07.03.38
7	Издриин А.Г.				
8	Издриин А.Г.				
9	Хузин А.Д.				
10	Палатов П.П.				
11	Войтин Н.Ф.				
12	Швакшинов И.И.				
13	Иртышев Ф.В.				
14	Семидинов И.И.				
15	Болдин П.П.				
16	Овчинников П.П.				
17	Левинцев И.В.				
18	Неретиков П.В.				
19	Куртов Ф.Г.				
20	Хотинский С.А.				
21	Мерзляков С.А.				
22	Морозов А.Д.				
23	Швакшинов П.П.				
24	Колчанов К.И.				
25	Михайлов М.В.				
26	Климов П.П.				
27	Остапов П.К.				
28	Кузнецов Д.Ф.				
29	Баска Ф.М.				
30	Таракан Д.И.				
31	Кочаев П.П.				
32	Богданов К.М.				
33	Склякович П.П.				
34	Демидов Н.Ф.				
35	Корчагин П.И.	20.03.38	Игарка		
36	Варухин Т.Л.	26.03.38	Игарка		
37	Швакшинов С.П.				

Расстрельные списки. Фрагмент из тома 4

Об этом рассказывает автор упомянутой уже статьи С. А. Папков. В 1937–1938 гг., возглавляя 5-е отделение секретно-политического отдела УНКВД Красноярского края, Курбатов принимал активное участие в расстрелах арестованных в тюрьме г. Красноярска, а в 1939–1940 гг. возглавлял городской отдел НКВД в Игарке: «В период моей работы в г. Игарке в 1939 г. руководимым мною отделом было арестовано примерно около одной тысячи человек». О том, как расстреливали людей в яме, которая была оборудована прямо в горотделе, читать особенно тяжело: «Расстрелы арестованных производили в комнате горотдела, где ранее был Ленинский уголок. Под полом комнаты силами сотрудников горотдела была вырыта большая яма глубиной 7–8 метров. В эту яму складывали трупы убитых. В расстрелах принимали участие: я, Толстихин, Абрамов, Зарубин и Синицын. Я лично присутствовал при всех расстрелах. Расстрелы арестованных производились в летнее время 1939 г., когда круглые сутки было светло... В Ленинской

комнате расстреливать было удобно, так как из жителей никто этого не видел и не слышал. Расстреляно мною, а также Толстихиным, Абрамовым и другими было много, но сколько — я сейчас вспомнить не могу».

Автор статьи Папков делает вывод: «Сведения Курбатова ясно указывают, что Красноярскому управлению НКВД, как подразделению весьма специфического региона СССР, давалось особое задание для продления программы „очистки“ предшествующего периода: Игарский „медвежий угол“ был вполне подходящим местом (вроде Катынского леса) для скрытого исполнения этой задачи. Иначе говоря, постановление правительства от 17 ноября 1938 г. имело относительную силу и применялось в структурах НКВД в той мере, какая необходима была для полного завершения массовых операций предшествующего периода. Рассчитывая покончить с какими-то особыми категориями арестантов, режим предпочёл в обход закона тайно уничтожить их, не оставляя следов. И внесудебное рассмотрение дел должно было получить здесь последнее применение».

Выражение Игарский «медвежий угол» очень точное. Вдали от «материка» несложно было учинить расправу над любым неудобным. В 1994 году при посещении Игарского музея Виктором Петровичем Астафьевым мы обсуждали втроём тему арестов и расстрелов в Игарке. Писатель рассказывал нам с Леопольдом Антоновичем, что он с друзьями находил патроны в районе Медвежьего Лога, поэтому уверен, что расстреливали и там. Мы всё же с Барановским усомнились в этом — летом светло, видно всё, а зимой снега так много, что никто и не будет его чистить для подобных экзекуций. И вот когда я прочитала показания Курбатова, поняла, что чекистский ум был значительно изощрённее. Никуда не нужно ходить, всё можно обустроить так, что будет не слышно и не видно.

Барановский пишет в статье «Уроки Игарки» (Красноярский рабочий, 17 июля 1989 г.): «Я хорошо знал Абдурхака Резвановича Гайфулина, участника и инвалида Великой Отечественной войны. Его отец в 1940 г. был арестован и отправлен в Дудинку.

Больше своего отца Гайфулин не видел. Но Абдурхаку Резвановичу хоть что-то было известно об отце. А вот ставшая впоследствии медицинским работником Александра Батурина, её сестра Лидия, учительница, о своём бесследно сгинувшем в застенках НКВД отце так ничего и не узнали. Потерял след своего отца и Иван Тимофеевич Ломакин, которому уже потом, через несколько лет, „по секрету“ сказали, что отца его, осуждённого Особым совещанием, никуда и не увозили. Его расстреляли где-то в черте города».

Сейчас мы можем узнать на сайте Красноярского общества «Мемориал» все подробности ареста и вынесения приговора в отношении названных людей. Резван Шайдулович Гайфулин раскулачен в 1931 г. и выслан с семьёй в Игарку, работал столяром в школе №9. Арестован 23 октября 1940 г., осуждён красноярским судом по ст. 58–10 ч. 1 УК РСФСР 19 февраля 1941 г., отбывал срок в Норильлаге, умер там в июне 1945 г.

Фёдор Фёдорович Батурин был сослан с семьёй в 1931 г. из Забайкалья сначала в Манский район, вскоре этапирован в Игарку. Работал плотником в тарном цехе лесокомбината. Арестован в феврале 1938 года по статье 58–10 УК РСФСР, приговорён 19 мая 1938 г. комиссией НКВД и прокурором СССР к высшей мере наказания. Расстрелян 22 ноября 1938 г.

Тимофей Антонович Ломакин заведовал рыбным промыслом в конторе ГУСМП. Арестован 20 ноября 1937 г., обвинялся в антисоветской агитации, осуждён 5 февраля 1938 г. «тройкой» УНКВД, расстрелян 9 февраля 1938 г. в Игарке.

Меня всегда поражало то, как терпеливо и долго молчало целое поколение выросших детей «пропавших» репрессированных, потом ещё поколение их детей. Родственникам никто не говорил, что главу семейства расстреляли. Просто увезли, пропал...

Только спустя полвека, в конце 80-х и начале 90-х годов, стало возможным запросить информацию о том, что случилось с отцом, дедом. И когда игарчане узнавали, что суд завершился зачастую прямо в Игарке — то есть человека расстреливали

здесь — многие переживали повторный шок. Всё происходило совсем рядом, совсем близко. Но трагедия заключается в том, что до сих пор родственники расстрелянных не знают места их гибели и захоронения.

Спустя много лет члены семей бывших авторов книги «Мы из Игарки» писали мне и спрашивали, как же быть, где поклониться праху родственника. Оказалось, что кроме отцов Миши Цехина, Серёжи Ярцева, Назифы Бикмухаметовой жертвами террора 1938 года стали многие другие родственники создательницы детской книги.

Мне написали, например, бывшие игарчане о судьбе отца автора книги Маруси Черепановой. Её отец — Иван Васильевич Черепанов — был выслан из с. Пировское в Игарку в 1931 г. с семьёй. Работал в Севенстрое. Арестован 28 февраля 1938 года и приговорён «тройкой» к высшей мере наказания. Расстрелян 17 марта 1938 года в Игарке. Ваня Алдаев — ещё один известный автор книги. Его отец — Тимофей Васильевич Алдаев — сослан в Игарку в 1930 г., работал на лесокombинате. Арестован в марте 1938 года по обвинению в контрреволюционной агитации и расстрелян уже 14 апреля 1938 г.

Я перечислила лишь тех, о ком знала лично по истории известной детской книги. Позже более близко познакомилась с историей репрессий в совхозе «Полярный». Выявление врагов народа среди ссыльных началось ещё в 1937 г. Но расстрелы на месте не проводились (они начались в Игарке только с 1938 г.). Один из примеров — Константин Константинович Старцев, раскулаченный крестьянин — работал плотником в совхозе «Полярный». Арестован 17 июня 1937 г., содержался в красноярской тюрьме. Приговорён по нескольким пунктам статьи 58 УК РСФСР к расстрелу 27 ноября 1937 г., через три дня приговор был приведён в исполнение на месте.

А вот Матвей Фёдорович Босак, работавший мотористом катера в совхозе «Полярный», был арестован 29 октября 1937 года (обвинение по ст. 58—10, 58—11). Приговорён «тройкой» УН-

КВД 5 февраля 1938 года, через четыре дня приговор приведён в исполнение в Игарке.

В 1938 году в совхозе «Полярный» была обнаружена контрреволюционная повстанческая организация (КРВО), в неё были вовлечены 25 человек.

Рабочие совхоза были арестованы в разное время. Например, Григорий Прокопьевич Заболоцкий, который работал даже не в совхозе, а коновозчиком в ГУСМП, арестован как член этой КРВО ещё в феврале 1938 года (отмечается в досье — «по делу Казанцева М. В.»). Но потом появляется ссылка на «дело «Майшмаза Юрия Константиновича», ветврача совхоза «Полярный», который 5 апреля 1938 г. приговорён к расстрелу, по делу проходило 25 человек. В Мартирологе отмечается: «Начальник Игарской ГО НКВД Курбатов П. М. сфабриковал дело».

Вся группа «заговорщиков» вместе с Ю. К. Майшмазом была арестована в один день — 22 марта 1938 г.! В их числе — рабочие совхоза Малахий Васильевич Казанцев, Пётр Герасимович Аносов, Василий Никифорович Дербин, Усман Сапарович Абрагимов, Михаил Минеевич Заев, Леонид Епифанович Юдин, Иван Аристархович Юдин, Степан Ефимович Долгов, Дмитрий Дмитриевич Семёнов, Иннокентий Васильевич Казанцев, Семён Васильевич Казанцев, Иван Иванович Пономарёв, Георгий Семёнович Макаров, Михаил Викторович Попов, Павел Иванович Гаврилов, Иван Иннокентьевич Перебоев, Франц Павлович Грудецкий, письмоносец Александр Иннокентьевич Абрамов, столяры Дмитрий Трофимович Косарь, Семён Михайлович Макаров, бригадир тепличного хозяйства Иван Ефимович Мосин, бригадир-полевод Яков Поликарпович Козлов, плотник Михаил Павлович Гаврилов, кучер совхоза Ефим Семёнович Барковский.

Только Семён Васильевич Казанцев, Георгий Семёнович Макаров были осуждены на исправительно-трудовые работы сроком на восемь лет, все остальные приговорены к высшей мере наказания.

УПРАВЛЕНИЕ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
при Совете Министров СССР по Красноярскому краю

ДЕЛО № 11846

По обвинению участников к-р кулацко-повстан

ческой организации Майшмаза Я. К. и др.

Начато 20 марта 1938 г. В 1 томах

Окончено 27 марта 1938 г. Том № 1

Дело Ю. К. Майшмаза начато 20 марта 1938 г., окончено 27 марта. Копия архива УФСБ по запросу Н. Н. Аносова

Из этой группы двое – поляк, рабочий совхоза «Полярный» Франц Павлович Грудецкий и кучер совхоза Ефим Семёнович Барковский вывезены из Игарки. Грудецкий расстрелян в Красноярске 15 октября 1938 г., а Е. С. Барковский – 20 апреля 1938 г. в г. Канске. Все остальные 23 человека расстреляны в Игарке в один день – 20 апреля 1938 года. Трудно себе даже представить, как в небольшой Игарке можно было провести массовый расстрел людей, не имея для этого специального помещения. Все репрессированные, которых я упоминала, были реабилитированы.

Можно продолжать траурное перечисление расстрелов в Игарке и далее – по Мартирологу, который представлен на сайте Красноярского общества «Мемориал».

Точное число расстрелянных в Игарке мы никогда не узнаем. Да, можно сделать выборку из расстрельных списков, кото-

рые размещены в 4–6 томах списков общества «Мемориал», но они далеко не полные. И надеяться на то, что эти данные сохранены в архивах, по меньшей мере наивно. Но увековечить память о пострадавших в годы массового террора 1938 года и, как выясняется теперь, 1939 года мы просто обязаны.

Улица Кирова. Фото 30-х гг. XX в. Из коллекции В. Г. Григорьева

Прежде всего необходимо точно установить место содержания осуждённых и массовых расстрелов в Игарке. Выскажу личное мнение. Как рассказывали многие очевидцы (Б. Н. Иванов, О. П. Черноусова, семья Почекутовых), в середине 30-х гг. тюрьма находилась на улице Кирова. Одну из редких фотографий мне удалось увидеть в архиве журналиста В. Г. Григорьева. Она мне кажется несколько постановочной. Но даёт возможность рассмотреть строения на одной из центральных улиц старой части города. Справа – магазин №1 Игарторга (на вывеске написано «Бакалейно-гастрономический отдел»). Позже переименован в «Рассвет». За ним следуют постройки, в их числе – здание тюрьмы.

Но уже в 1937 году было построено новое здание милиции по улице Карла Маркса, дом 14. Это подтверждают описания мерзлотоведов А. М. Пчелинцева и Н. Е. Федотова, внесённые в Фотоальбом «Игарка» Игарской научно-исследовательской мерзлотной станции (ИНИМС) в 1966 г.

Когда именно отдел НКВД был переведён в новое здание, мне точно неизвестно, но можно предположить наверняка, что в 1937–1938 гг. Замечу, что случилось это даже раньше, чем было построено новое здание исполкома и городского Совета на той же улице Карла Маркса (год постройки – 1939). Необходимость в новом здании НКВД в Игарке была велика.

Здание милиции по улице Карла Маркса, 14. Фото из альбома ИНИМС (авторы А. М. Пчелинцев и Н. Е. Федотов), 1966 г.

Анализ документов репрессированных показывает, что по приговорам «троек» расстрелы не проводились с началом массового террора в 1937 году непосредственно в городе, осуждённых отправляли в Красноярск и Норильск. Потребность

в тюрьме, которая содержалась обычно в небольших поселениях при отделах милиции, была настолько актуальной, что её построили в новой части города уже в 1937 г. И в следующем году приговоры стали приводить в исполнение уже в Игарке.

Есть основания считать, что именно это здание имело самую «кровавую» репутацию. На это указывают даже воспоминания самих «палачей», которые были допрошены в 50-е годы.

По теме репрессий было и остаётся много вопросов. Например, по количеству высланных из Литвы, Латвии, Поволжья, Ленинградской области, Краснодарского края. При формировании постоянной экспозиции в Игарском музее по теме репрессий мы попытались с Леопольдом Антоновичем восстановить численный состав репрессированных.

Л. А. Барановским была составлена в статье «Мы, ссыльные, о себе и о друзьях» (опубликовано в книге «Игарка древняя, Игарка загадочная» 2013 г.) следующая скорбная статистика:

«В навигацию 1930 года в Игарку отправлялись раскулаченные. Людей грузили на деревянные баржи, а иной раз – прямо на плоты. По неофициальным данным за три навигации 1930–1933 гг. в Игарку было отправлено около 20 тысяч трудпереселенцев...

Новая волна спецпоселенцев хлынула на г. Игарку в 1942 году. В город и станки Игарского района были доставлены насильно: переселенцы из Латвии – около 2 тысяч человек, немцы из Поволжья – более 5 тысяч человек, греки из Краснодарского края – 500 человек, переселенцы из Ленинградской области и прилегающих областей:

финны – около 300 человек,
немцы – около 400 человек,
латыши – 100 человек.

В 1944 году прибыли спецпоселенцы из Калмыкии – более 500 человек.

В 1948 году в Игарку были направлены выжившие жертвы террора 1935–1937 гг. После отбывания десяти и более лет

в лагерях они направлялись на вечную ссылку в Игарку. В своём большинстве это были врачи, инженеры, военные, писатели, художники. Таких ссыльных было более 500 человек.

Последним аккордом спецпереселений была доставка в Игарку литовцев. Летом 1948 года прибыло 1300 семей, общая численность составила свыше пяти тысяч человек».

У многих вызывает сомнение последняя цифра. Где могла разместиться Игарка такое количество ссыльных? Но я при этом часто вспоминаю рассказ Любви Петровны Черноусовой в фильме Сергея Мирошниченко «А прошлое кажется сном»: «Мы жили в бараке, у нас был „второй“ этаж на нарах. Мы, дети, жгли лучины по вечерам, сидим наверху – всё видим. А потом проживали в бараках в комнате – по четыре семьи. Каждая семья в углу». Легко посчитать: если в комнате проживали по четыре семьи, в комнате могло проживать в зависимости от состава семьи около 12–15 человек в комнате. А в бараке? Даже если комнат всего 30, получится около 400 человек...

Многие игарчане помнят, что в городе появился «литовский» посёлок, а потом и «литовское» кладбище. Это говорило только об одном – ссыльных литовцев было так много, что они создали земляческое поселение внутри города.

Запомнилось также при редактировании книги Георгия Петровича Лапина «Эпоха лесного экспорта на Енисее» (2019 г.) не только упоминание автора о литовских работниках на ведущем предприятии города (лесопильно-перевалочном комбинате) как очень дисциплинированных и ответственных. Он отмечает, что только в 1948 году на Игарский ЛПК тремя партиями было принято около двух тысяч литовцев.

Леопольд Антонович Барановский в своих мемуарах часто писал, что многие ссыльные из Прибалтики работали портными, кузнецами, занимались ремонтом обуви, техники и т. д. Думаю, количественная характеристика дана Леопольдом Антоновичем довольно точно. Не нужно забывать, что ссыльных отправляли и по станкам, они проживали не только в Агапитово, но и в Погорелке, Сушково, Карасино, деревне Курейке и других.

Как я уже отмечала, в 90-е годы Л. А. Барановский официально возглавлял комиссию по реабилитации ссыльных, проживавших в Игарке и подведомственной ей территории. И уже тогда я поразились тому, что Леопольд Антонович многих репрессированных знал лично, собирал по крупицам факты биографии наиболее значимых для города фигур.

Когда пришло время открытости, он оформил по моей просьбе очерки о многих несправедливо осуждённых жертвах репрессий. Это уже был период сотрудничества в Игарском музее, где Барановский работал с радостью, спеша подвести итог того, что собрал, накопил, но не успел использовать, обнародовать.

Мы составили с ним план работы по подготовке очерков. Начинали с кирпичного завода, где он работал, мне показалось интересным раскрыть детали производства. Ведь современное поколение ничего не знает об этом. Мы судим о кирпичном заводе в Игарке только по описаниям жизни главного героя повести «Кража» В. П. Астафьева Толи Мазова. Виктор Петрович отразил очень самобытно то, как обитатели пристроек вокруг печей завода обустроили здесь свои жилища. В реальности всё так и было. Но ведь сам процесс производства нигде и никем не был описан.

Затем в списке воспоминаний были наиболее знаковые моменты – открытие педучилища народов Севера, второе рождение краеведческого музея, история появления памятников и досок в Игарке, спецпереселений.

Особое внимание Леопольд Антонович уделил «когорте корифеев» – репрессированным из числа представителей интеллигенции. У каждого из них была своя сложная судьба. Пропускать через себя горе каждого из пострадавших – это тоже важное качество Л. А. Барановского. Он рассказывал и писал о каждом так, словно это было частью его жизни.

Собственную историю – правдивую и открытую – он изложил в публикации «Уроки Игарки» (игарская газета «Диалог», 21 июня 1991 года). А позже написал в рамках музейных воспо-

минаний автобиографический очерк «Жизнь — какая она есть» (15 марта 1993 года).

Ранее, 17 июля 1989 года, в газете «Красноярский рабочий» появилась статья «Уроки Игарки», в которой было много личного, откровенного. А оно тесно переплелось со всем тем, что происходило в городе, отметившем 60-летний юбилей. Автор пишет: «Я разговаривал со многими литовцами, приехавшими в Игарку в составе экспедиции, которая занималась вывозом останков своих сыновей и дочерей, похороненных в Заполярье. Больше всего их поразило то понимание, с которым встретили их игарчане всех без исключения национальностей. Местные власти оказали им посильную помощь. Впрочем, иначе и быть не могло. Игарка всегда была интернациональным городом. Русские, литовцы, татары, немцы, латыши делали одно и то же дело, их дети сидели за одними партами в школах, люди вместе работали и вместе встречали праздники, было заключено множество межнациональных браков. Сама жизнь спланивала нас, и традиции эти сохранились в Игарке до сих пор. Может, поэтому мне трудно сегодня понять тех людей, которые искусственно разжигают националистические отношения и в Средней Азии, и на Кавказе, да и в самой России. Зачем же свои грехи взваливать на чужие плечи только потому, что на этих плечах держится голова другой национальности? В конце концов это просто непорядочно, нечестно». Такой была позиция Барановского, которого краевая газета представила так: «Сибиряк латышского происхождения, когда-то спецпереселенец, ныне — Почётный гражданин Игарки».

Газетных публикаций было в жизни Леопольда Антоновича немало. И на этом нужно остановиться особо.

ГЛАВА V. КАК РОЖДАЛСЯ РАБКОР И ЛЕТОПИСЕЦ

СОТРУДНИЧЕСТВО С ГАЗЕТОЙ

Первые публикации Л. А. Барановского в газете были связаны со спортом. Он был привязан к нему, участвовал в футбольных и волейбольных баталиях, увлекался серьёзно шахматами. Ветеран Игарской студии телевидения Наталья Дмитриевна Быкова рассказала мне: «Я девчонкой со сверстниками бегала в спортзал на улице Октябрьской, мы смотрели спортивные мероприятия – волейбол, баскетбол, это было захватывающе. Барановский всегда играл босиком. А ещё в городе все знали, что этот латыш очень сильный, закалённый и зимой ходит без шапки». Сам же Леопольд Антонович рассказывал журналисту А. Гончару такие подробности: «В 1954 году футбольная команда Игарки готовилась к участию в краевой спартакиаде, а я был лучшим нападающим, но невыездным. Местное начальство было заинтересовано в победе и пробило мой выезд в Туруханск. Я играл на поле, а мой охранник в милицмейской форме зорко следил за ссыльным форвардом у вратарских ворот».

Но первый шаг в спортивной карьере был сделан ещё в 1945 году. Барановский организовал шахматный турнир, создал шахматный клуб и 50 лет был его бессменным президентом. Многие запомнили фигуру высокого латыша, идущего по городу с шахматной коробкой под мышкой.

В феврале 1958 года в газете «Коммунист Заполярья» появились отчёты об участии игарских шахматистов в соревнованиях, проводимых по телеграфу. Эта форма проведения состязаний была популярна не только на Западе. Но и в СССР.

Юбилейное первенство городов РСФСР по шахматам

15 февраля началось 10-е юбилейное первенство шахматных коллективов городов Российской Федерации, посвященное памяти великого русского шахматиста М. И. Чигорина.

Одной из основных задач начавшегося юбилейного первенства является пропаганда телеграфных соревнований по шахматам среди широких масс трудящихся. В девяти прошедших ранее республиканских первенствах по телеграфу участвовало 1.500 шахматных коллективов, объединивших около 150 тысяч шахматистов.

Игарские шахматисты участвуют в этом соревновании впервые. Они включены в состав 3-ей группы и начали играть с городами Армавир, Ишим, Грозный, Орджоникидзе, Чебоксары, Курган и Сталинград. Сделаны первые ходы.

Партии закреплены за коллективами и ведущими шах-

матистами города. С городами Сталинград и Грозный, например, играет коллектив шахматистов средней школы № 9 во главе с Владимиром Беляковым, с городами Армавир и Ишим — коллектив шахматистов педагогического училища «Народов Севера» во главе с Дмитрием Бетту, другие партии закреплены за шахматистами горздрава, ТЭС, горкома КПСС.

Демонстративные доски, отражающие борьбу в партиях, будут сосредоточены в городском комитете физкультуры и спорта. В проходящих соревнованиях могут принять участие все желающие путем внесения в местную судейскую коллегию замечаний, предложений по поводу ходов и вариантов по любой партии.

Л. Барановский,
старший судья местной судейской коллегии, шахматист
II разряда.

Публикация в газете «Коммунист Заполярья» 20 февраля 1958 г.

Только в первенстве России с 1948 года участвовало свыше 20 команд. 15 февраля 1958 года стартовало юбилейное первенство РСФСР по шахматам, об этом в своей заметке пишет старший судья местной судейской коллегии, шахматист II разря-

да Л. Барановский. Игарские шахматисты ни разу не участвовали в предыдущих девяти соревнованиях. Партии были закреплены за коллективами (например, школы №9, педагогического училища Севера, горздрава, даже горкома партии), а также за сильнейшими шахматистами. Демонстративные доски были установлены в городском комитете физкультуры и спорта. В следующих номерах газеты давались комментарии хода соревнований, был сделан вывод о необходимости выделения отдельной комнаты для шахматистов.

Барановский участвует в конкурсах газеты на различные темы. Например, в 1964 году был опубликован очерк «В летний день» с пометкой «На конкурс «Коммуниста Заполярья».

Первая часть рассказа «В летний день», размещённая в газете «Коммунист Заполярья» 23 мая 1964 г. на третьей полосе

Барановский пользовался псевдонимом. Вот и этот рассказ был подписан «Л. Антонов». Но чаще псевдоним редакция ис-

пользовала в тех случаях, когда в газете размещались два материала Барановского.

Постепенно круг интересов будущего рабкора газеты расширился, появились исторические заметки. А с открытием в 1964 году Игарской студии телевидения появились новые возможности подготовки материалов для радио и ТВ. Уже в 1968 г. В. Пырсинов, главный редактор радиовещания, упоминает в своей публикации «В эфир» в газете «Коммунист Заполярья» (7 мая) фамилию активного внештатного автора Л. Барановского. А 7 мая 1974 года газета «Коммунист Заполярья» разместила сразу два материала Л. Барановского – подборку фактов по истории Игарского ТВ и подробный рассказ о том, как оно создавалось. Поскольку Леопольд Антонович был очевидцем рождения Игарской студии ТВ и тщательно следил за её развитием, ему несложно было изложить всё для печати. Ещё более содержательным был материал «Как дорогой подарок» к 15-летию создания Игарской студии телевидения (опубликован 14 апреля 1979 года).

	<h1>С ПЯТНАДЦАТИЛЕТИЕМ!</h1>			
<h2>ГОДЫ РОСТА</h2> <p>В ОТ УЖЕ 15 лет каждый вечер в квартирах игарки</p>	<p>директору ансамбля-представительского ансамбля В. И. Бруцкий, главный инженер ППК Ф. С. Казанов, рабочему флота ППК Н. П. Тарану, школьнику С. Тезекову, преподавателю В. А. Коломенко, врачам Л. А. Тодоскиной, И. Л. А. Тереховой, оркестрам П. Н. Филиповой, Н. В. Уоль-</p>	<h2>КАК ДОРОГОЙ ПОДАРОК</h2>	<p>14 апреля 1964 г. дождит все старожилы Игарки. В этот день вечером с чаепитием дышали ждком, когда начинается первая передача местной студии телевидения. И она бесконечна! Это был большой подарок игарчанам, хотя преподаватель его оказался делом непростым. Была тогда иная «свиный бедствия» — война — главная задача строительства жилья. Дома росли быстро, уже к новому 1963 году в эксплуатацию был сдан район «Черемушки». Но жилья еще не хватало. Тем не менее ГК КПСС и</p>	<p>Игарского телецентра. А 1 апреля в 20 часов была проведена первая передача. Для игарчан это было грандиозное событие. О нем в лето вратились в доме, и в работе и на улицах. В то время из Игарки еще были пяти городов, омыранными телевизионными лучами. За пятнадцать лет много изменилось. Коллектива студии телевидения и тысячи зрителей большой она Улучшился из года в год ее большинство познания и содержание передач. Сегодня сделала еще один шаг вперед: мы стали регулярно смотреть Центральное телевидение. Но передачи нашей студии не вторичны одной из уникальности. Мы всегда ждем.</p> <p>В день юбилейной даты мы конечно пожелать коллективу нашей студии телевидения и в частности дальневосточного творческого коллектива.</p> <p>Л. БАРАНОВСКИЙ.</p>

Газета «Коммунист Заполярья», 14 апреля 1979 г.

О сотрудничестве с местным телевидением рассказу отдельно. Но пока вернёмся вновь к публикациям в газете. Жур-

налисты редакции местной газеты, безусловно, хорошо знали Леопольда Антоновича. Он был уважаемым, авторитетным работником — именно так газета называла своих внештатных авторов. Очень скоро Леопольд Антонович вышел за пределы спортивной и исторической тематики. Он освещал работу сферы, которая была ему знакома по основной деятельности, а затем — по общественной. Депутатские полномочия, а с ними он успешно справлялся 25 лет, давали ему возможность не только самому участвовать, но и привлекать население к развитию города. Его волновали вопросы производства, выпуска местной продукции, материалов, расширения сферы услуг, благоустройства города, установки памятников и памятных досок, приезда гостей.

Одна из значительных статей «Для будущих поколений» появилась 19 февраля 1976 г. Рубрика «Город: каким он был», под которой разместили материал, была посвящена историческому облику города. Автор справедливо отмечал, что в 1964—1967 годах были установлены многие памятники, которыми гордится город: памятник В. И. Ленину, обелиск памяти погибшим в годы Великой Отечественной войны, мемориальные доски О. Ю. Шмидту и В. Н. Пашенной, барельеф «Дружба моряков». Но затем наступило затишье в сооружении исторических монументов.

Л. А. Барановский лично участвовал в разработке проектов памятных мест, организации их установки. И он предлагает в своём материале новые варианты: соорудить памятные места, посвящённые открытию протоки в 1927 году командой парохода «Тобол», ярким достижениям полярной авиации и первооткрывателям сурового северного берега, где была построена Игарка. Леопольд Антонович вспоминает в этой статье также экспозиции краеведческого музея, здание которого погибло во время большого пожара 1962 года. Он особо подчёркивает важность открытия краеведческих уголков на предприятиях, наиболее актуально это для лесопильно-перевалочного комбината, который, кстати, в будущем обустроит комнату боевой и трудовой славы.

Формирование особого исторического облика города всегда было для Леопольда Антоновича ведущей темой. Он понимал, что в перспективе заниматься этим можно только в том случае, если соответствующие мероприятия будут внесены в планы развития города. При этом Барановский использовал весь собственный потенциал, общественное положение.

Одной из ведущих тем для Леопольда Антоновича был рассказ о людях, которые оказали серьёзное влияние на становление города. Ключевой фигурой для него всегда оставалась Валентина Петровна Остроумова. Сбор материалов, как мне кажется, он начинал уже с того момента, как только услышал об этой неординарной, отважной женщине-руководителе. Но многие документы долгое время оставались закрытыми в архиве. И даже если факт репрессии становился явным, оглашать сведения о нём было нельзя. Можно сравнить два материала об Остроумовой и сделать выводы о том, насколько изменилось время.

31 октября 1978 года в газете «Коммунист Заполярья» появилась публикация «Вдохновлённая революцией». Именно так называлась книга об Остроумовой. Материал Л. А. Барановского начинается сразу с итоговой оценки: «Маленькая книжечка в восемьдесят пять страничек, которую мы полноправно можем занести в золотой фонд летописи нашего заполярного города». И с этим невозможно не согласиться. Автор книги Андрей Фёдорович Ротштейн, историк и публицист, ветеран Коммунистической партии Великобритании, лично знал Валентину Петровну Остроумову. Она начинала свою деятельность беспартийной стенографисткой и дошла до руководящих партийных должностей благодаря неутомимому характеру, кипучей энергии. Ротштейн пишет в книге: «Остроумова хорошо была известна, и не только в тех городах и районах Советского Союза, где ей довелось работать, — в Москве, на Алтае, в Сибири, Игарке и Данилово-Ярославском, но и за границей, благодаря её участию в международных конференциях в Женеве (1922 г.), в Лондоне (1920 г. и 1924 г.)».

Леопольд Антонович Барановский обращает внимание на то, как объективно и полно освещает автор книги биографию и деятельность Остроумовой, подчёркивая особую роль этой выдающейся женщины для Игарки, которой она руководила с 8 февраля 1935 г. по 23 мая 1937 г. Валентина Петровна покидала наш город временно. Но больше она в Игарку не вернулась. К сожалению, в далёком 1978 году ни автор книги Ротштейн, ни автор материала о ней Барановский не могли сказать правду о том, что В. П. Остроумова была расстреляна в Москве в 1941 г. после долгого содержания в тюрьме. Леопольд Антонович пишет о том, что изучал её личное дело в краевом архиве, не сомневаюсь, он хорошо знал, что произошло с человеком, который стал жертвой сталинского террора, но публиковать сведения в тот момент никто не мог.

А вот в 1988 году (газета от 17 декабря) в публикации «Второе издание книги о В. П. Остроумовой» Леопольд Антонович пишет уже открыто о трагической гибели Валентины Петровны: «Она погибла в застенках лагерей, увеличив число жертв необоснованных репрессий сталинского режима».

Во втором издании книги появились дополнения, которые делают более полным портрет выдающейся женщины-лидера. Они касаются игарского периода деятельности. Второе издание книги подарил Леопольду Антоновичу сын Остроумовой – Андрей Фёдорович. Он сделал на новом издании следующую надпись: «Леопольду Антоновичу от А. Ф. Остроумова (по поручению автора). 1988 г.».

Цикл статей появился за подписью Л. А. Барановского в 1979 году. К 50-летию города он старался написать о самых важных вехах в истории города. Расположив материалы в хронологическом порядке, он проследил основные события, памятные даты, назвал первостроителей и передовиков.

Для подготовки многих материалов требовалось скрупулёзное изучение документов в архивах, публикаций в газетах и журналах. В историческом очерке «В годы первой пятилетки»

(5 апреля 1979 г.) автор как раз делает в конце статьи ссылку на то, какими источниками он пользовался.

24 мая 1979 г. появился материал «За годом — год» под рубрикой «К юбилею Игарки». На этот раз Леопольд Антонович проследил деятельность Игарского городского Совета и исполкома в период с 1935 г. до начала Великой Отечественной войны. Бурный период развития города начался в 1935 г. Это исторически важный факт. Автор отмечает: «Делегация городского Совета во главе с его председателем тов. Брилинским побывала 17 июля 1935 г. на приёме у Председателя ЦИК СССР Михаила Ивановича Калинина. Двенадцать дней проведены в Москве с пользой для дела. Игарчане встретились со многими ответственными лицами, от которых зависело дальнейшее строительство и развитие города, и добились выделения ссуды на приобретение крупного рогатого скота в личных хозяйствах, средств на строительство водопровода и разработку залежей графита». Хочу отметить, что фактам в своих материалах Леопольд Антонович всегда придавал особое значение. Вот и здесь информация о том, какой важной и значимой была для Игарки поездка с отчётом в столицу, очень насыщена деталями, и ни одна из них не является несущественной.

Некоторые моменты вызывают искреннее удивление. Ведь мы, в сущности, знаем так мало о том времени, многое ускользает из поля зрения и остаётся только на бумажных носителях архивов. Оказывается, ещё в 30-е годы горисполком обратился в «Гипрогор» с просьбой предусмотреть использование водных ресурсов рек Гравийки или Хантайки с расчётом постройки на них гидростанции. Планировалось это строительство на 1941—42 гг. Автор приводит другой факт: «4 июля 1937 года было принято решение о строительстве пристани на кооперативных началах заинтересованными организациями. А в ноябре была организована первая перевозка пассажиров на приспособленных для этого автомашинах. Три маршрута составляли протяжённость 6,5 км. Интервал движения — 30 минут».

Л. А. Барановский приводит также многие другие интересные данные — например, о развитии совхоза «Полярный». Мало кому был известен факт о том, что в водоёмах Игарки прижилась ондатра, которая пополнила пушной баланс района.

В 1940 году развитие Игарки достигло высокого уровня. Увеличились поставки продукции лесокомбината для внутреннего рынка, особенно для близлежащих северных городов. В этом же году была сдана школа на 400 мест, детсад на 80 мест. В городе было 13 школ, в них работали 132 учителя, обучалось более 3300 детей. В Игарке работали одиннадцать лечебных учреждений, в которых трудились 26 врачей и 60 человек медперсонала. Действовал городской драматический театр им. В. Н. Пашенной, кинотеатр и народный театр. Руководил деятельностью исполкома горсовета в тот период Сергей Николаевич Малютин. Он приехал в Игарку в числе первостроителей, работал грузчиком, в 1936 г. стал директором ЛПК, а вскоре был выдвинут на должность председателя исполкома Игарского городского Совета.

Леопольд Антонович всегда отслеживал связь бывших игарчан с городом. Вот и в этой статье он отмечает: «Сергей Николаевич был гостем Игарки, когда отмечалось её 35-летие, и вместе с нами восхищался теми изменениями, которые произошли в городе».

21 июня 1979 г. появился материал «В послевоенные годы», который также поведал с хронологической точностью о многих интересных фактах в развитии города.

Вот наиболее значимые из них. 16 декабря 1947 года были отменены карточки на продовольственные и промышленные товары.

Ведущее предприятие города Игарский ЛПК вышел на плановые показатели выпуска лесного экспорта. С февраля 1987 года городская газета «Большевик Заполярья» стала выходить два раза в неделю. Новой постановкой «Платон Кречет» порадовал зрителей драмтеатр. 13 июня 1947 года в здании клуба ЛПК стал действовать пионерский лагерь, его начальником был назначен Василий Яковлевич Какаулин, бывший фронтовик, учи-

тель школы №4. Двадцать два выпускника завершили учёбу в педагогическом училище. Это был последний выпуск при директоре Агафье Георгиевне Голиковой.

Меня всегда очень трогает факт особо трепетного отношения Леопольда Антоновича к игарчанам. Он пишет, казалось бы, о событиях, вехах в развитии города, но при этом тепло вспоминает людей, которые много сделали для города. Он называет в этом очерке демобилизовавшихся к тому времени из рядов Советской Армии бывших руководителей городских организаций. Это Валентин Павлович Корякин, Григорий Иванович Григорьев, Николай Павлович Столобков, Александр Матвеевич Ляпустин, Михаил Яковлевич Тугунов, Арсений Иванович Василевский.

Зачастую темы, которые выбирал Барановский для своих материалов, не касались напрямую Игарки. Но любое соприкосновение с нашим городом — через людей, события — было очень важным для него. 17 февраля появился, например, очерк «Рулевой «Авроры». Казалось бы, рулевой крейсера «Аврора» Г. Д. Богатырёв не имел тесных связей с заполярным городом. Но краеведу стало известно, что в 30-е годы довелось бывшему рулевому поработать в нашем морском порту, ходить на судах от Мурманска до Игарки. И вот появился живой, интересный рассказ о человеке, у которого за плечами героический путь и первопроходца Октября, и покорителя Севера.

Один из очерков «Светлогорск сегодня» (17 ноября 1979 г.) Барановский посвятил посёлку строителей Курейской ГЭС. Он написан как путевые заметки. В нём отражены важные достижения в основном строительстве и обустройстве Светлогорска.

Комсомольцам, их успехам в развитии заполярного города посвящён материал «Запевалы добрых дел» (25 октября 1979 г.). Леопольд Антонович сам не был комсомольцем, но уважительно относился ко всем благим начинаниям молодых, их задору и энергии.

Публикации 80-х годов отличает более узкий подход к выбору темы. 50-летию городской партийной организации был

посвящён материал «От первой палатки до промышленного центра» (13 октября 1981 г.). Другая публикация «Юбилей горюродского совета» вышла 4 февраля 1982 года. Об истории создания Главного управления северного морского пути (ГУСМП) Л. А. Барановский рассказал в цикле очерков под общим заголовком «Начало больших свершений», они печатались в трёх номерах газеты — 17, 22 и 27 июля 1982 г.

Газета «Коммунист Заполярья», декабрь 1985 г.

Барановский охотно писал о событиях и известных людях. Поводом для публикации «Встречи в Игарке» (декабрь 1985 г.) было 70-летие со дня рождения писателя, поэта Константина Михайловича Симонова. Автор рассказывает о встрече, которая состоялась в Игарке в клубе «Строитель» с Симоновым 11 августа 1964 года. Он не только рассказал о себе, но и прочитал свои стихи.

Многим игарчанам, оказывается, до сих пор памятна та встреча. Высокая поэзия не знает границ во времени, разве может кто-то забыть знаменитые строки: «Жди меня, и я вернусь».

К. Симонов в Игарке. Из архива В. Григорьева

В октябре 1986 года большой материал «Прекрасные крылья» посвящён знаменитому лётчику полярной авиации Яну Степановичу Липпу. В историю развития авиации Красноярья он вошёл как первооткрыватель многих северных трасс края. Вот и в Игарке он приземлился первым, благодаря его усилиям была проложена постоянная авиатрасса Красноярск-Игарка. Для многих пилотов того времени полёты были повседневной и будничной работой. Но сколько в этих людях было героизма, самоотверженности. Ведь они и впрямь были первооткрывателями. В этой статье Барановский приводит высказывания о Липпе известного игарского лётчика Сергея Клавдиевича Фрутецкого, который лично знал Яна Степановича и участвовал даже с ним в перелётах. Одна из особенностей рабкора Барановского — обязательно использовать вспомогательные материалы, проводить аналогии, находить очевидцев событий и давать возможность им высказаться.

Часто Леопольд Антонович возвращался к темам, героям своих рассказов. Вот и о Сергее Николаевиче Малютине упоминал много раз. Но полный материал получился впервые только в 1986 году. Публикация о Малютине под названием «Человек из нашего города» появилась 21 октября. Этот руководитель добился многих заметных перемен в городе, всегда был энергичным и любящим Игарку. Все лучшие черты характера передались четверым сыновьям, которых многие игарчане знали и долгое время помнили. Девятнадцать долгих лет упорного труда были отданы Сергеем Николаевичем заполярному городу, Леопольд Антонович уверенно писал, что «добрая память о нём живёт в сердцах игарчан».

Леопольд Антонович никогда не публиковал дважды одни и те же материалы. Даже упоминания людей при повторях он делал очень аккуратно, тщательно проверяя факты и избегая того, о чём уже писал. Например, 7 ноября 1987 года в рубрике «Они строили город» был напечатан исторический очерк о первостроителях «Не боялись трудностей». Здесь вновь упоминается С. Н. Малютин. Как одна из ключевых фигур в числе первостроителей Игарки, отмеченных в приказе, который был зачитан на торжественном городском собрании, посвящённом пятилетию строительства города Игарки. И здесь Барановский, помимо краткой характеристики Малютина, излагает новую подробность из личных впечатлений Сергей Николаевича, побывавшего в 1967 году в Игарке: «Уже будучи пенсионером, посетил наш город, побывал на улице Смидовича у своего домика, в котором прожил продолжительное время». Трогательный момент. Думаю, никого из читателей он не мог оставить равнодушным. Кто не знает улицу Смидовича в Игарке! Это же символ старой Игарки! Первые добротные дома построены были именно здесь, в центре города, его колоритно описал В. П. Астафьев в повести «Кража».

Автор сделал оговорку, что использовались материалы краевого архива. Неудивительно, ведь приказы, подобные тому, что упоминался в статье, хранятся до сих пор в архивах. Но ис-

пользуя всего один документ, Леопольд Антонович очень увлекательно рассказывает о тех, кто был в первых рядах строителей Игарки. И должна сказать, здесь много неизвестных фактов. Да и имена людей из далёких первых лет строительства города вряд ли у многих на слуху – Ефима Григорьевича Лопатина, Георгия Ивановича Шукина, Ильи Леонтьевича Шарая, Григория Александровича Попова, Глафиры Алексеевны Чанчиковой, Виктора Александровича Корсака, Викентия Семёновича Негодяева, Зои Вячеславовны Беник, Зинаиды Николаевны Сысоевой и других.

Мне очень запомнился проникнутый теплотой и душевностью материал о доме №16 по улице Горького. Он назывался «Восстановлению подлежит» (16 июня 1987 года). Речь шла о невзрачном здании, где разместился склад рыбкоопа. В далёкие тридцатые годы это было первое просветительное учреждение в новой части города – школа. Позже здесь разместилось ремесленное училище. С годами дом обветшал, и его отдали под склад.

Здание по улице Горького, 16. Фото из альбома ИНИМС (авторы А. М. Пчелинцев и Н. Е. Федотов). 1966 г.

Леопольд Антонович рассказывает о восприятии этого дорогого сердцу здания бывшим учителем Игнатием Дмитриевичем Рождественским и бывшим учеником Михаилом Цехиным. Они любили этот деревянный, уютный дом и тяжело восприняли тот вид, в котором он находился во время их приезда в город. Автор высказывает свою точку зрения о том, какой он видит реконструкцию здания с целью сохранения его исторического облика: «Какой мне представляется дальнейшая судьба бывшей школы? В идеале — это здание, полностью восстановленное по сохранившимся в БТИ чертежам и по памяти старожилов, с колоритом строительных элементов 30-х годов, с центральным отоплением — но при восстановлении кирпичных печей-голландок, с оформлением одного из классов партами, доской и другим школьным инвентарём 30-х годов. Табличка на стене дома должна извещать людей о том, что это здание представляет историческую ценность».

Забота об исторически значимых объектах в городе была для Леопольда Антоновича главной особенностью его сильного характера. Очень хорошо всегда понимала его идеи. Вот и этот материал запомнился прежде всего тем, что в нём очень правильно дана оценка здания, которое дорого до сих пор многим поколениям игарчан. Таких деревянных домов в Игарке набралось бы с десятков, их сохранение было бы очень важным для показа лучших образцов северного зодчества первой половины XX века.

Память о людях, которые оставили заметный след в развитии Игарки, тоже не давала покоя Леопольду Антоновичу. Он лично поддерживал отношения со многими из них. Например, с Андрианом Семёновичем Ворониным. Выходец из семьи эвенкийского охотника, способный юноша Андриан Воронин поступил в 1926 г. в Ленинградский институт восточных языков и успешно его окончил. Энергичность и высокий профессионализм помогли ему влиться в деятельность Комитета содействия народностям Севера при Президиуме ВЦИК.

Работал инспектором Красноярского краевого отдела образования, затем был приглашён в Игарку для создания педаго-

гического училища народов Севера. Блестяще организовав процесс, стал директором училища в 1939 г. Участник Великой Отечественной войны, вернувшись с фронта, вновь работал на Севере. «Полпред Севера» — так называлась статья Барановского о Воронине, опубликованная в местной газете 22 августа 1987 г. Удивительно точно она отражает характер активного деятеля.

Знакомому мальчику Андриану Воронину, родившемуся в Забайкалье, исполнилось десять лет, когда в их котлован пришло известие из Петербурга о новой власти — Советов. Мог ли он тогда знать о том, что возмущен этой властью станет он, сын котлованостроителя, и будет принимать активное участие в судьбе шестнадцатого номера избранного местом своего проживания почти все Сибирь восточной Европы.

Он с большим уважением относился к своему селу, в котором было немало знаковых среди русских. Старый зевин хорошо понимал роль и значение русских традиций и культуры для малых народов. Поэтому он без колебаний определил школу в начале пути шаюу, где его научил грамоте.

После ликвидации колхозности и установления Советской власти в Забайкалье, на родине Андриана Воронина, была создана ячейка РКСМ. В нее вступила семья котлованщика и двое детей. Секретарем ячейки молодой «барбад» самого имени, «барбад» и прозванный на тох — Андриана.

В 1920 году его направляют на учебу в Ленинградский институт востоковедения. Весной 1920 года Андриан Воронин — в рядах ВКП(б).

В 1924 году им Президиум ВЦИК был избран Комитет содействия народам Севера.

● К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

ПОЛПРЕД СЕВЕРА

ных народов РСФСР. В народе его знали просто Комитет Севера. Это существовавшая в своем роде организация, через которую социалистическое государство оказывало содействие малым народам, а утверждению равноправия и просвещения отсталости. В его состав был избран Андриан Семенович, который представлял азиатскую молодежь.

В 1935 году образовался Красноярский край, в котором был созданного партийного и советского работников, назначается в Красноярск. Он избирается депутатом первого краевого съезда Советов, провозгласив на нем речь, в которой ставит вопросы об улучшении медицинского обслуживания и просвещения в Эвенции и Таймыре. Его назначает инспектором крайюво для решения этих вопросов.

Тогда, в сентябре 1935 года, Андриан Семенович впервые посетил наш город. Здесь имелась все возможности для открытия педагогического училища народов Севера. Люд Игнра находится в одном обществе с Эвенцией и Таймыром, сибирскими национальными органами. Его приезд в наш город совпал с проездом начальника ГУСМН Ото Юльевича Шмидта, который поддерживал инициативу А. С. Воронина. Тогда в городе базировались совнархозная и торговая школа, которые готовили кадры для национальных органов.

Возвратившись в Красноярск, он стал обострять свою идею об организации училища и Игнре. Вот как об этом пишет в письме Андриан Семенович:

«В первые месяцы работы мне пришлось тщательно изучить все имеющиеся в крайюво материалы о школах Севера. А в марте 1936 года меня командировали в Иркутск и на Таймыр для изучения на месте школьного дела, чтобы известить конкретные меры улучшения работы школ, на это требовал момент выступления в одной стране на новую ступень развития.

В Игнре в это время уже была создана учебно-производственная база для подготовки учителей на среднюю школу Севера.

Крайюво ВКП(б) и крайисполком согласился с моими докладами, и в июне 1936 года Совнархоз РСФСР разрешил на базе северного отделения Енисейского мединститута организовать училище в Игнре. Для его организации были выделены специальные средства в сумме 125 тысяч рублей. Тогда же назначили меня первым директором училища.

Как проходила первая работа? На Енисейского училища приехали 9 учащихся, пережив в торговую школу города Игнры, из Игнрского детского — 11 человек, а остальные прибывали с Таймыра, Эвенции и Туруханского района. Практически все из них было в пяти-шестилетнем возрасте. Также образовался первый курс, мы укомплектовали из 64 учащихся. Примечательно, что 75 процентов из них были представителями коренных национальностей».

Много позже, при личной встрече с уважаемым педагогом Андриан Семенович сказал:

«На Красноярском Се-

вере нет такой школы, где бы не работали представители Игнрского училища. На его стенах много лет спустя открылись партийных комсомольских работников, руководителей школ и органов народного образования. Хотелось отметить, что в далеких точках Эвенции работают бывшие выпускники: Оленица, Прохоренко, Копина, Христова, Афанасьева, Гургушир и другие. А Галина Георгиевна Сухова и Надежда Николаевна Комбар — заслуженные учителя РСФСР».

Июль Андриана Семенович перебрался на работу в горюво партии. Началась Великая Отечественная война. Он направился добровольцем на фронт и принимает участие в боях Рязани, Контаня. Он возвращается в наш город и продолжает работать в горюво КПСС. Но стране нужны национальные кадры, и Андриан Семенович возглавляет Советом депутатов трудящихся Туруханск, Баймакского и Иланского районов.

Сегодня А. С. Воронин — персональный пенсионер, ему исполнилось восемьдесят лет. Совсем недавно он был в нашем городе, и от него ведало удивительного нет: ведь любит свой край и народ этот истинный полпред Советской власти на Севере. А эта любовь придает ему силы.

Л. БАРАНОВСКИЙ,

почетный гражданин города. В статье использованы материалы газеты «Ирэнбургской рабочей».

Газета «Коммунист Заполярья», 22 августа 1987 г.

Практически в это же время – 27 августа 1987 г. – вышла ещё одна публикация Л. А. Барановского. Она называлась «Ветеран партии и труда» и была посвящена краеведу, участнику Великой Отечественной войны, общественному деятелю Павлу Алексеевичу Евдокимову. Он приехал в Игарку в 1935 году для участия в отгрузке лесного экспорта в морском порту. Его активность позволила сразу влиться в деятельность партийной организации, он трижды встречался с 1-м секретарём Игарского горкома партии В. П. Остроумовой. В послевоенный период, вернувшись с фронта, работал в военкомате, горкоме партии, а потом ещё двадцать лет коллектором в Игарской научно-исследовательской мерзлотной станции. Здесь он стал изучать историю города, а в музее вечной мерзлоты участвовал в создании экспозиций в подземной части и проведении экскурсий на общественных началах. Он добился того, что музей вечной мерзлоты, открытый Игарской научно-исследовательской мерзлотной станцией (ИНИМС) 1 марта 1965 года, внесли в перечень ведомственных музеев Академии Наук СССР, в ведении которой находилась и ИНИМС. Даже уйдя на заслуженный отдых, Павел Алексеевич продолжал общественную деятельность. Он организовал комнату трудовой и боевой славы лесопильно-перевалочного комбината, которая находилась в Доме культуры ЛПК, была достойно оснащена и оборудована макетами. Здесь было выставлено много материалов о ветеранах войны и труда, работавших на лесокombинате.

Но Леопольд Антонович писал не только об известных людях. Немногие знали, например, педагога Вячеслава Георгиевича Шурдукова. Ему был посвящён в 1988 г. материал «Добрая память» в рубрике «Люди нашего города». В Игарке было много образованных людей, скромно отдававших свои знания окружающим. В. Г. Шурдуков окончил Ленинградский пединститут им. Герцена, работал в Дудинке, попал в тяжёлую аварию, произошедшую в 1939 г. на железной дороге Норильск-Дудинка. Поправившись, он приехал в 1941 г. с женой в Игарку, где отработал учителем истории и литературы 17 лет. К сожалению,

в 1958 г. у него обнаружили опухоль головного мозга, от последствий которой он и умер после операции в Ленинграде. В нашем городе В. Г. Шурдуков оставил светлую память о себе, коллеги разместили в газете «Коммунист Заполярья» некролог после его кончины.

Так случилось, что мой коллега по Игарской студии ТВ Владимир Григорьевич Григорьев, с которым мы никогда не виделись в заполярном городе, а познакомились только в новом веке, был близким другом Л. А. Барановского и состоял в родственных отношениях с В. Г. Шурдуковым (был племянником его жены, которая была сестрой известного в городе учителя Лидии Фёдоровны Батуриной). При подготовке моей книги о пребывании в Игарке В. П. Астафьева «Детство на краю света» Владимир Григорьевич помог мне найти след воспитателя Игарского интерната В. И. Соколова, близкого наставника будущего писателя. Удивительно, но Шурдуков и Соколов были знакомы, эти два Учителя с большой буквы имели много общего. Прежде всего – высокую образованность, внутреннюю, непоказную интеллигентность. В. Г. Григорьев сохранил в личном архиве даже письмо от В. И. Соколова Шурдукову.

Ещё один интересный пример. В 1987 г. был опубликован в рубрике «Творчество наших читателей» материал «Стахановка». Автор сделал пометку: «Невыдуманный рассказ». Он умудрился ярко и живо рассказать о женщине, с которой сам работал ещё на кирпичном заводе до войны, не назвав ни имени, ни фамилии. Думаю, что таких женщин в Игарке в ту пору было немало. Не секрет, что именно они занимались тяжёлым физическим трудом на ведущем предприятии города, сортируя брёвна в бассейнах, пиломатериалы – в лесоцехах и на сортплощадках. Вот и на кирпичном заводе, как описывает Леопольд Антонович, на формовке кирпича, где как раз работала стахановка, норма была 800 штук кирпича-сырца в смену. «А это значит, – пишет автор, – что через её руки каждый день проходило около четырёх тонн глины, ею размятой и брошенной в форму, потом вывернутой и переданной откатчикам».

Она трудилась здесь с начала войны, когда муж ушёл на фронт. Наиболее трудным был 1942 год. Именно в этот период стала стахановкой. Только так её и называли на работе. Барановский отмечает, что она была самоотверженной не только на заводе: «По меркам того времени она поступала героически: отказывалась от дополнительных талонов на питание, ордеров на одежду и обувь, при подписке на государственный заём всегда была первой и подписывалась на двухмесячную зарплату». В навигацию 1943 года она добилась своего – ушла на фронт. Снайпером. После войны на заводе появился только её раненый муж, попросил показать рабочее место супруги. Никто ничего не выспрашивал. Было и так понятно. И главный мотив рассказа, я думаю, тоже никого не удивил: «Память о себе стахановка оставила прочную».

Многие материалы рабкор Барановский посвящал героям войны, их боевому пути. Так, о героических действиях Григория Афанасьевича Слободенюка при форсировании реки Одер Барановский рассказал 15 мая 1969 в публикации «За подвиг на Одере». Как известно, Г. А. Слободенюк и В. В. Вильский, призванные на фронт Игарским горвоенкоматом, вместе оказались на одной переправе на Одере и совершили самоотверженные подвиги, за которые были удостоены звания Героя Советского Союза.

13 ноября 1979 года в местной газете появился материал «Солдат, брат героя». Леопольд Антонович рассказывает о приезде в город брата Петра Парфёновича Барбашова – Леонтия Парфёновича. Оба были призваны на фронт, но из разных городов. Пётр работал в Игарке, отсюда ушёл на войну. Он предвещал подвиг А. Матросова – 9 ноября 1942 года закрыл своим телом вражескую амбразуру в районе г. Орджоникидзе. Посмертно Петру Парфёновичу Барбашову присвоено звание Героя Советского Союза. Леонтий Парфёнович несколько раз был ранен, но мужественно встретил Победу над фашистской Германией и ещё более двадцати лет работал водителем.

Л. П. Барбашов в кругу пионеров Игарки.

НАШИ
ГОСТИ

СОЛДАТ, БРАТ ГЕРОЯ

ПО УЛИЦЕ шел человек. Шел медленно, внимательно рассматривая дома по правую сторону улицы Горького, что напротив хлебозавода. Ему сказали, что сразу за этими домами начинается дорогая серпучья улица, которая носит имя его брата.

— Леонтий Парфенович — не мог приехать в Игарку в дни празднования 50-летия города. Неотложные дела, как часто бывает в таких случаях, помешали этому. Да и старые раны напоминали о себе.

И вот теперь, в канун 63-й годовщины Октября, он решил известить город, откуда ушел на фронт Великой Отечественной войны старший брат, Петр.

Не мог Леонтий Парфенович

отказать и игарским пионерам-следопытам, которые писали ему и хотели пополнить свои материалы о Герое Советского Союза Петре Парфеновиче Барбашове.

— Мамо пробегал мальчишка, и Леонтий Парфенович не удержался, остановил его:

— Скажи, пожалуйста, где здесь улица Петра Барбашова?

— Тот с удивлением посмотрел на маленького мужчину и, наверное, подумал: «Вот чудной какой-то, не знает улицы Петра Барбашова!»

— Дяденька, вы приезжий, да? У нас каждый знает эту улицу. Проводить?

— Ветч, беги. Вон мороз какой, под сорок, а я уж сам...

Через несколько минут Леонтий Парфенович стоял у дома, на котором прибит мемориальная доска, посвященная подвигу его брата, совершившего подвиг в годы Великой Отечественной войны, названная эта улица.

— Память вернула его в далекие дни детства. В деревне Большой Шуган, что в центре Новосибирской области, жили они — семья Барбашовых. Было их шесть сыновей, а работник только один — мать. Отец тяжело болел. Да и время было не из легких: крутом недостаток.

Но детство есть детство. Вспоминалось, как они ждали возвращения матери с работы. И соскучившись, и зная, что мать даст им по очереди с

Петром обуть свои теплые валенки, и тогда можно будет пробраться по двору, по доревию. А летом... Раздолье для деревенских ребятишек, тут уж никаких обидок не надо до самой осени. Особенно за нимало охота на сусликов. И охотой-то не называешь — берущая. Выискивал засыпавшей оной, но с олько радости — азарт! И главное — они все да вместе с братом, который старше Леонтия на год.

Когда пришел первый трактор в соседнюю деревню, они с братом ребятишек отмерили пятнадцать километров, что бы только взглянуть на чудо — стального коня.

И уже тогда решил: буду трактористом. И мечта моя исполнилась, — сказала Леонтий Парфенович.

Петр по характеру был дружим. Еще совсем молодым мечтал посмотреть свет, подучиться. Как только стало возможно, он решил ехать на Север. Тогда приглашали в порт Игарку грузить морские суда. Уехал. Потом были письма об этом чудесном крае. Писал, что город строится. В порт приходят морские корабли. Так прошли два года. Соборился приехать в гости. Но, грянула Великая Отечественная война.

Леонтия Парфеновича призвали на фронт и определили в танковый корпус. Петр собица домой, что уходит вместе об этом чудесном крае.

И надо же так случиться, что оба брата, ушедшие на фронт через призывные пункты, расположенные на расстоянии более двух тысяч километров друг от друга, некоторые время служили в одном городе. Об этом каждому из них написала мать, обратившая, конечно же, внимание на то.

(Окончание на 4-й стр.)

Фрагмент публикации «Солдат, брат героя».

13 ноября 1979 г.

В 1988 году в газете «Коммунист Заполярья» появился цикл материалов Барановского на тему репрессий. «Боль прошлого» (28 мая 1988 г.) — так называлась главная публикация, в которой есть много исповедального и очень отраженного. Автор пишет: «К этой теме сейчас обращаются политики, учёные, философы. Но нам, простым людям, ближе всего мнение популярных писателей и поэтов, а также воспоминания непосредственных „участников событий“, людей, пострадавших от принудительного выселения, причём даже не по приговору суда, а по чьей-то злой воле, разнарядке». Барановский отвечает на очень важный вопрос, который возникает до сих пор

у многих историков и исследователей: «Где размещали прибывавших людей, ведь речь шла о сотнях и даже тысячах». Трудпереселенцы понимали, что выживать нужно самим, не дожидаясь помощи от тех, кто обрёл их на скитания и голод в заполярном городе. Автор пишет: «Многие семьи отказались от временных бараков и стали решать вопрос жилья самостоятельно: кто в срочном порядке возводил примитивный домик, кто копал землянку, кто сооружал утеплённые каркасно-засыпные балки вблизи рабочих мест: лесокombината, кирпичного заводика, строительных площадок. Появились землянки на территории нынешнего управления речного порта, складе сырья лесокombината, улице Папанина, там, где был первый кирпичный завод, прямо возле напольных печей выросли примитивные халупки-балки».

Леопольд Антонович рассказывает также о статусе трудпереселенцев — отсутствии у них паспортов, необходимости регулярных отметок в комендатуре, о карточной системе. Пайки выдавались регулярно. Те, кто работали, получали заработную плату, правда, она не превышала 300 рублей. Предприимчивые крестьяне умудрялись выращивать летом вблизи домов овощи, держать скот. Стали открываться школы, где дети раскулаченных учились наравне с детьми вольнонаёмных. Леопольд Антонович ссылается в этом вопросе на известные изречения Виктора Петровича Астафьева, который сам наблюдал мудрое отношение к детям учителей, не делавших никаких политических различий и предпочтений.

Автор отмечает, что в годы войны члены высланных семей пошли на фронт, героически защищали Родину. Прошли десятилетия, настало время говорить: «Нельзя безнаказанно для будущего поколения искажать историю, оставлять нашим детям и внукам „белые“ пятна. Я не называл фамилий (думаю, это не главное), но многих из тех, о ком написал, знал лично, работал и общался с ними. Знаю их детей, внуков и правнуков, которые и сегодня живут в нашем городе. Они должны быть уверены: такое не повторится никогда».

В двух номерах, 26 и 28 июля 1988 года, городская газета опубликовала материал «Мёртвая дорога и Игарка». Впервые Леопольд Антонович Барановский рассказал открыто о строительстве железной дороги Салехард-Игарка, объекта ГУЛАГа. Конечно, упоминания об этой трассе и раньше были в местной печати. Но писать о труде заключённых, размещении лагерей было запрещено. Автор напоминает, что к теме строительства этого объекта дважды обращался известный в своё время киножурнал «Фитиль», его редактор Сергей Михалков и назвал эту дорогу «Мёртвой». В 1987 г. написала об этой стройке и газета «Гудок». Леопольд Антонович решил тоже изложить известные ему факты. Но не как беспристрастный корреспондент, а как очевидец многих событий.

Ведь он хорошо помнил появление в 1947 году первой организации «Желдорпроект», которая начала изыскания по заданию ГУЛАГа, видел в черте города лагерь, обнесённый по периметру колючей проволокой, ходил вдоль железнодорожных путей на речку Чёрную, где добывали гравий. Барановский рассказывает достоверно о том, что управление ГУЛАГа размещалось в здании педучилища, которое пустовало из-за отсутствия дров для отопления печей, о том, что в городе из-за дефицита электроэнергии ГУЛАГ вынужден построить электростанцию, работами руководил видный советский инженер В. А. Гусев, находившийся в Игарке в ссылке. Одно из незабываемых для автора событий – посещение спектакля «Хованщина», постановку которого осуществляли для сотрудников ГУЛАГа артисты из числа заключённых. Попасть на подобное представление игарчанам было непросто, нужно было раздобыть особый пропуск. Однажды Барановскому это удалось. Но больше желания пойти в этот театр не возникло: «Просто очень тяжело было смотреть, как герой со сцены говорит и поёт душой подневольного-заключённого и заметно старается как можно лучше разглядеть зрителей – вдруг попадётся знакомое лицо...».

20 июня 1989 г. на страницах газеты появился очерк «Память о ней живёт». Он посвящён Анне Васильевне Беловой, вид-

ном деятеле 30-х годов. Она работала в СНК СССР, Госплане СССР. Арестована в 1938 г. и приговорена к десяти годам лишения свободы по статье 58–17. В 1949 г. арестована повторно и выслана в Игарку. Здесь она работала пять лет рядовым бухгалтером, сохранив в характере кристальную чистоту и порядочность.

А. В. Белова была дружна с семьёй Вильгельма Георгиевича Дерингира, ссыльного пианиста. Профессор Московской консерватории, аккомпаниатор Д. Ойстраха, был приговорён в 1938 г. к расстрелу. Приговор не исполнен. Особым совещанием при НКВД СССР в 1939 г. осуждён за участие в контрреволюционной организации» на восемь лет ИТЛ. Отбывал срок в Сороклаге, Севдвинлаге, Карлаге. Освобождён в июле 1946 г. Вновь арестован 15 января 1949 г. и сослан в Игарку на вечное поселение.

Здесь работал пианистом в клубе «Полярикс». Познакомился в Игарке с Александрой Степановной Гершман, которая тоже была сослана сюда. Именно ей Леопольд Антонович посвятил свой очерк «Игарский бумеранг» (28 июля 1990 г.). Благодаря личным контактам с этой семьёй, шахматным партиям, за которыми просиживал не раз, он стал свидетелем истории, о которой вряд ли кто-то узнал бы... В один из дней 1954 года был развенчан культ бериевских полковников, которые были осуждены в Игарке за... недоносительство (п. 12 статьи 58). Барановский даже называет их фамилии, каждый получил шесть лет ссылки в Игарке, а горожане узнали, наконец, фамилии людей, которые жили и работали вместе с ними и постоянно писали доносы. Но в какой-то момент не справились и с этой задачей.

Кстати, позже Л. А. Барановский поддерживал отношения с семьёй Дерингер. В 1956 году оба были реабилитированы и выехали на несколько лет в Гродно, а затем перебрались в Севастополь. Вильгельм Георгиевич преподавал фортепьяно в музыкальном училище. Вместе с супругой он встречался уже на свободе с Анной Васильевной Беловой.

логе сайта Красноярского общества «Мемориал»: «Туракулов Умар, в 1948 г. находился в ссылке в Игарке».

Опасения технорука, который на свой страх и риск набрал бригаду из неизвестных ему людей, быстро развеялись. Он убедился в том, что они не только добросовестные работники. Даже в сложных условиях выживания на суровой северной земле эти люди сберегли чувство собственного достоинства, сохранили любовь к традициям своего народа. Леопольд стал свидетелем того, как после тяжёлого дня они устроили себе большой праздник — нарядившись в национальные халаты, ели из зелёных мисок приготовленный ими самими плов. Они знали, что, уединившись в глубинке, могут позволить себе использовать то, что недавно получили в посылках с далёкой родины — рис, зелёный чай, одежду и домашнюю утварь. А самый слабый в бригаде «бессрочных ссыльных» по имени Абдурахил, вызывавший большие сомнения технорука, оказался одарённым исполнителем гортанного пения, которое привело всех в полный восторг. Выйдя на улицу, Леопольд увидел полыхание северного сияния. И с тоской вспомнил в этот вечер дорогую его сердцу голубую гладь Латгальских озёр.

Последний абзац — красноречивое изречение человека, пережившего очень многое не только в этом походе, но и в своей судьбе: «А я вспомнил вчерашний вечер и подумал, как мало надо человеку для счастья и как много надо сделать всем нам, чтобы люди были по-настоящему счастливы».

Барановский был участником многих акций, которые проводились в городе по инициативе бывших репрессированных Латвии, Литвы. Одна из них относится к 1988 году — в Игарку приехала делегация литовцев, которая хотела побывать в тех местах, где проживали их соотечественники, сосланные сюда в 1948 году, посетить кладбище. Интересно, как описывает эту встречу в своём материале «Через тридцать два года» в местной газете Л. А. Барановский. Он умел находить детали, которые были понятны простым людям, вызывать доверие и располагать к чтению. Автор рассказывает историю о том, как в 1956 году дирек-

тор школы №4 предложил ему дать сеанс одновременной игры с лучшими юными шахматистами на 25 досках. Не всё было просто. Некоторые ребята оказались довольно сильными. К их радости, две партии Леопольд Антонович «сдал». Один из победителей – белобрысый шестиклассник Витас Путна – хорошо запомнился ему.

И вот встреча в Игарке через 32 года. Витаутас Путна оказался в числе членов делегации. Он не мог не напомнить Леопольду Антоновичу о сеансе одновременной игры. И даже предложил взять реванш. Вторая партия была сыграна. Кто был победителем, мы так и не узнали. Ведь главным в этом очерке был рассказ совсем о другом – тяжёлых утратах литовских граждан на сибирской земле. И в этом повествовании не было мелочей: Леопольд Антонович вместе со многими игарчанами был очевидцем высылки нескольких тысяч литовцев. К сожалению, точной цифры мы назвать так и не можем. Я сомневаюсь, что можно сейчас точно установить, сколько человек высылалось в Игарку ежегодно с 1930 года, сколько погибало в пути, а сколько – в первую зиму размещения в неприспособленных условиях. Автор очерка утверждает: «Прибытие нескольких переполненных пассажирских пароходов с новой партией ссыльных-переселенцев ни у кого особого удивления не вызвало. Тогда наш город был заполнен спецпереселенцами разных национальностей: немцами из Поволжья, калмыками, немцами и финнами из Ленинградской области, греками с побережья Чёрного моря, латышами. Размещение переселенцев-литовцев было поручено администрации лесокombината. На комбинат же были устроены все трудоспособные. Жителям города бросилось в глаза большое число детей и стариков среди вновь прибывших. Естественно, что не во всех семьях имелись трудоспособные, тем более годные для тяжёлого физического труда».

6 октября 1988 года – день траура в Литве по жертвам репрессий. Он отмечался группой литовцев в Игарке прямо на литовском кладбище. Об этом тоже рассказывает автор очерка «Через тридцать два года»: «Горсть литовской земли смешалась

с нашей, заполярной. Так делилась скорбь, приглушая обиду за сотворённую несправедливость».

9 августа 1990 года были опубликованы воспоминания очевидца «Правда об Агапитово». Это полный горечи и переживаний откровенный рассказ о том, как всё было на самом деле. Леопольд Антонович спрашивает себя: «Теперь, когда прошло так много времени, когда разоблачены виновные, восстановлены в правах потерпевшие, надо ли будоражить старое?» И сам отвечает: «Надо, обязательно надо. Хотя бы ради того, чтобы не дать возможности такому повториться в будущем».

483 переселенца вышли на берег заброшенного станка Агапитово 22 сентября 1942 года. Леопольд Антонович даёт статистику по районам, из которых выслали сюда людей (Поволжье, Латвия, Ленинградская область), а также по национальному составу: 316 немцев, 96 латышей, 12 евреев, трое поляков, двое русских и 54 финна. Он описывает до мельчайших подробностей местность, первые дни, недели проживания, голод, холод и тающие надежды. За первый месяц погибли 34 человека, умирали первыми дети. Барановский называет имена и фамилии, скорбный список растёт с каждым последующим месяцем. К весне 1943 года потери составили уже 182 человека. Тяжело читать исповедь человека, который всё это пережил совсем молодым. Не могу себе представить, как далась Леопольду Антоновичу подготовка такого рассказа для публикации.

Потребовалось некоторое время, чтобы уточнить данные о конкретных потерях в Агапитово. И 14 февраля 1991 года появился, пожалуй, главный материал о трагедии военного времени — «Агапитовские мученики». В нём собраны данные обо «всех погибших и похороненных (если можно считать захоронением) в общей яме, без обрядов, ритуалов захоронения — в период с 10.10.1942 г. по 01.06.1943 г.».

Не могу обойти вниманием публикацию «Ледник» от 28 сентября 1991 г. Это рассказ и о хранилище в вечной мерзлоте, как «труженике неодоушевленном», и о человеке, руководившем строительством необычного склада для хранения продуктов. Только северяне хорошо понимают важность подземных сооружений в вечномёрзлых грунтах. Они крайне необходимы человеку в заполярном городе. Первыми занялись в Игарке обустройством хранилищ в мерзлоте сотрудники Игарской научно-исследовательской мерзлотной станции, именно они помогали строить первые склады для хранения рыбы в разных точках Севера, где добывали рыбу и возникала проблема её хранения. В таких сооружениях всегда обеспечивался нужный температурный режим. Торговые организации тоже стали размещать продукты в подобных постройках, которые позже назвали «ледниками».

Крупнейшим из них стало подземное хранилище Игарторга, позже – отдела рабочего снабжения (ОРСа) лесопильно-перевалочного комбината, которое было построено в 1952 г. Работами по его обустройству руководил немец Рихард Адольфович Барке. Он попал в Игарку в 1930 г. вместе со всей раскулаченной семьёй. Работал в Севенстрое, изучал на практике строительное дело в условиях вечной мерзлоты. В 1938 г. был осуждён по статье 50–10 УК РСФСР. Содержался в Игарской тюрьме, затем был отправлен в Красноярск. Весной 1939 г. вернулся снова в Игарку. Работал под контролем комендатуры. В 1948 г. назначен руководителем стройгруппы Игарторга.

В феврале 1952 года инженеры и рабочие приступили к реализации сложного проекта. Было выработано грунта в тоннеле около 1400 кв. метров, обустроены вентиляционные стволы для обеспечения вентиляции воздуха. К июню 1952 г. на глубине 9,5 метров было обустроено подземное хранилище и сдано в эксплуатацию. Общая площадь составила около 200 квадратных метров. Каждая камера имела ширину до трёх метров.

Уже летом продукты, завезённые в Игарку во время навигации, стали размещать в камерах нового ледника. Здесь даже

Страницы истории

Ледник

Есть ли связь между двумя этими, казалось бы, никак не связанными друг с другом явлениями, — это и является тем, о чем хочется сказать в этой статье. Мы попытаемся рассмотреть историю создания фабрики, дающей возможность получать высококачественный лёд, который не только используется в пищевой промышленности, но и в других отраслях народного хозяйства.

В 1950 году в Ленинграде началось строительство фабрики по производству льда. Проект был разработан в Ленинградском институте пищевой промышленности. В основу проекта легли требования к качеству льда, который должен был использоваться в пищевой промышленности.

Первой задачей было создание проекта, который бы позволил получать лёд высокого качества. Для этого были разработаны специальные методы очистки воды и контроля за качеством льда.

Важным этапом было создание системы очистки воды. Для этого были разработаны специальные методы очистки воды и контроля за качеством льда. В 1950 году фабрика была введена в эксплуатацию.

В 1950 году в Ленинграде началось строительство фабрики по производству льда. Проект был разработан в Ленинградском институте пищевой промышленности. В основу проекта легли требования к качеству льда, который должен был использоваться в пищевой промышленности.

В 1950 году фабрика была введена в эксплуатацию. В основу проекта легли требования к качеству льда, который должен был использоваться в пищевой промышленности. Для этого были разработаны специальные методы очистки воды и контроля за качеством льда.

Важным этапом было создание системы очистки воды. Для этого были разработаны специальные методы очистки воды и контроля за качеством льда. В 1950 году фабрика была введена в эксплуатацию.

В 1950 году фабрика была введена в эксплуатацию. В основу проекта легли требования к качеству льда, который должен был использоваться в пищевой промышленности. Для этого были разработаны специальные методы очистки воды и контроля за качеством льда.

В основу проекта легли требования к качеству льда, который должен был использоваться в пищевой промышленности. Для этого были разработаны специальные методы очистки воды и контроля за качеством льда.

Важным этапом было создание системы очистки воды. Для этого были разработаны специальные методы очистки воды и контроля за качеством льда. В 1950 году фабрика была введена в эксплуатацию.

В 1950 году фабрика была введена в эксплуатацию. В основу проекта легли требования к качеству льда, который должен был использоваться в пищевой промышленности. Для этого были разработаны специальные методы очистки воды и контроля за качеством льда.

Важным этапом было создание системы очистки воды. Для этого были разработаны специальные методы очистки воды и контроля за качеством льда. В 1950 году фабрика была введена в эксплуатацию.

Д. БАРАНОВСКИЙ.

Этим далеко не исчерпывается перечень материалов, подготовленных в местную газету Л. А. Барановским. Нет смысла пытаться охватить все. Моей задачей было отметить главные темы выступлений рабкора Барановского.

Он был частым гостем в редакции газеты – при выполнении заданий, обсуждении материалов, проведении торжественных мероприятий, встрече с гостями. Сохранились многие фотографии, где он запечатлён с сотрудниками редакции.

Вспоминает журналист Лариса Васильевна Голубь, длительное время работавшая на Игарской студии ТВ и в редакции газеты «Коммунист Заполярья»: «Жаль, газеты у меня не сохранились. Но помнятся воспоминания Леопольда Антоновича о пожаре 1962 года, поскольку сама была его свидетелем (перешла тогда в 11-й класс) и мне было интересно прочесть о подробностях пожара, его последствиях. Содержательные материалы были о Борисе Лаврове и Сергее Бергавинове, большие по размеру, с фотографиями. Про Агапитово была глубокая статья после установки там памятного креста, поставленного жертвам репрессий...

Он часто приносил материалы к теме «Страницы истории», все они безоговорочно шли в печать. Мне, как и другим, приходилось что-то частично править, редактировать (в разных ипостасях – как журналисту, ответственному секретарю, редактору). По поводу правок не возражал, относился к этому процессу с пониманием. Другими словами, это были привычные ситуации. В День печати, который отмечался 5 мая, его как активного автора всегда отмечали в докладах, вручали Почётные грамоты. Портрет Леопольда Антоновича Барановского всегда был в числе лучших внештатных авторов газеты (портреты эти висели в Красном уголке редакции). Понятно, что все мы его очень уважали...»

В редакции газеты «Коммунист Заполярья». Слева направо – редактор газеты Н. И. Селиневич, писатель В. П. Астафьев, родственник Астафьева – В. А. Бураков, рабкор газеты Л. А. Барановский. 1979 г.

В КОНТАКТЕ С ТЕЛЕВИДЕНИЕМ

Судя по рассказам моих коллег по Игарской студии телевидения, появление материалов Барановского на радио и ТВ было связано поначалу с небольшими сюжетами – на краеведческую, спортивную тематику. Он выступал в роли ведущего в передаче «Для тех, кто дружит со спортом», когда нужно было срочно заменить П. П. Дончака, которому это поручалось на постоянной основе. Барановский комментировал в прямом эфире партии матчей на первенство мира. Одну из фотографий удалось сохранить в семейном архиве с указанием точной даты.

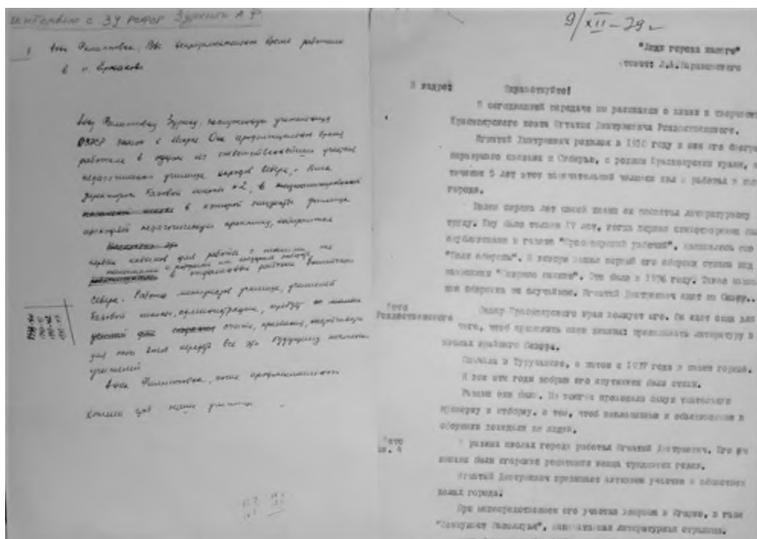
Л. Барановский комментирует в эфире телепередачи 32-ю партию матча на первенство мира с участием А. Карпова. 27 октября 1978 г. Из архива семьи Барановских

А вскоре появилась передача «Люди города нашего», которую чаще других готовил и вёл Леопольд Антонович. В семейном архиве Барановских и поныне хранятся сценарии этих передач. Благодаря тому, что Евгений и Наталья Барановские предоставили мне эти материалы, можно рассказать об этом подробнее.

Одна из передач была посвящена Анатолию Матвеевичу Климову, организатору и составителю книги «Мы из Игарки». Он родился на Урале, но в 1935 году прибыл в Игарку и стал готовить материалы для местной газеты, а позже помогал детям Игарки осуществить замысел М. Горького по написанию детской книжки.

В декабре 1979 года передача «Люди города нашего» была посвящена Игнатию Дмитриевичу Рождественскому. В эфире

были прочитаны его стихи, а для их декламации приглашались артисты Дома культуры. Необычайно интересной была встреча с основателем Игарского педагогического училища народов Севера Андрианом Семёновичем Ворониным. Уже став персональным пенсионером республиканского значения, он посетил в 1979 году Игарку и согласился стать участником передачи. Старожил города поделился воспоминаниями о том, как вместе с другими игарцами (именно так называли себя тогда горожане) в 1935 году встречал О. Ю. Шмидта в заполярном порту, как добился открытия в Игарке педагогического училища народов Севера. Одна из передач была посвящена встрече с заслуженным учителем РСФСР Анной Филипповной Зуриной, работавшей директором базовой школы №2, а также изучившей на личном опыте работу школы в пос. Ермаково.

Копия сценария передачи «Люди города нашего» из личного архива Л. А. Барановского

К 50-летию города Игарки Барановским был подготовлен и проведён цикл передач к юбилею. Одна из них была посвящена роли в развитии Игарки В. П. Остроумовой. Ещё в 1970 году краевед начал сбор материалов об этом руководителе и нашёл много информации в краевом архиве. Правда, рассказывать тогда обо всём ещё было нельзя. Но многие подробности жизни энергичной женщины-руководителя были раскрыты. Интересный факт: в передаче использовался рассказ ещё одного краеведа Игарки — Павла Алексеевича Евдокимова, который будучи рабочим на погрузке лично встречался с В. П. Остроумовой. Передачи, посвящённые 50-летию города Игарки, включали в себя рассказы об истории по отдельным периодам. Судя по сценариям, использовались, в основном, фотографии, записей было мало, большей частью ведущий был в кадре, то есть на него легла большая нагрузка в проведении всех передач.

В передаче о спорте (ведущий П. Дончак — в центре) принимает участие Л. Барановский. Архив В. Неудакина. 1982 год

Леопольд Антонович часто принимал участие в других передачах. И, конечно, отвечал на вопросы корреспондентов ТВ как руководитель. Одна из фотографий из семейного архива Барановских очень показательна в этом смысле. На ней художником прочерчены линии и от руки написаны все данные о выступающем. Именно так готовился видеоряд для передач, если корреспондентом производилась запись вне студии.

Фотография, которая использовалась на телевидении при воспроизведении записи беседы с Л. А. Барановским

Интересный факт удалось обнаружить при изучении архивов Леопольда Антоновича. Он сохранил сценарий любительского фильма киноклуба «Элден», сразу обращаешь внимание, что готовили его профессионалы, сотрудники Игарского ТВ: журналист Анатолий Петрович Саков, режиссёр Анатолий Михайлович Власов, звукооператор Владимир Евгеньевич Роц, а в роли оператора выступил сотрудник КГБ Евгений Вячеславович Заварзин.

199/е

Сценарий

любительского фильма киноclubs «Элден»
 Финансировалась 230679 руб в клубе
 ЛПК по адресу: пгт Игарка, ул. Лесопильно-
 перевалочного комбината

Сценарий: Савин Николай Лукич журналист-судья
 Режиссер: Власов Алексей Иванович — — — — —
 Кин. Оператор: Захаров Евгений Александрович историк КС
 Звук оператор: Рязанов Владимир Александрович журналист
 Устан. оператор: Барановский Л. А.

→, расскажите об истории комбината, об истории нашей Игарки.
 → 29 июня нашему городу-порту исполняется 50 лет. Мы с ними
 почти ровесники. Но если я за это время успею поселиться, то город
 только вступает в пору возмужания.

Рукой Л. А. Барановского дано описание сценария любительского фильма киноclubs «Элден». 1979 г.

Комментирует фильм Леопольд Антонович Барановский как краевед, старожил города, его Почётный гражданин. Демонстрировался фильм в клубе ЛПК 23 июня 1979 года в честь празднования 50-летия создания Игарского лесопильно-перевалочного комбината.

Умение расположить к себе зрителя доверительным к нему отношением — не единственное достоинство ведущего передачи «Люди города нашего» Леопольда Антоновича Барановского. Он всегда был мягким в общении и никогда не допускал даже полуповышенных тонов. Внешний вид умудрённого опытом латыша, его колоритная борода только усиливали расположенность к нему.

Внештатных авторов часто приглашали на различные встречи. Рабкоры газеты — на торжественные мероприятия, посвящённые Дню советской печати (5 Мая), а активистов ТВ — на заседания, приуроченные к Дню радио и телевидения (7 Мая).

Здесь отмечали лучших авторов публикаций, передач, вручали грамоты, памятные адреса и так далее. Леопольд Антонович практически всегда был рядом.

На мероприятии, посвящённом Дню радио и телевидения. В зале собрались самые активные внештатные авторы. Справа – инженер ЛПК З. В. Шамрай, за нею – директор горбыткомбината Л. А. Барановский, слева – журналист М. В. Мишечкина, на заднем плане – председатель спорткомитета П. П. Дончак. 1980 г.

ГЛАВА VI. СОТРУДНИЧЕСТВО С МУЗЕЕМ

В 1992 году мы стали активно работать с Леопольдом Антоновичем в музее. После закрытия городской радиоредакции я перешла на работу в Игарский краеведческий музей. Начинала научным сотрудником отдела истории.

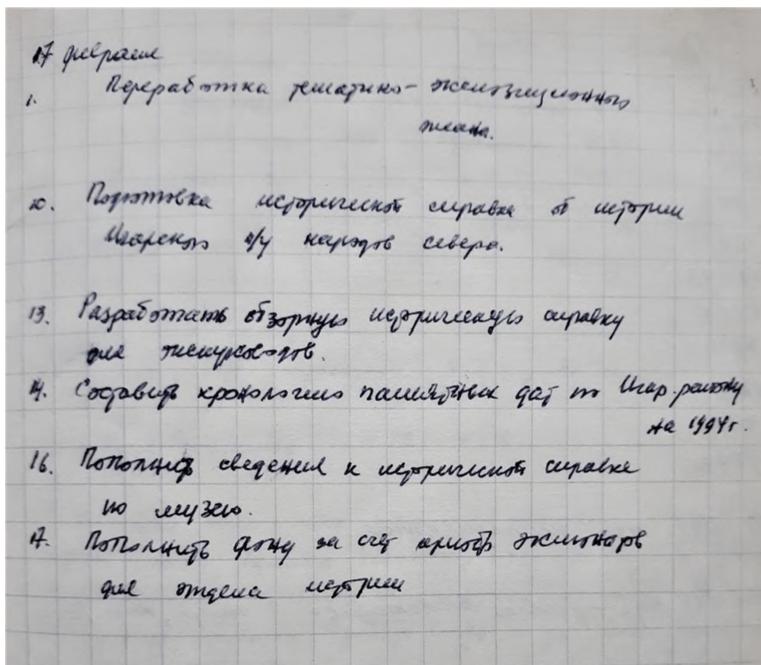
Мне с самого начала было понятно, что собранных материалов о строительстве города, лесопильно-перевалочного комбината недостаточно. Очевидным было и то, что история, написанная в книгах, брошюрах и статьях советского периода требовала пересмотра, восстановления пробелов.

Леопольд Антонович был единственным краеведом, который мог помочь в этом. Поэтому я сразу обратилась к нему.

Он предупредил меня: «По истории репрессий и Объекта №503 мы запоздали с поиском информации лет на двадцать». Барановский был прав. Архивы в Игарке по содержанию трудпеселенцев и заключённых органы не оставляли.

Очевидцев многих событий, имевших трагические последствия, становилось всё меньше. Они стремительно покидали Игарку. Нам приходилось восстанавливать многие страницы истории, посещая архивы других городов, встречаясь со свидетелями далеко за пределами нашего города, переданные предметы привозили сами.

Барановский согласился в 1993 году поработать в музее — но в удалённом доступе, дома. Он составлял себе план работы, обсуждал его со мною (я уже была директором музея) и всегда выполнял то, что обещал.

Записная книжка Л. Барановского. План работы в музее. 17 февраля 1993 г.

Музей занимал всего одно строение – бывший жилой дом по улице Большого театра, 15а. Вид имел весьма плачевный – что снаружи, что внутри. Территория вокруг была в заброшенном состоянии – опустевшие дома, захламлённые сараи. Леопольд Антонович помогал мне всем, чем мог. Особенно запомнилась поддержка в сносе строений. Стоявший рядом дом №15 пришлось сжигать, настолько опасно было оставлять его рядом. Я впервые пережила сильнейший стресс от полыхавшего пламени. А Барановский спокойно стоял рядом и говорил: «Всё будет хорошо. Не стоит волноваться зря. Жаль, конечно, дом. Было бы неплохо восстановить. Но сейчас время не то. Нужно

спасать главное здание...»

Потом мы занимались вместе обустройством территории музея. На месте старых строений и сараев всё зачистили. А дальше что? Воспользовались приездом в город известного красноярского художника В. И. Мешкова. Он-то и сделал эскиз благоустройства территории. Так появился рядом остов чума, лабаз, предметы быта коренных народов Севера.

У здания Игарского краеведческого музея. Слева направо — художник В. И. Мешков, Почётный гражданин г. Игарки Л. А. Барановский, директор музея М. В. Мишечкина, сотрудники музея Т. В. Гроховинене, Н. В. Бархатова, Н. П. Сергеева, Т. Н. Баженова. 1993 г.

Постоянная экспозиция музея также была изменена. В этом принимал участие Л. А. Барановский. Старейший сотрудник Игарского краеведческого музея, заслуженный работник культуры РФ Н. П. Сергеева с благодарностью вспоминает Леопольда Антоновича: «Его судьба очень интересна. Он всегда был в гу-

ще событий жизни Игарки. Активный, авторитетный житель города. Яркий публицист». Барановский не имел на руках каких-то важных исторических документов, предметов. Только личный архив. Но его способность всё отмечать, систематизировать постоянно помогала музейщикам в работе.

Он был, например, участником закладки капсулы в музее вечной мерзлоты в 1979 году. К сожалению, событие это не было отражено в Дневнике самого музея, поэтому пришлось думать и гадать, где заложены в вечномёрзлом грунте ещё две капсулы с обращениями потомкам, о которых так часто спрашивали нас очевидцы этих событий. Поясню, о чём идёт речь. Как известно, в музее вечной мерзлоты в 1950 году на глубине 7,5 метров в полу были заложены на хранение газеты с публикациями, посвящёнными Победе в Великой Отечественной войне. Учёные объявили таким образом начало эксперимента по хранению документов в вечномёрзлых грунтах. Открыть капсулу завещано в 2045 году.

Дважды, в период празднования знаменательных юбилеев, этот эксперимент пытались повторить — проводили закладку капсул с обращениями к потомкам. В ноябре 1974 года в толщу вечной мерзлоты была заложена на двадцатипятилетнее хранение капсула с письмом, написанным в год празднования 50-летия Карских операций на Енисее. В 1979 г., в год 50-летия города Игарки, в камере №5 была произведена закладка ещё одной капсулы — с посланием потомкам, жителям города 2029 года. К сожалению, пафосность в обоих последних случаях взяла верх над здравомыслием, никто не удосужился составить план размещения капсул, сроки хранения были обозначены настолько небольшие, что смысла их разыскивать не было. Во всяком случае, я, будучи директором музея, приняла решение, что поиск капсул может быть целесообразным только в 2045 году. Думаю, что и содержание посланий к изменившемуся миру будет интересно потомкам.

Леопольд Антонович Барановский был одним из участников закладки капсулы в 1979 году. Группа состояла из известных

всему городу передовиков, специалистов, общественных деятелей.

Группа игарчан направляется в Музей вечной мерзлоты для закладки капсулы на хранение. Слева направо – начальник аэропорта Игарка 1971–1974 гг. Ф. В. Попов, гл. механик теплохода «Игарка» В. Ф. Иванов, учитель школы №7 М. Я. Тугунов, комсомольские активисты А. Гончаренко, Б. Валеин. Л. А. Барановский с лентой «Почётный гражданин города Игарки». 1979 г.

В 1994 году мы встречали в музее Виктора Петровича Астафьева. Он пришёл к нам с супругой Марией Семёновной Корякиной и внучкой Полиной. Мне было неловко – музей выглядел просто убого. В маленьком домике в эклектическом смешении были размещены предметы об особенностях вечномёрзлых грунтов, истории подземного музея, жизни коренных народов Севера, строительстве Объекта №503 ГУЛАГа.

Виктор Петрович всё понял сразу. И по его внимательному, уважительному отношению к нам было совершенно очевидно,

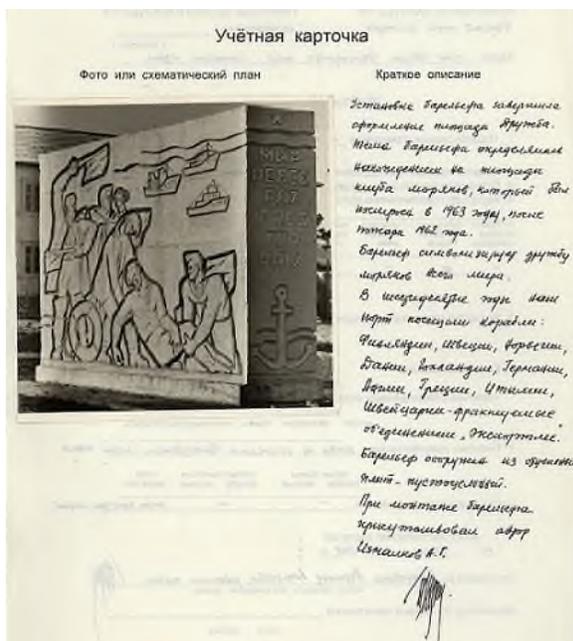
что сочувствует нам и готов поддержать. Мы к тому времени уже вели борьбу за строения Игарской мерзлотной станции – забитый склад по улице Большого театра, 11, где позже разместили отдел по истории железной дороги Салехард-Игарка, бывшую контору мерзлотоведов в доме №9 и здание лаборатории в доме №11а. Конечно, поделились с Виктором Петровичем планами создания экспозиции по истории города, ЛПК. Особое внимание хотели уделить Игарке 30-х годов, жизни Виктора Астафьева в старой части города, отражению быта в его творчестве. Начался разговор Виктора Петровича с Леопольдом Антоновичем, в нём были обозначены главные моменты периода развития Игарки в 30-е и 40-е годы.

Встреча в Игарском краеведческом музее с В. П. Астафьевым. На скамейке сидят слева направо – сотрудник музея М. И. Сухова, Л. А. Барановский, библиотекарь городской библиотеки А. В. Елизарова, писатель В. П. Астафьев. Стоят – сотрудники музея. На крыльце – внучка Астафьева Полина. 1994 г.

Я мало что тогда понимала, просто слушала, удивлялась, поражалась — неужели и правда в Игарке мог быть кирпичный завод, почему мост через Медвежий Лог теперь расположен в другом месте, неужели на Крайнем Севере можно выращивать картофель, капусту, турнепс, кто такая легендарная женщина Мария Хренникова, почему не сохранился драматический театр им. В. Н. Пашенной. Конечно, подобные встречи помогали корректировать планы наших исследований, поиска новых предметов и необходимой информации.

В компетенцию музеев не входит контроль за сохранностью памятников города. Но ведь изучать историю их создания музейщики обязательно должны. Леопольд Антонович познакомил меня со своей картотекой памятников и памятных мест Игарки.

Учётная карточка на барельеф, составленная Л.А. Барановским

На добровольных началах он постоянно сотрудничал с центром по охране памятников в г. Красноярске. На каждый объект он лично заполнил Учётную карточку. Внести информацию для него не стоило труда.

Он не только знал историю установки каждого памятника. Многие из них появлялись по его инициативе, при личном участии.

Обратите внимание на историю установки барельефа «Дружба моряков всего мира». Её подробно описывает в Учётной карточке Л. А. Барановский: «Установка барельефа завершила оформление площади Дружба. Тема барельефа определялась нахождением на площади клуба моряков, который был построен в 1963 г., после пожара 1962 года. Барельеф символизирует дружбу моряков всего мира. В 60-е годы наш порт посещали корабли Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании, Голландии, Германии, Англии, Греции, Италии, Швейцарии, фрахтуемые объединением „Экспортлес“. Барельеф сооружён из отдельных плит. При монтаже барельефа присутствовал автор А. Г. Измалков». К сожалению, отчество автора в карточке ошибочно указано неверно. Скульптор Алексей Матвеевич Измалков приобрёл славу значительно позже. Любимой темой художника на протяжении всего его творческого пути были образы русских моряков.

Подробно описана в карточке история появления в Игарке памятника В. И. Ленину. Он до сих пор остаётся объектом культурного наследия Красноярского края (регионального значения).

Фигура отлита из бронзы ленинградскими мастерами, её отличает добротное исполнение, что позволяет сохранять даже в условиях отсутствия средств на ремонт.

Обратите внимание, нравится нам или не нравится сам деятель, но изображение исторической фигуры очень удачно выполнено. Мне доводилось видеть разные памятники вождю Октябрьской революции, чаще всего они сделаны стандартно и не очень качественно.

Учётная карточка

Фото или схематический план

Краткое описание

8 июля 1960 года подготовлен договор на изготовление памятника скульптору В. И. Ленину с художественным отделом РСФСР.

30 декабря 1960 года всесторонне рассмотрено дело Красноярского крайкома КПСР, исполнителя Владимира Громова, Вадима и Громова КПСР приехали и установили в г. Усть-Илимске памятник В. И. Ленину в виде скульптуры.

Определено место установки памятника в виде четырехгранной пирамиды (по генеральному плану территории 1960).

Октябрьской, территория № 44. К. Маркса. Сделана выкопировка из генерального плана застройки. Строительные работы по установке памятника и установке пирамиды выполняются на ст. Усть-Илимской (как общественный объект в благоустройстве города) и в отношении коммунистического хозяйства (за счет бюджета).

Скульптура скульптору Рейзману сделана художественным советом города 1961 в конце 7 декабря 1961 года.

Разрешение на перевоз в течение декабря 1962 года со стороны райотдела УЭО Ленинградского округа РСФСР.

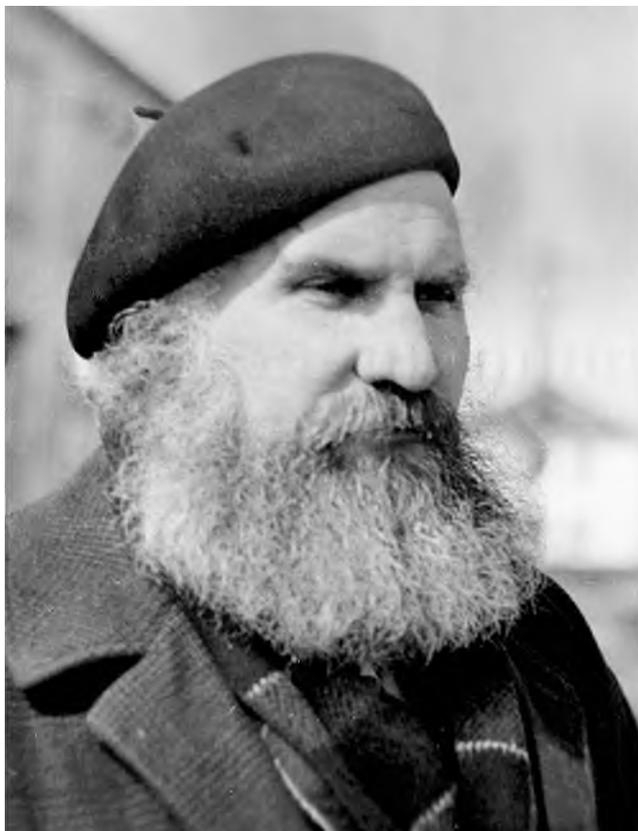
Скульптура отлита из бронзы в г. Ленинграде скульптором Рейзманом и 15 июля 1963 года отгружена в адрес г. Усть-Илимска.

Установлена 27 июля 1964 года.

Открыл
нашлись
Первый секретарь
21 КПСР
Федорко П. С.
на (справа с фото)
списке
Председатель гор-
исполкома
Остапенко В. В. (справа)
и другие.

Учётная карточка на памятник В. И. Ленину, составленная
Л. А. Барановским в 1994 г.

Леопольд Антонович был прекрасным экскурсоводом. Его большая фигура, борода, мягкая интеллигентная манера вести беседу неизменно приводили в восторг гостей города. И, конечно, особое расположение и доверие вызывало хорошее знание и собственное участие во многих исторических событиях.

Экскурсовод Л. А. Барановский всегда привлекал своею внешностью. Непременным головным убором был берет

Я уже упоминала о сложном этапе работы в музее по созданию цикла воспоминаний Леопольда Антоновича. Каждую тему обсуждали с автором отдельно. Зачастую просили внести в тексты детали, подробности, для Леопольда Антоновича это не составляло труда. А нас всегда как раз удивляло его чутьё на всякого рода исторические «мелочи», желание их зафиксировать, никогда не упускать из виду даже в угоду политическим пристрастиям. Каждая из рукописей — особый период в жизни города и самого Леопольда Антоновича. Рукопись «Мы, ссыльные, о себе и друзьях» является результатом долгой исследовательской работы и в то же время автобиографическим очерком. Поскольку Леопольд Антонович был в период пребывания в Игарке Объекта №503 ведущим работником Горпромкомбината, он не мог быть в стороне от взаимодействия с начальствующим составом ГУЛАГа.

Технорук Горпромкомбината Л. Барановский справа. 1950 г.

Наблюдения за тем, как складывались отношения городской власти и новой, более мощной и безапелляционной, легли в основу рукописей «Воспоминания о начале строительства объекта №503», «Первая колонна».

О сосланных в Игарку повторно, то есть после отбывания срока наказания, Л. А. Барановский рассказал в очерках, объединённых под названием «Когорта корифеев». Эти материалы можно отнести к числу довольно редких, так как даже упоминаний фамилий корифеев встречать ни в газете, ни в чьих-то публикациях не приходилось. Главные герои очерков – известные врачи, которые после освобождения из лагерей, были направлены в ссылку в Игарку.

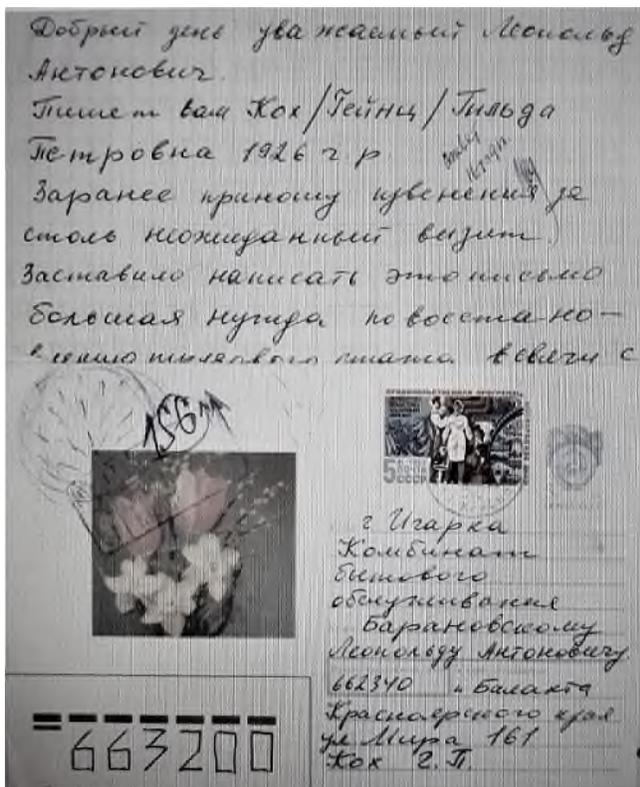
Особый интерес представляет, конечно, и очерк «Второе рождение музея». К сожалению, долгое время мы не могли найти фотографий Игарского краеведческого музея, который сгорел в 1962 году.

Мне помог в этом только в 2019 году игарчанин А. Баданин, нашедший фотографию музея на одном из сайтов, которые реализуют раритетные находки. Нам же с Леопольдом Антоновичем приходилось довольствоваться лишь устными рассказами очевидцев о колоритной экспозиции, скромности здания. Но сам рассказ о появлении музея, его печальной участи во время большого пожара получился у Барановского интересным.

В главе VIII «Наследие Барановского» размещены статьи Леопольда Антоновича Барановского, которые были подготовлены в период работы в Игарском краеведческом музее.

Конечно, Леопольд Антонович передал в музей на хранение личные вещи, документы. Особое место здесь занимает архив с делами репрессированных: картотека, переписка.

Все, кому была необходима помощь в реабилитации, писали Барановскому в горисполком, в комбинат бытового обслуживания, просто в Игарку...

Письмо Г. П. Кох с просьбой о помощи. На нём Л. А. Барановским сделана отметка: «Ответ 16.10.1991 г.»

В 1994 году мы простились с Леопольдом Антоновичем. Он уехал вместе с супругой Лилией Георгиевной в г. Смоленск. Уже оттуда писал мне, что продолжает работать над собственной книгой. В 1998 г. Леопольда Антоновича не стало...

ГЛАВА VII. ОТПУСТИВШИЙ ПРОШЛОЕ

Понявший и простивший — это о Леопольде Антоновиче. Редкие человеческие качества — доброту, умение прочувствовать чужую беду как свою, разделить её, помочь — Леопольд Антонович сохранял постоянно. Конечно, обращались далеко не все. Многие стеснялись, побаивались. Его личность всегда была окутана загадочностью, легендами, связано это было прежде всего со статусом репрессированного гражданина, который долгие годы предполагал неразглашение сведений о человеке, его семье.

Прошло много лет. Но мы, игарчане, знавшие Барановского близко, можем сказать, что запомнили его неповторимый образ, редкие человеческие качества. И об этом хочется сказать отдельно.

Особую статью, благородство природы, умный взгляд в Леопольде Антоновиче замечали сразу. Роскошная борода подчёркивала статус некоей особенной личности. Лариса Васильевна Голубь поделилась, например, такими подробностями: «Мне вспоминается эпизод с маленьким сыном. Он ещё в садик ходил, и как-то я ему читала книжку с рассказами и сказками Льва Толстого. На внутренней обложке книги был портрет писателя, где он со своей могучей бородой. А Барановский тоже ходил с роскошной бородой. И вот однажды он выступал по телевидению. Я была на кухне и вдруг слышу, Дима кричит мне из комнаты: „Мама, иди скорей, Толстого по телевизору показывают!“ Захожу и вижу на экране Леопольда Антоновича крупным планом. И правда, чем не Толстой! Вот такие ассоциации были у ребёнка... В пять лет дедушка научил сына играть в шахматы, а с первого класса он уже принимал участие в шахматных соревнова-

ниях. И тут-то игарский „Лев Толстой“ снова вошёл в его жизнь. Леопольд Антонович был частым гостем на таких соревнованиях, и, конечно, играл с ребятами, иногда одновременно на нескольких досках. В альбоме сына есть фотография, как раз запечатлевшая такой момент. Сколько радости, сколько рассказов было, когда мальчишке выпадало счастье сыграть с самим Барановским!»

Да, дети считали большой удачей играть в шахматы с самим Барановским или получать из его рук награды.

Шахматный турнир для школьников. Справа налево – учитель физкультуры школы №4 А. Иванов, судья соревнований Л. Барановский. Конец 60-х гг.

Ну а те, кто был постарше, были горды дружить с семьёй Барановских. Зинаида Александровна Томко написала мне недавно: «Имя Леопольда Антоновича Барановского я услышала в своей семье, когда мне было лет семь. Моя мама работала на почте и часто его встречала там и общалась с ним как с клиентом. Имя произносилось с большим уважением и вос-

хищением, о нём говорили как о культурном, воспитанном человеке, закалённом, так как в любой мороз он в то время ходил без головного убора. Работая в коммунальном хозяйстве города, он выделил нам с мамой комнату с подселением по ул. Куйбышева 14-а (мы жили с семьёй моей тёти в стеснённых условиях), чему мы были рады и бесконечно благодарны ему за это. В этом доме мы прожили около 20 лет.

Более близко я узнала его тогда, когда мы стали учиться в одном классе с его сыном Евгением. Я стала приходить к ним в гости, и там уже подружилась с его старшей сестрой Валентиной».

Семья Барановских. Стоят — Лилия Георгиевна Низовцева и Леопольд Антонович. Сидят слева направо — Евгений (сын), Низовцев Константин Георгиевич (брат Лилии Георгиевны), Валентина (дочь). 1964 г. Из архива семьи Барановских

Зинаиду Александровну поразило очень доброжелательное, уважительное отношение друг к другу: "В доме была большая

библиотека, которая говорила о разносторонности интересов всех членов семьи, особенно Леопольда Антоновича. Лилия Георгиевна – его жена – была очень интеллигентна, в этом доме я никогда не слышала скандалов, если и были какие-то недозволения, то мы этого не видели. Он любил с нами общаться на любые темы и, если мы начинали с ним спорить, молча доставал с полки книгу и доказывал, в чём мы не правы. В семье царил атмосфера доверия, взаимопонимания. Валя с Женей очень любили родителей несмотря на то, что они были достаточно строги, внушали необходимость хорошего обучения. И дети их не подводили”.

С лентой «Почётный гражданин города Игарки». 1979 г.

У Леопольда Антоновича был несомненный талант организатора. И он проявлялся в разных сферах — от профессиональной до общественной деятельности. Он занимался с большой самоотдачей развитием города.

Его заслуги были оценены игарчанами по достоинству. Л. А. Барановский стал Почётным гражданином города Игарки в 1979 году.

Леопольда Антоновича часто приглашали в качестве почётного гостя на юбилейные торжества, праздничные мероприятия. Он приходил всегда. И радовал горожан и гостей Игарки своей улыбкой, всегда добрым расположением. Не любил произносить публичные речи перед большой аудиторией. Но никогда не отказывал, если это было крайне необходимо.

Л. А. Барановский выступает на праздновании Дня города. Первый микрорайон. 2 июля 1989 г.

Ежегодно игарчане могли встречаться на праздничных де-

монстрациях (1 мая и 7 ноября), а также на Манифестации 9 мая. Эти шествия проходили в приподнятой атмосфере, игарчане всегда были активными, приходили семьями. С утра поток людей устремлялся из микрорайонов, улиц новой и старой частей города к площади Ленина. Именно здесь устанавливалась трибуна, проходило торжество. Демонстрации сопровождалась праздничной музыкой, яркими плакатами, каждая колонна организации или учреждения города имела своё оформление. А вот скорбное шествие в день Великой Победы стартовало от этой же площади к Памятнику погибшим в годы Великой Отечественной войны игарчанам в Комсомольском сквере, здесь же, на улице Карла Маркса. Возложение венков, цветов длилось довольно долго, каждый раз это было сильное по эмоциям действие, в котором было мало слов, звучала пронзительная музыка.

Как правило, 9 Мая в Игарке ещё холодно. Вот и на этой фотографии 1986 года люди, идущие в траурной процессии, одеты по-зимнему. Каждый год в этом шествии можно было видеть и Леопольда Антоновича Барановского без головного убора.

9 Мая 1986 г.

Особая дружба связывала Леопольда Антоновича с теми, кто оказался в таком же подневольном состоянии. Арнольд Рудольфович Лепкай (у него латышские и эстонские корни) был старше его на четыре года, прошёл лагерь, а после его расформирования отправлен в Ермаково, где заключённые строили железную дорогу Салехард-Игарка.

«К тому времени, — рассказывает сын Лепкая Дмитрий Арбузов, — он познакомился при отбывании срока наказания с вольнонаёмной Натальей Всеволодовной Арбузовой, которая прибыла в Архангельскую область добровольно, чтобы поддержать осуждённого отца — известного врача, доктора медицинских наук В. Н. Арбузова».

Отважиться на это могла только женщина с сильным характером. За плечами у неё была ленинградская блокада. Впереди Наталью Всеволодовну ожидали новые испытания. Последовало этапирование Арнольда Лепкая в Ермаково, и она поехала за ним. В дороге умерла от пневмонии маленькая дочка.

В Ермаково Наталья Всеволодовна работала в библиотеке, затем — в школе. Первая встреча Арнольда Лепкая с Барановским состоялась именно в Ермаково, он бывал здесь по производственной необходимости.

В 1953 г. строительство железной дороги было прекращено, всех заключённых расформировали по другим лагерям, а ссыльных и вольнонаёмных выселили в Игарку.

Здесь уже состоялось более близкое знакомство. Арнольд и Леопольд любили волейбол, команда, в которую оба входили, выезжала на соревнования в Красноярск и выступала очень успешно. А Наталья Всеволодовна работала в школе рабочей молодёжи, которую окончил в 1954 году Л. Барановский. Преподавала историю и географию, уровень её образования был так высок, что её часто приглашали на телевизионные передачи, городские мероприятия.

Л. Барановский с другом А. Лепкаем. Возвращение из командировки. 18 июля 1968 г. Из архива Д. Арбузова

Семьи очень подружились. Они встречались по разным поводам. Дмитрий Арбузов рассказывает: «Семьи были читающие, у каждой – хорошая библиотека. И игра в слова для детей была очень полезной и, что важно, интересной, приходилось подолгу рыться в словарях, но это воспринималось как забава.

Были даже своего рода традиции: в субботу собираются филателисты, в семье Барановских увлекалась этим Лилия Георгиевна, супруга Барановского, а в нашей семье у меня была хорошая коллекция. А по воскресеньям – шахматные партии. Вечером – преферанс, игра, которую все мужчины в наших семьях любили. В числе игроков часто оказывались мои коллеги по гидрографической базе – Ю. Вергунов, Л. Севостьянов».

Арнольд Рудольфович Лепкай не был публичным человеком, как Барановский. Он был сосредоточен на своём любимом

деле, работал слесарем-наладчиком в Игарском авиапредприятии, имел собственное клеймо, которое ставил после проведения ремонта. Оба с достоинством проходили свой путь в изгнании, далеко от родных мест. И очень преданы были своей дружбе. «Пожалуй, сейчас таких дружеских отношений не бывает», – завершает рассказ Д. Арбузов.

Арнольд Лепкай покинул город Игарку в 1978 г. Фотография сделана на память об отъезде в г. Туапсе, откуда продолжилась дружеская переписка. Из архива Д. Арбузова

Многие игарчане отмечают, что любовь к спорту, азартность были присущи северянам. И те, кто однажды встречались на спортивной площадке, за шахматной доской, зачастую становились добрыми друзьями. Супруги Гришины – Надежда Павловна и Геннадий Дмитриевич – признались мне, что точно и не припомнят, как и когда стали близки с Леопольдом Антоновичем. По каким только случаям и поводам не приходилось встречаться! Однажды Геннадия Дмитриевича попросили на лодке по Енисею довести группу людей в сопровождении Ба-

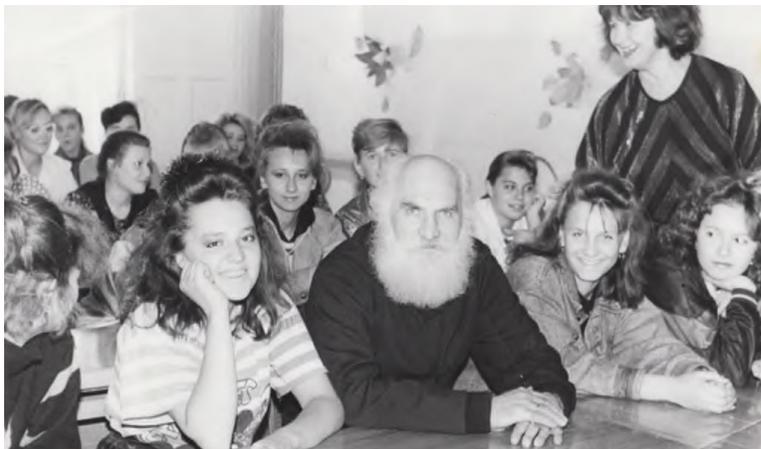
рановского. А сколько было азартных посиделок за преферансом (особую страсть к этой игре испытывали многие игарские мужчины).

За преферансом в квартире Гришиных. Слева — Г. Гришин, в центре — Л. Барановский, справа — В. Смакауз и П. Дончак (спиной). 1978 г.

Надежда Павловна и вовсе была занята всегда активной общественной деятельностью — педагог, Почётный пионер, ветеран комсомольского движения. Постоянно приглашала Леопольда Антоновича на классные часы в школу, педагогическое училище народов Севера. Важными явлениями того времени были торжественные собрания, слёты. На них приглашались Почётные граждане города, ветераны Великой Отечественной войны и труда, комсомольские и пионерские активисты. При-

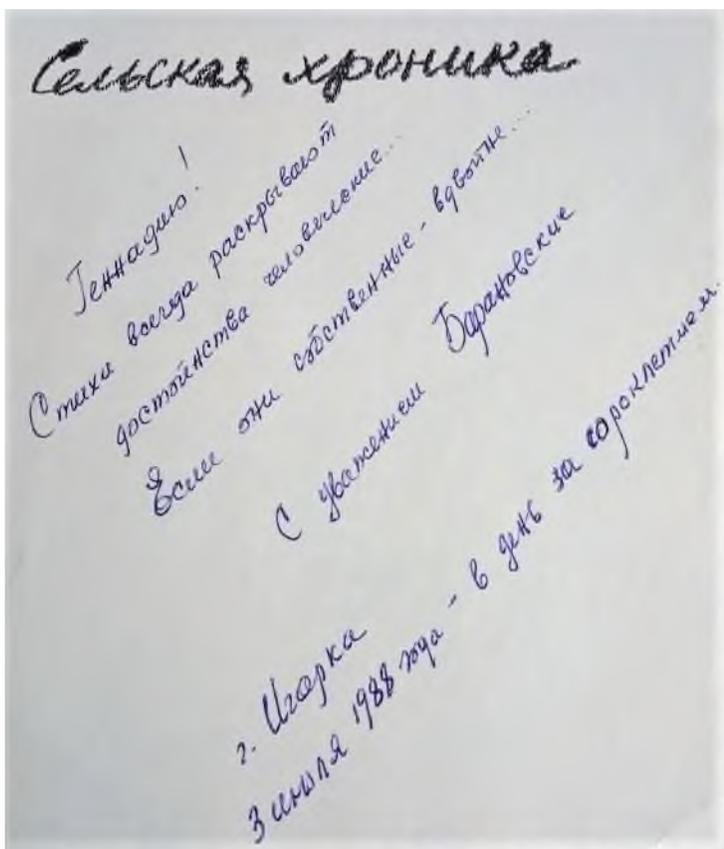
метой времени было также проведение бесед членов общества «Знание». Надежда Павловна Гришина приглашала Леопольда Антоновича не только как члена этого общества, но и как краеведа, хорошо знавшего историю города.

Встреча Л. А. Барановского со студентами педагогического училища народов Севера. Справа стоит – заместитель директора педучилища по воспитательной работе Н. П. Гришина. 1993 г.

Надежда Павловна Гришина поделилась со мною: «Леопольд Антонович бывал у нас в гостях. Приходит и говорит как-то моей дочери Яночке: „Что будем делать, Яночка, Литва не пропускает твои любимые конфетки...“ Старался порадовать и детей, и взрослых, чем можно. Супругу моему, который любит стихи и сам немного пишет, подарил сборник стихов Твардовского. Мы храним эту книгу с дарственной надписью».

Кстати, Твардовского Леопольд Антонович уважал не только за поэзию, которая была по душе, но и за стойкость, характер. Ему была известна судьба отца Твардовского – репрессированного вместе с семьёй.

Дарственная надпись на книге. 1988 г.

В Барановском очень многие отмечали иронию и остроумие. Жизнь научила его выбирать ситуации, в которых это было уместно и безопасно. Поэтому я не удивлялась, что к иронии часто добавлялись нотки грусти. Леопольд Антонович любил иногда говорить: «Да, с этим мы запоздали лет эдак на...» Было понятно, что время говорить и выражать иронию наступило с большим запозданием. И выражалось это теперь более сдержанно.

Основательность и умение видеть перспективу – эти качества также были присущи Леопольду Антоновичу. Неслучайно он хорошо понимал, что такое бюджет города, из чего складывается, почему не финансируются многие важные направления развития города. И в составе городского Совета депутатов, и в комиссиях исполкома горсовета он по максимуму использовал свои знания и опыт.

Л. А. Барановский всегда любил изучать тонкости дела, факта. Для него не было мелочей, каждая деталь имела смысл. Особенно ярко проявилась эта способность в фиксации событий. В его записной книжке, где на титульном листе стоит шутливая пометка автора «Пишет о своих мыслях пенсионер...», есть перечень событий, которые произошли в 1989 году.

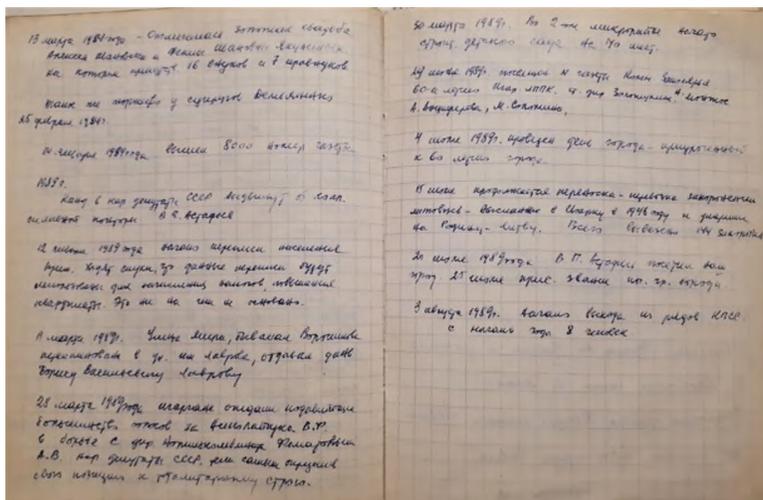
Понятно, что некоторые факты можно было просто зафиксировать, прочитав, например, решение исполкома горсовета, местную или краевые газеты. Но большая часть событий прочно вошла в его жизнь, он был их участником, не мог оставаться равнодушным. Кроме официально известных дат – празднование юбилея города (указано, что это было 4 июля), приезд В. П. Астафьева (20 июля), присвоение ему звания Почётный гражданин города (25 июля), отмечены первые «подвижки» политического сознания игарчан. Так, 25 марта 1989 г. жители города на выборах народного депутата СССР отдали большинство голосов за В. Ф. Николайчука, а не за директора Норильского комбината А. В. Филатова, «тем самым определив свою позицию к тоталитарному строю».

Есть ещё одно важное наблюдение: «3 августа 1989 г. – начало выхода из рядов КПСС».

Не пропущен факт переименования 11 марта 1989 г. улицы Мира (бывшей Ворошилова) в улицу Лаврова.

30 марта было начато строительство детского сада во втором микрорайоне на 70 мест.

15 июля «продолжилась переноска-перевозка захоронений литовцев, высланных в Игарку в 1948 г.».

Записная книжка Леопольда Антоновича Барановского. Из архива семьи Барановских

Обращаешь внимание и на то, что в череде городских событий Леопольд Антонович всегда находит место для самих жителей города. «13 марта 1984 года, — пишет летописец, — отмечалась золотая свадьба Алексея Ивановича и Фёклы Ивановны Якуниных, на которой присутствовали 16 внуков и 7 правнуков».

Он сам часто бывал на подобных мероприятиях. Приглашали как доброго знакомого, как общественно значимое лицо. Депутаты городского Совета часто становились почётными гостями в отделе ЗАГС. Это придавало особую торжественность церемонии бракосочетания, молодожёны чувствовали внимание к себе не только их родных и близких. Таких историй, когда Леопольд Антонович Барановский становился гостем регистрации брака, было немало. Мне об этом поведали, например, Зинаида Александровна Томко, Майя Евгеньевна Валейн. Леопольд Антонович умел подобрать нужные слова, поддержать праздничный настрой.

Подмечали в Леопольде Антоновиче и весёлый нрав. В начале 90-х годов, как я уже отмечала, началось развитие туризма в Игарке. Организаторы новых маршрутов стремились изучить все возможности города и окрестностей. Теплоход «Антон Чехов» доставлял в Игарку иностранных туристов, которым было интересно увидеть необычный морской порт на реке Енисей, уникальные пейзажи лесотундры, редкий Музей вечной мерзлоты и остатки ГУЛАГа.

Сергей Шагин, работая в МП «Игарка», занимался как раз разработкой новых маршрутов, встречался с Барановским, который никогда не отказывал в проведении экскурсий для гостей, летал даже в Ермаково. В 1991 году при переброске в Эвенкию Игарку посетили четыре шведа. Встреча с Барановским была очень оживлённой, они нашли его похожим на... Карла Маркса! Шутливый тон в беседе присутствовал постоянно. Для шведов была организована рыбалка, потом ужинали все вместе в ресторане «Русь». Как водится, выпивали. В этой процедуре Леопольд Антонович был куда сноровистее гостей, за один тост опустошал две рюмки. Шведы были очень удивлены богатырской силой местного бородача, который ухватил за одну ножку массивный деревянный стул с высокими спинками и стал его поднимать, отжал не менее десяти раз. Потом предложил гостям повторить. Лишь самый молодой иностранец сумел с большим трудом поднять стул три раза. А конец вечера был ещё веселее – умудрённый жизнью латыш, проживший долгое время в Сибири, объяснил европейцам, что такое «на посошок» у русских. Но серьёзные шведы так и не поняли, почему «какая-то палка, посох», которую называют посошком, завершает застолье.

Многим бывшим игарчанам я задавала вопрос при подготовке книги: «Какие черты характера Барановского были доминирующими?» Л. Е. Филиппов ответил так: «Вежливость и интеллигентность. Мы не слышали от него бранных, нецензурных слов. Но главное качество – добропорядочность».

Пётр Петрович Дончак, который поддерживал очень близкие отношения с Леопольдом Антоновичем, сказал просто: «Ве-

ликий человек. Он всегда был очень доброжелательным. Да, рассказывал, как попал в Игарку, что пришлось пережить. Но никогда ни о ком не говорил плохо. Относился ко всем по-доброму».

Пётр Петрович часто контактировал с Барановским по разным вопросам. Очень сблизил спорт, П. П. Дончак длительное время возглавлял городской спорткомитет. Но главным увлечением, которое привело Петра Петровича в дом Барановского в 1969 г., была карточная игра. Леопольд Антонович очень любил преферанс, в котором можно победить только за счёт своих умений и стратегии. Говорят, этот вид игры называют не столько азартным, сколько интеллектуальным.

Иветта Александровна Цыганкова, главный бухгалтер горбыткомбината, вспоминает своего руководителя Барановского как человека очень строгого, любившего во всём порядок, но справедливого. Ровный характер, уравновешенность — главные отличительные особенности. Конечно, коллективы в те времена любили устраивать совместные застолья. Леопольд Антонович удивил всех тем, что объявил: «Я пью только один стакан водки». Так и было. И никто никогда не видел его пьяным. Иветта Александровна до сих пор вспоминает яркий эпизод того времени. Барановский любил спорт, устраивал самые разные соревнования. Однажды и Иветта Александровна участвовала в бегах собачьих упряжек. Как удалось организовать эту забаву, было непонятно, собак найти, запрячь их правильно, всё это было в диковинку. Но запомнилось на всю жизнь!

Леопольд Антонович был душой компании. Он не бывал шумным и навязчивым, часто улыбался. Я очень удивилась, фотографиям, которые сохранил Андрей Александрович Кузьменко и Тамара Михайловна Цветкова. На одной из них — пальмы, сфинкс и знакомые игарские лица. Как рассказала Т. М. Цветкова, работавшая руководителем отдела рабочего снабжения ЛПК, это была поездка 1982 г. по Средиземному морю. Игарчане вместе со многим красноярцами стали участниками круиза. Посещали Египет, Кипр, Болгарию, Турцию, Грецию. Кроме Л. А. Бара-

новского Тамара Михайловна помнит на фотографии работницу ОРСа Е. В. Белько (первая справа) и сотрудницу горфинотдела Н. В. Машковцеву (вторая справа).

В путешествие Леопольд Антонович, как рассказывает Т. М. Цветкова, отправился с маленьким чемоданчиком, где лежали... шахматы! Над ним подшучивали, а он в ответ — доброжелательно улыбался.

Л. А. Барановский в круизе по Средиземному морю. 1982 г.
В центре — Т. М. Цветкова

ГЛАВА VIII. НАСЛЕДИЕ БАРАНОВСКОГО

В главу включены статьи Леопольда Антоновича Барановского, которые были подготовлены в период работы в Игарском краеведческом музее и в г. Смоленске. В Игарке это были рукописные варианты. Некоторые из них дорабатывались по моей просьбе, Леопольд Антонович кропотливо переписывал и приносил новые варианты. Если совместить это с газетными публикациями, наследие Барановского будет выглядеть весьма внушительно.

Несомненный интерес представляет автобиографический очерк «Долгие годы изгнания», подготовленный в 1995 году в г. Смоленске для латышских изданий. Он был написан на родном, латгальском, языке. Перевод сделан в 2014 г. Ольгой Казимировной Баяндиной, приводится полностью с разрешения семьи Барановских, которые хранят его в своём архиве.

ЖИЗНЬ – КАКАЯ ОНА ЕСТЬ

Моя принудительная одиссея – путешествие в бесправие – началась 14 июня 1941 г. В этот день наша семья в полном составе была депортирована прямым путём из Латвии в Сибирь.

Эшелон товарных вагонов, переоборудованных под перевозку заключённых, под охраной «стрелков», с зарешечёнными окошками и наглухо закрытыми дверьми, прибыл на станцию Канск в июле 1941 г. Но ещё до Урала несколько вагонов, где находились мужчины – главы семейств, отцепили и прямым путём направили в Вятские лагеря. Мы же год находились в ссылке в Дзержинском районе. Потом были направлены в 1942 г. на Север Красноярского края и, мягко говоря, «выгружены» 18 сен-

тября на необжитый берег с одной избушкой. Это было Агапитово Игарского района.

В зиму 1942—43 гг. там погибли из-за голода и болезней почти 50 процентов ссыльных из Поволжья, Ленинградской области и Латвии. В конце августа 1943 г. группа «дистрофиков» в составе 15 человек была направлена в Игарку для работы на кирпичном заводе. В составе этой группы был и я.

В течение первого года мне приходилось работать возчиком на быках и лошадях, заготовителем дров, подсобным рабочим на кирпичном заводе и выжиге извести на речке Чёрной.

Потом начался новый этап трудовой деятельности — уже по конторской линии. Сначала статистиком, потом плановиком и техническим руководителем Местпрома. Проработал я в этой организации девять лет.

Необходимо было продолжить учёбу, но загрузка в Местпроме не позволяла это сделать. Я освоил специальность счётного работника и перешёл в педагогическое училище народов Севера на должность старшего бухгалтера. Одновременно продолжал учёбу в вечерней школе в 9 классе. Окончил среднюю школу в 1954 году, но продолжать обучение мне, спецпоселенцу, было трудно.

В 1959 году был назначен заведующим городским коммунальным отделом и с небольшим перерывом (полтора года) руководил городским хозяйством до 1971 г., то есть более 12 лет. Именно в этот период впервые начались работы по переводу на центральное отопление жилых домов и служебных помещений, по замене деревянных тротуаров на бетонные покрытия и асфальт, организация автобусного движения, строительство водопровода и другие мероприятия.

Принимал непосредственное участие в составе комиссии в ликвидации последствий пожара 1962 г. Занимался расселением семей, пострадавших во время пожара. Устройство пострадавших учреждений полностью легло на плечи нашего коммунального хозяйства.

В 1971 г. был направлен на работу начальником ремонтно-строительного управления, в котором проработал четыре года. В 1975 г. в связи со сменой руководства города ряд руководителей организаций вынуждены были уволиться. Среди них был и я. Но в этом же году был приглашён теми же руководителями, которые добивались моего ухода, на должность директора КБО (комбината бытового обслуживания), в котором я проработал до момента его приватизации в 1993 г.

Со спецпоселения освобождён 5 марта 1957 г. Реабилитирован 10 февраля 1991 г. Не судим. В лагерях и тюрьмах не был.

Постоянно увлекался спортом. Организовал в 1945 г. первый чемпионат города по шахматам и проводил их все годы (исключая последние четыре года). Был чемпионом города восемь раз. Впервые – в 1949 г., последний раз – в 1981 г. Был чемпионом города по футболу, волейболу и баскетболу. Выступал за сборную города по волейболу и баскетболу до 1965 г. Увлекался и другими видами спорта. Был участником спортивно-лыжного перехода Игарка-Туруханск в 1954 г. (300 км).

В течение 25 лет был депутатом Игарского городского совета. Возглавлял постоянные комиссии – планово-бюджетную, коммунальную и по торговле. Один созыв (1963–1966 гг.) был избран внештатным председателем городского совета. Нужно сказать, что впервые в Игарке на такую должность был избран беспартийный и бывший спецпереселенец.

Был членом КПСС с 1968 года. Активно сотрудничал с 1948 г. с радиоредакцией, с 1950 г. – с местной газетой, был её рабкором, с телестудией – во все годы её существования (1964–1983 гг.).

В 1979 г. (в связи с 50-летием города) было присвоено звание «Почётный гражданин города Игарки». Наград, кроме медали «Ветеран труда», не имею. В настоящее время возглавляю комиссию по реабилитации жертв политических репрессий.

15 марта 1993 г., г. Игарка

МЫ, ССЫЛЬНЫЕ, О СЕБЕ И ДРУЗЬЯХ...

Несмотря на то, что факт использования принудительного труда насильственно сосланных на различные «народные» стройки тщательно скрывался и не рекламировался, молва об этих людях распространялась не только в СССР, но и за границей.

Одной из таких строек по освоению Крайнего Севера был и наш заполярный город-порт Игарка, который практически построен усилиями разных категорий угнетённых и лишённых гражданских прав, свободного передвижения людей, которые высылались целыми семьями.

Уже в 1930 году, менее чем через год после начала строительства лесозавода и морского порта, стали прибывать на стройку первые семьи трудпереселенцев. В основном, они состояли из матерей и большого числа детей. Большинство отцов были осуждены и отбывали сроки в лагерях. Раскулачивание зажиточных крестьян Восточно-Сибирского края, в состав которого тогда входили ныне образованные административные районы Красноярского края, Иркутская и Читинская области, началось в 1930 году и продолжалось в разных формах до 1933 года...

В навигацию 1930 года из Красноярска и прилегающих к Енисею районов отправлялись раскулаченные в Игарку. Людей грузили на деревянные баржи, а иной раз — прямо на плоты. В пути люди не были обеспечены элементарными условиями. По неофициальным данным, за три навигации 1930—1933 годов в Игарку было отправлено около 20 тысяч трудпереселенцев, в основном, русских, хотя уже в тот период среди ссыльных были и татары, и латыши, и эстонцы — из числа поселившихся в этих краях в XIX — начале XX вв.

Трудпереселенцы находились на строгом учёте в спецкомендатурах НКВД и должны были являться на регистрацию два раза в месяц. В дальнейшем, совершенствуя систему надзора, власти стали назначать среди насильно высланных «двадцатников», на-

блюдателей, которые приходили на отметку и гарантировали, что все подконтрольные им ссыльные находились в Игарке.

Первоначально, в 1930 году, была разработана система пребывания раскулаченных трудпереселенцев в отдельно изолированных зонах. Подобная мера необходима была для того, чтобы трудпереселенцы не контактировали с вольнонаёмными в свободное от работы время. Одну из таких зон насильно выселенные построили себе сами в том районе, который позже стали называть старой частью. В ней располагались магазин, баня, школа, бараки и другие постройки. Посёлку было дано и название — «Пробуждение». Но уже в 1930 году власти решили отказаться от этой идеи. Слишком сложно было разделить весь посёлок (Игарка тогда ещё и городом не была) на зоны. Ведь, по сути, всё поселение было особо режимным...

Вопиющим являлся и тот факт, что трудпереселенцы сами должны были содержать работников спецкомендатуры НКВД, отчисляя им ежемесячно 5% своей зарплаты. Органы НКВД искали различные пути для максимального использования труда ссыльных. На государственном уровне были введены различные поощрения за доблестный и добросовестный труд. Высшей формой при этом считалось присвоение звание ударника, оно предполагало ходатайство о снятии с учёта в спецкомендатуре. За десять лет, вплоть до 1940 года, в Игарке были освобождены от ссылки не более 30 человек. Об этом объявлялось остальным, в том числе, и через печать.

В первые годы трудпереселенцы несли большие потери из-за цинги. В Игарке полностью отсутствовали овощи. Продовольствие выдавалось строго по карточкам, высококалорийных продуктов просто не хватало. Уже в этот период потери составили около двух тысяч человек. Поскольку Игарка только застраивалась, кладбища возникали стихийно. Первые захоронения производились на ныне существующем складе готовой продукции (бирже пиломатериалов), на втором участке (посёлок «Пробуждение»), в районе старой горбольницы по ул. Большого Театра и в других местах. Лишь после отмены карточной системы

в 1935 году жилищные условия и снабжение продовольствием стали улучшаться. Началось переселение в более благоустроенные бараки, строились даже двухэтажные — по улице Орджоникидзе №17 и 19. Но и в них проживало до 50–60 семей.

В 1937 году началась новая чистка кадров и искоренение «врагов народа». Эта волна коснулась в первую очередь трудпереселенцев. Из общего числа подвергнутых в 1937–1938 годах арестам игарчан, а их по неофициальным данным, было более 500 человек, большую часть составили мужчины из числа насильно высланных. Сейчас уже не секрет, что расстрелы проводились согласно «разнарядке» и прямо на месте (это подтверждают данные в ЗАГСе), другая часть выявленных «врагов» отправлялась ещё дальше на Север, в Норильские лагеря, со стандартными сроками — 10 лет ИТЛ.

Новая волна спецпоселения хлынула на г. Игарку в 1942 году. В город и станки Игарского района были доставлены насильно:

переселенцы из Латвии — около 2 тысяч человек,
немцы из Поволжья — более 5 тысяч человек,
греки из Краснодарского края — 500 человек,
переселенцы из Ленинградской области и прилегающих областей:

финны около 300 человек,
немцы около 400 человек,
латыши 100 человек.

В 1944 году прибыли спецпоселенцы из Калмыкии — более 500 человек. Все спецпереселенцы, как правило, доставлялись или в запустевшие станки, где проживало пять-десять семей, или выгружались на необжитых берегах: в Агапитово — 500 человек, Погорелке — 200 человек, Сухарихе — 200 человек. Многие просто не выживали в условиях голода, отсутствия жилья, тепла. Особенно большие потери были в Агапитово. Только за зиму 1942–43 гг. более 50 процентов выброшенных на берег людей погибли. Поскольку сам я был выслан с семьёй в Агапитово, мо-

гу подтвердить: высадили нас на берег 18 сентября 1942 г., переселили в палатки 1 октября 1942 г., в землянки — 1 января 1943 г. За месяц погибли все дети, имевшие возраст до двух лет. Паёк был мизерным, но и его нужно было выкупить. Ни света, ни бани, ни писем, ни газет...

В 1948 году в Игарку были доставлены выжившие жертвы террора 30-х годов, которые чудом прошли лагеря и после отбывания десяти и более лет в лагерях направлялись на вечную ссылку в Игарку. Следует отметить, что в своём большинстве это были представители интеллигенции: врачи, инженеры, военные, писатели, художники. Таких ссыльных было более 500 человек.

Последним аккордом спецпереселений была доставка в Игарку литовцев. Летом 1948 г. прибыло 1300 семей, общая численность составила свыше пяти тысяч человек. Большая часть сосланных работала на лесопильно-перевалочном комбинате, малолетки и старики были заняты в сфере обслуживания. В тот период никого не удивляло, что столярами, подеревщиками, кузнецами, обувщиками — одним словом, мастерами, работали литовцы, которым было за 70 лет.

После смерти «отца всех народов» началась эпопея освобождения людей из мест спецпереселений. Её пик выпал на осень 1953 года. Первым в Игарке получил реабилитацию доктор Баркан, затем начался поток реабилитации. Практически все, кто ходатайствовали о реабилитации, получали её довольно быстро (за три-пять месяцев).

Но нужно отметить, что процесс восстановления в правах начался задолго до этого. Первые трудпереселенцы 30-х годов были освобождены от учёта в спецкомендатурах сразу после войны, в 1945 году. Начиная с 1942 года действовало следующее правило: если в семье раскулаченных кто-то призывался в армию, то вся семья освобождалась от учёта и всем её членам выдавался паспорт.

В 1954 году всем оставшимся в живых спецпоселенцам были выданы паспорта с правом проживания в границах Красноярского края, позже выдавались паспорта, позволявшие свобод-

но перемещаться по СССР (за исключением особых районов). Этот процесс завершился в 1957 году.

Так закончилась в Игарке эпопея спецпоселения, длившаяся 27 лет. Можно подвести некоторые итоги. За это время были подвергнуты насильной высылке в Игарку более 35 тысяч человек, из них третья часть не дожидаясь освобождения. Однако процесс восстановления в правах продолжается и сейчас. Реабилитация, наступившая лишь полвека спустя, продолжается...

13 апреля 1993 г., г. Игарка

ПРОИЗВОДСТВО КИРПИЧА В ИГАРКЕ

Как это ни парадоксально, выпуск кирпича в Игарке был налажен задолго до того, как в ней стали строить кирпичные дома, то есть с 1930 по 1956 год. За это время в городе было четыре работающих завода.

Первый из них просуществовал с 1931 по 1935 год. Построен он был одной из первых строительных организаций – «Северстроем». Территория завода определялась земельным участком – правым берегом Медвежьего Лога, прилегающим непосредственно к Игарской протоке и ныне существующей улицей Папанина. Это около 40 тысяч кв. метров. В первые годы в сжатые сроки были построены примитивная постройка для подготовки массы для изготовления кирпича (глина, песок, вода), сушильные сараи для сырца, склад для хранения кирпича и одна камера для обжига кирпича-сырца на девять тысяч штук.

В связи с использованием запасов глины и передачей производства кирпича другой организации – «Местпрому» – производство кирпича «Северстроем» на этом участке было прекращено. За период существования завода было выпущено около полутора млн штук кирпича, который обеспечивал потребности города только для кладки отопительных печей, дымовых труб в домах, в том числе и барачного типа. Вновь образованному «Местпрому» вменялось в обязанность заниматься производ-

ством кирпича в больших масштабах. Уже в 1935 году был определён план выпуска один млн штук кирпича в год. Территория нового кирпичного завода была определена на левом берегу Медвежьего Лога, сразу за мостом и напротив склада готовой продукции Игарского лесопильно-перевалочного комбината. Территория составляла около пяти гектаров. В первый год были построены два более усовершенствованных сушильных сарая для одновременной просушки ста тысяч штук кирпича-сырца, склад сырца для хранения сухого кирпича сырца, производственная площадка по изготовлению кирпича-сырца. В том же году была введена в эксплуатацию напольная печь для обжига кирпича, которая состояла из двух камер вместимостью по 18 тысяч штук кирпича. Тогда же к заводу была проведена линия электропередачи от электростанции лесокомбината и подключена глиномялка – единственный механизированный узел в производстве кирпича.

Кирпичный завод «Местпрома» просуществовал на этом участке с 1935 по 1954 год. Ежегодный выпуск кирпича составлял даже в тяжёлые военные годы не менее одного млн штук кирпича, в некоторые годы он достигал полутора миллионов. Как и продукция завода «Севенстрой», вся она уходила на кладку печей и труб. До 1965 г. в городе не было ни одного кирпичного здания под жильё. На территории ЛПК было несколько зданий из кирпича производственного назначения. Плачевным был результат постройки бани в старой части города, которая через 10 лет после её возведения развалилась.

Несмотря на увеличение объёмов выпуска кирпича, продукция не смогла обеспечить всех потребностей. Большой дефицит в ней испытывал лесокомбинат. Он имел большое количество не только производственных зданий, но и жилого фонда, который в 1940–1970 гг. составлял более 70% от общегородского.

Исходя из такого положения руководство лесокомбината решило организовать собственное кирпичное производство. Завод был расположен на правом берегу Медвежьего лога (между заброшенным каменным мостом и нынешней дорогой из старой

части города в новую). Объёмы выпуска достигали 600 тыс. штук в год. Работал он с 1938 по 1954 годы. Там были построены сушильный сарай для сырца, склад и камера для обжига.

В 1952–1953 годах стал ощущаться недостаток сырья в карьерах «Местпрома». Руководство завода заблаговременно начало поиски новых залежей глины. Они были обнаружены в старой части города за 2-м участком, на правом берегу Лисьего лога, это в километре от рыбозавода. После завершения поисковых работ в 1954 г. были начаты работы по переносу кирпичного завода на новое место.

Новым проектом была предусмотрена механизация отдельных узлов: изготовление самого сырца, пуск линии доставки сырца к сушильным сараям, доставка продукции в склад. Было начато строительство печи для обжига кирпича. Однако все работы по запуску кирпичного завода на новом месте были прекращены, и выпуск местного кирпича уже больше не осуществлялся.

Основной причиной, на мой взгляд, была реорганизация «Местпрома». Его разделили на несколько направлений: выпуск местных материалов и продукции (кирпич, известь, мебель) и различные услуги бытового назначения (пошив одежды, ремонт обуви, оказание парикмахерских услуг и т. д.). И если последнюю сферу городской Совет депутатов поддержал, она не требовала крупных денежных вложений, то на развитие местной промышленности средств не нашлось. Этим решили больше не заниматься. В результате город лишился выпуска строительных материалов из местного сырья, продукции из них.

А это не только кирпич, но и известь. Об этом в скором будущем пришлось сильно сожалеть. Если кирпич поставляли из разных городов Красноярского края, то известь, например, приходилось заказывать в отдаленных уголках Союза и даже из Японии.

20 июня 1993 г., г. Игарка

О ПРОЦЕССЕ ВЫПУСКА КИРПИЧА В ИГАРКЕ

Чтобы начать производство кирпича, сначала определяют место разработки и добычи глины. Затем с определённой площади снимается дёрн и даётся время для оттаивания почвы (в условиях распространения вечномёрзлых грунтов в Игарке это особенно важно).

Сам процесс выпуска кирпича, в котором я участвовал, не так сложен. Все описания я привожу именно по результатам личного участия в производстве.

Для добычи глины необходимы две штыковые лопаты на одного работающего. Для транспортировки глины применяется простая деревянная тачка с металлическим колесом. В тачку накладывается глина, и она транспортируется по подъездным путям, которыми являются доски (в одну или две доски) до места накопления глины или непосредственно к площадке, на которой готовится масса для кирпича-сырца.

Кроме глины для изготовления кирпича-сырца нужна вода и песок. Пропорции этих компонентов определяет мастер по своему опыту — на глаз. Однако эта масса должна в конечном счёте быть достаточно вязкой для изготовления одного кирпича-сырца по установленным размерам.

Глина, песок и вода перемешивались и подавались в вертикальную глиномялку, которая при помощи электроэнергии и вмонтированного шнека готовила заданную массу. В нижней части глиномялки находилось отверстие, которое в процессе производства было закрыто, а после него — открывалось, после этого на стол формовщиц подавалась эта масса.

Формовщицами работали, в основном, женщины. В их задачу входило оторвать кусок глины массой пять кг, несколько его помять и, используя приобретённые навыки, заполнить с силой форму этой массой. Форма имела два отделения. Оба заполнялись глиной. После заполнения второго отделения женщина инструментом, состоящим из гнутого деревянного прута, связанного проволокой, срезала чётко по поверхности формы

всю излишнюю массу глины. Потом на эти отверстия накладывала дощечку, которая плотно прикрывала поверхность формы и, повернув её дощечкой вниз, освобождала форму от кирпича. Таким образом на дощечке оказывались сразу два кирпича-сырца. По стандартам того времени весил кирпич-сырец 4,5 кг. Формовщица за рабочий день для выполнения нормы должна была изготовить 600 штук кирпича. На это уходило с учётом отходов около трёх тонн глины. Женщинам приходилось поднимать глину высоко, чтобы ударить с силой этой массой, иначе появлялись пустоты в форме, а это было недопустимо. Кроме того, формовщица выносила два кирпича (общий вес около 10 кг) для просушки в сарай. Это был тяжёлый физический труд.

Следующий этап – доставка кирпича-сырца в сарай для просушки. Он считался промежуточным. К этой работе, как правило, привлекали учащихся. И девочки, и мальчики носили кирпичи в сараи. Рабочая линия была от 10 до 100 метров. Причём, в сарае было несколько стеллажей для просушки кирпичей. В военные годы школьники были особенно заинтересованы в такой работе, потому что кроме небольшой зарплаты они получали рабочую карточку, а это 800 гр хлеба вместо 400, продуктов также выдавалось больше по этой карточке. Но работу эту лёгкой назвать нельзя. Ведь за каждой формовщицей закреплялся один помощник, а на его долю выпадало переносить кирпичи на приличное расстояние. Если взять даже в среднем всего 50 метров, то за рабочий день он проделывал путь в 15 км. Кирпичи нужно было располагать на разных стеллажах, то есть зачастую поднимать на высоту.

Затем начинается переворачивание кирпича на ребро. Прodelывали это через 2–3 дня в зависимости от погоды. Эта процедура помогала ускорить просушку кирпича.

Мастер определял степень просушки кирпича и давал разрешение на его укладку сплошной клеткой в проездных путях сарая, чётко рассчитанных на то, чтобы могла проехать тачка.

Затем кирпич-сырец укладывался в тачки и доставлялся в склад – крытый и хорошо продуваемый. Так завершается про-

цесс изготовления кирпича-сырца, который считается полуфабрикатом. Далее он должен пройти процесс обжига.

Печь для обжига представляла собой устройство из квадратных камер со стенами в два с половиной кирпича. В нём были устроены топки. Камера печи обжига заполнялась кирпичом-сырцом, уложенным на ребро в ёлочку до самого верха. Когда камера загружена, закладывалось уже обожжённым кирпичом отверстие, по которому доставлялся сырец. Последний слой укладывался плашмя и сверху засыпался глиной и песком. Камера готова к началу обжига.

Первый день, а часто, и второй, называли прокапчиванием кирпича. Потом постепенно топки разгорались, отдавая всё тепло кирпичам, которые начинали прокаливаться. Потом мастер, очень внимательно следивший за поверхностью печи, постепенно заливал жёсткой глиной те места, которые уже прогорели, давая возможность направлять тепло по всей площади камеры.

Затем наступал один из самых ответственных моментов — гнать печь на жар. Мастер заготавливал заранее более сухие, отборные дрова и вскоре начинал интенсивную топку. Когда наступал конец — определял мастер. Топки закрывались, и камеру напольной печи оставляли на остывание. Этот процесс длился от пяти до семи дней.

Период топки длился столько же. За это время сжигалось на каждую тысячу штук кирпичей до пяти кубометров дров. Расход дров на год составлял около пяти тысяч кубометров. Заготавливали их в окрестностях города.

Где-то через неделю остывания напольной печи открывали заделанные кирпичи, а также — отверстие сбоку, через которое загружали сырец. Обычно выгрузка производилась в рукавицах, так как кирпич был довольно горячим.

Выгруженный кирпич выглядел красным. Он выкладывался в клетки, в каждую — около 200 штук.

К сожалению, за весь период существования кирпичных заводов в нашем городе он выпускался без участия лабораторных исследований. Такой кирпич могли использовать только для

кладки печей и дымовых труб. Сейчас трудно сказать, мог ли использоваться наш кирпич для кладки стен домов.

В последние пять лет возникали предложения о строительстве нового кирпичного завода или даже СП (совместного предприятия). Но в связи с ухудшением ситуации по перспективам развития города вопрос этот отпал.

По всей вероятности, до лучших времён.

20 июня 1993 года, г. Игарка

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПЕДУЧИЛИЩА

В этом году нашему педагогическому училищу исполняется пятьдесят лет.

Официальное открытие училища состоялось 1 октября 1939 г. в кинотеатре «Октябрь», ныне на этом месте построен кинотеатр «Север». Об организационном периоде, трудностях, с которыми приходилось встречаться, мне рассказал двадцать лет тому назад первый директор педучилища Андриан Семёнович Воронин. Вот его рассказ-воспоминание:

«Уважаемый тов. Барановский, я сожалею, что мне неизвестно Ваше амплуа, но всё же в интересах общего дела отвечаю на Ваши вопросы по порядку. В августе 1938 г. Красноярский крайком ВКП (б), отозвав меня с другой работы, рекомендовал инспектором крайоно по школам районов Крайнего Севера. Так я оказался на поприще народного образования. Это было время интенсивного развития школьной сети и широкого вовлечения в школу детей-кочевников тундры и тайги. Однако северная школа всё ещё находилась на пути обучения людей, плохо или совсем не владеющих русским языком, и, наконец, нужно было установить стабильную сеть школ, ибо появились случаи, когда построенные здания школ оставались одни в тундре и тайге, вдали от выбранных хозцентром организующихся колхозов (Боярка, Долганы в Таймырском округе, Янов-Стан, Толзка в Туруханском районе, Амо, Коченята, Учан-Эвенкийский округ и т.п.). Естественно, вставал вопрос

о переносе школьных зданий в образующихся населённых пунктах.

Мне ещё в 1934–35 годах пришлось побывать продолжительное время в Эвенкийском, Таймырском округах и работать в Туруханском районе с 1936 по 1938 год. В первые месяцы работы мне пришлось тщательно изучить все имевшиеся в крайоно материалы о школах Севера. А в марте 1939 года меня командировали в Игарку и Таймыр для изучения на месте школьного дела.

В это время нужно было решительно и на деле подтягивать отсталые окраины до уровня общих достижений страны. Игарка в то время в деле развития школ и обучения детей уже стояла на уровне других городов края, здесь была создана вполне нормальная учебно-производственная база школ. Город имел высококвалифицированный учительский коллектив. Игарка уже практически осуществила всеобщее образование детей. А в Таймырском же округе имелась Дудинская средняя школа, Норильская семилетняя школа, начальные школы ещё не имели хорошей учебно-производственной базы, среди учителей была большая текучесть.

Во время этой командировки я проделал маршрут по школам: Дудинка-Норильск-Церковенск-Долганы-Волочанка-Боярка-Хатанга. При этом выявил общую беду школ – это недостаток квалифицированных учителей, хорошо знающих условия жизни в тундре, язык местного населения, способных перенести неимоверные трудности в своей специфической работе. Направленных из Красноярского педучилища им. А. М. Горького и северного отделения Енисейского педучилища им. Бубнова учителей начальных классов, комсомольцев-энтузиастов явно не хватало.

Итак, Таймыр ещё не был готов к осуществлению всеобщего обучения детей. Отсюда и встала задача найти выход из затруднительного положения. А выход был только один – быстрыми темпами подготовить учителей из среды самих народностей севера. Только сами представители народов Севера с помощью

своих русских товарищей в дальнейшем могут поднять дело народного образования у себя.

Такое мнение у меня создалось после тщательного знакомства со школами Таймыра. При этом учителя, владеющие родным языком, быстрее могли развить только что созданную ими родную письменность. С помощью родной письменности, через родной язык народности Севера могли быстро приобщиться к развивающейся общественной культуре в нашей стране.

Аналогичные трудности переживала школа в Эвенкии и Туруханском районе. Всё это и побудило меня поставить перед крайкомом ВКП (б) и крайисполкомом вопрос об ускорении подготовки учителей из числа народов Севера. К счастью, органы власти не только одобрили моё предложение об организации педучилища народов Севера, но и всячески поддержали мою инициативу. Своим постановлением в июле 1939 г. они просили Совнарком РСФСР разрешить организацию на базе Северного отделения Енисейского училища самостоятельного педучилища в г. Игарке. В начале августа 1939 г. такое разрешение от правительства РСФСР было получено, вместе с ассигнованием 125 тыс. рублей на организацию нового педучилища. Тогда-то и поручили мне же осуществить организацию этого педучилища.

С этим поручением я прибыл в середине августа 1939 г. в г. Игарку. Руководство педучилища и политпросветшколы были объединены, чтобы не было стычек. Так я начал работать с двумя коллективами педагогов, с двумя завучами, двумя завхозами и техническими работниками.

В дальнейшем всё это объединилось, хотя штаты всё ещё разделялись. Единые партийные, комсомольские организации сплачивали оба коллектива, и мы избежали делёжки на «наших» и «ваших». А почему именно в Игарке создавалось училище? Да по той простой причине, что в Игарке уже имелось прекрасное учебное помещение Политпросветшколы народов Севера, имелись и жилые здания, в частности, Дом обороны, и общежитие бывшей торговой школы, и квартиры для преподавательского состава. Да и руководители городских организаций во главе

с первым секретарём ГК ВКП (б) тов. Хлопковым горячо приветствовали организацию педучилища и всячески содействовали в создании прочной учебно-производственной базы.

Просьбы организуемого педучилища немедленно удовлетворялись. Ремонт и приспособление всех зданий были осуществлены в течение полутора месяцев. Руководство лесокомбината (товарищи Гудков и Тарасов), судоверфи (т. Кондрашёв), Игарторга (т. Житов), Горисполкома (т. Малютин, Ефимов) и ряда других организаций проявляло к нашим нуждам живую чуткость, часто они сами приезжали и приходили в педучилище даже в неурочное время, чтобы вместе с нами определить наши потребности и нужды. А через городскую радиотрансляционную станцию вещали о жизни этих двух учебных заведений. Наши концерты и выступления слушали на Таймыре и в Туруханском районе родные и знакомые учащихся.

Секретари Таймырского окружкома ВКП (б) тов. Гамстер и Дзюба специально приезжали к нам, чтобы посмотреть на работу училища и школы. С их помощью мы часто получали оленьё мясо с Хантайского станка, привозили его нам эвенки. Только такая забота о нас и наша напористость дали возможность начать первый учебный год в новом педучилище с 1 октября 1939 года, как и намечалось.

И ещё – почему в Игарке? Да потому, что Игарка тогда была единственным индустриальным и культурным центром на Енисейском Севере. И популярность города в нашей стране была очень большой: знали о нём и в тундре, и в Москве.

В момент организации педучилища мы не ждали заявлений от желающих поступить, таких заявлений могло и не поступить тогда, мы сами активно вербовали учащихся. Такое положение продолжалось несколько лет, ибо школы на местах ещё не могли нам направлять учащихся с семилетним образованием. Детей с семилетним образованием из коренных народов брали нарасхват во все учебные заведения.

В первый год в наше училище было привезено из Енисейска 9 человек, из упразднённой торговой школы в Игарке перешли

16 человек, из Игарского детдома было принято 11 человек, остальные приехали из Эвенкии, Таймыра и Туруханского района, многие с 5–6 летним образованием. Из детдома мы взяли всех окончивших 7 классов. Так были организованы две подготовительные группы из 5–6 классов и одна группа основного курса из окончивших 7 классов, а всего в первом учебном году нам удалось набрать всего лишь 67 человек, вместо 90 по плану, и из них 75% представителей народностей Севера.

Было введено преподавание родного эвенкийского, селькупского и долганского языков. Уроки родного языка посещали и русские по выбору. В день открытия училища нас приветствовали Наркомпрос РСФСР, Ленинградский институт народов Севера, крайком ВКП (б), крайисполком, крайоно, все педучилища нашего края, городские организации. На торжественное собрание, состоявшееся 1 октября 1939 года в кинотеатре «Октябрь», прибыло много делегаций от коллективов Лесокомбината, судовой верфи, рыбозавода, морского и речного портов, авиагруппы, школ и других организаций города. Все понимали важность рождения нового учебного заведения. Вместе с нами радовались этому событию в жизни города и в культурном строительстве нашего Севера. Открытие первого на нашем Севере педагогического училища было несомненным и очень важным достижением в культурном строительстве Севера, вызывающим общую радость.

Выбор места расположения педучилища в г. Игарке был весьма и весьма удачным во всех отношениях. Внимание и забота города создавали самую тёплую обстановку для плодотворной деятельности училища, и за это должны быть благодарны городу Игарке все регионы Севера нашего края. Ведь неспроста и сейчас это училище стоит на прочных ногах, как на обетованной родной земле, оставаясь надёжной кузницей учительских кадров.

Теперь на нашем Красноярском Севере нет такой школы, где бы не работали выпускники Игарского педучилища, из его стен вышло много хороших советских, партийных, комсомольских работников и руководителей школ, органов народного об-

разования. Давно убеждён в том, что училище вполне с лихвой оправдало, оправдывает и сегодня мои надежды.

В этом училище наряду с профессиональным обучением педагогическому мастерству нашей молодежи по традиции ведётся большая работа по интернациональному воспитанию будущих учителей. И неслучайно все окончившие едут на работу в далёкую тундру и тайгу без страха, трудятся, преодолевая большие трудности.

Только что, неделю тому назад, я был в Юхтинской школе нашего Эвенкийского округа, где работают выпускники Игарского педучилища Каплина Олимпиада Прокопьевна, Гурчугир Христина Афанасьевна, Хукочар Афанасий и Егорова Людмила. В этой школе образцовый порядок, и душа радуется: звенки сами, самостоятельно могут заниматься обучением детей.

Мне часто приходится встречаться с выпускниками училища, а с некоторыми и вместе работать. Вот у нас в Эвенкии более 20 лет работают теперь уже заслуженные учителя РСФСР Суевалова Галина Георгиевна (бывшая Усова), Комбагир Надежда Кирилловна, ныне зам. председателя окрисполкома, это первые выпускники училища. У нас десять других отличных учителей, выпускников Игарского педучилища, продолжающих нести культуру на Север. Мне остаётся только пожелать, чтоб эта кузница учительских кадров Севера, сохранила свои добрые традиции и воспитывала стойких, высококвалифицированных, преданных своему советскому народу учителей – инженеров человеческих душ.

Будет большой заслугой училища, если оно и в дальнейшем будет уделять должное внимание эстетическому воспитанию студентов, чтобы из его стен выходили не просто хорошие учителя, а чтобы они обладали красивой душой, умением самоотверженно работать, бороться и добиваться успехов. А студентам из числа коренных народностей Севера желаю, чтобы они владели в совершенстве своим родным языком, не теряли его, памятуя, что язык был и остаётся главным и незаменимым средством общения со своим народом. Вме-

сте с этим, отлично знали, как второй родной, великий русский язык.

Желаю всему коллективу училища в текущем учебном году добиться хороших результатов.

Доброго пути в новом десятилетии, дорогие студенты и преподаватели родного училища! Больших успехов и счастья каждому выпускнику в юбилейном учебном году. С приветом А. Воронин.».

В самом начале я уже отмечал, что письмо двадцатилетней давности, но оно ценно для игарчан, коллектива педагогического училища, краеведов города своей актуальностью. В нём изложены факты и события из первых уст. Их поведал человек, вложивший свою душу, опыт в заботе о дальнейшей судьбе малых народностей Красноярского севера. Его анализ деятельности училища за 30 лет глубок и вызывает уважение к автору.

С тех пор прошло ещё двадцать лет, и мы рады, что то, о чём заботился первый директор училища, Адриан Семёнович Воронин, претворяется в жизнь.

7 сентября 1989 г., г. Игарка

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ МУЗЕЯ

Долгое время мы жили с мыслью о том, что городу очень нужен краеведческий музей с экспонатами, документально подтверждающими и освещающими отдельные исторические факты и судьбы людей. Не только история, но и вопросы экологии, экономики, культурной жизни города и закреплённой за ним территории всегда будут интересовать не только наших гостей, но и самих жителей города.

Каждый уважающий себя город имеет свой музей: исторический, краеведческий, этнографический или мемориальный, посвящённый какому-нибудь выдающемуся деятелю. Практически вопрос об открытии музея в городе ставился в первые годы его строительства. Однако потребовалось более десяти лет, чтобы он появился.

Решение было принято в 1940 г. Первым его директором стал руководителем Игарского педагогического училища народов Севера Иван Максимович Ощепков. Музею было выделено отдельное двухэтажное здание в районе начала улицы Карла Маркса. Началась интенсивная работа по насыщению музея экспонатами. В очень короткое время были созданы экспозиции по флоре и фауне района, этнографии, экономической жизни предприятий. Были оборудованы стенды с подлинными документами, подтверждающими принятые правительством решения о целесообразности строительства морского порта на правом берегу Игаркинской протоки.

Целый отдел был посвящен истории рождения и издания книги «Мы из Игарки» с письмами к пионерам Игарки А. М. Горького, Р. Роллана, С. Я. Маршака. В экспозиции не было ни строчки об истинном вдохновителе написания книги, журналисте Анатолии Климове, которого власти успели упрятать по политическим мотивам в следственные казематы. Правда, ему чудом удалось избежать лагерных дорог, но имя Климова в экспозиции не упоминалось.

Всё, что было создано до начала Великой Отечественной войны, удалось сохранить в трудные времена. Даже в тяжёлые военные годы на содержание музея выделялись средства из городского бюджета. Особое развитие музей получил, когда его директором работал более длительное время преподаватель педучилища Александр Матвеевич Ляпустин. Музей пополнился новыми экспонатами, особое предпочтение было отдано этнографии. Студенты педагогического училища активно помогали в сборе нужных предметов. Игарчане-старожилы, посещавшие музей, с удовольствием вспоминают культуру и быт народов севера: эвенков, нганасан, селькупов, долган, кето и других. Предметы отражали истинное своеобразие быта, культуры, это выразилось в узорах одежды, обуви, домашней утвари, средствах передвижения, охоты.

А таинственный и привлекающий особое внимание шаман в натуральную величину во время камлания остался в памяти

у каждого, кто посещал комнату, где находилась эта композиция.

Игарский музей прекратил свое существование 27 июля 1962 г. Причиной стало стихийное бедствие – самый большой пожар в городе. Уберечь экспонаты не представлялось возможным, так как все силы были направлены на спасение людей и имущества в роддоме, школе №12, интерклубе и жилом массиве. Так игарчане, спустя 22 года, остались вновь без музея.

Вскоре начался длительный период настоятельных просьб перед краевым руководством об открытии краеведческого музея в Игарке. Но даже при выделении средств это невозможно было сделать из-за отсутствия помещения.

Наверное, решение об открытии музея в 80-е годы на минимальных площадях можно считать положительным. Главным тогда, и не только в области культуры, было зацепиться и внести в расходную часть бюджета существование филиала музея как факт. Так начался второй, восстановительный период городского музея. Поначалу это был филиал Дудинского краеведческого музея. Его название – музей истории освоения Енисейского Севера.

В 1991 году было принято решение исполкома горсовета об открытии Игарского краеведческого музея. Он расположен теперь в маленьком жилом доме по улице Большого театра, 15а. Можно отнести к курьёзам, что он размещён в бывшем жилом, индивидуальном доме, в котором долгое время проживала семья первого Почётного гражданина города Виктора Александровича Корсака. Большим подспорьем для музея является возможность ознакомления посетителей с грунтами вечной мерзлоты в ведомственном музее мерзлотной станции.

У коллектива музея много интересных замыслов, которые они планируют претворить в жизнь на сегодняшних площадях. Один из них – расширение материалов и экспонатов по истории Объекта №503 ГУЛАГа, который занимался строительством железной дороги Салехард-Игарка. Прямо скажу, что освещение данной темы запоздало лет на 10. Но в этом нет вины нынешне-

го коллектива музея. Осуществить же замыслы могут помочь сами игарчане. Ведь среди нас есть люди, которые были узниками многочисленных лагерей на трассе более 1200 км. По их желанию воспоминания могут быть анонимными. Многие из старшего поколения работали вольнонаёмными на разных объектах стройки.

Кроме того, у многих рыбаков, охотников, ягодников и грибников могут оказаться невольные экспонаты лагерей и зон, взятые на память или для хозяйственного применения. Если всё это объединить и дать возможность работникам музея реализовать подобный план, получится неплохая экспозиция, рассказывающая об этапе в жизни города с 1948 по 1954 г. Наверное, не только сотрудники музея, но и общественность города будут признательны таким людям. А работникам музея мы пожелаем успеха.

23 февраля 1992 г., г. Игарка

СКОРБНЫЙ ЭКСКУРС

(для будущей книги «Игарка — боль и радость моя»)

Трудно сказать, какой будет судьба города Игарки, но заплачено за неё многими тысячами человеческих жизней. Могилы первых основателей Игарки, начиная от нескольких сотен так называемых вольных и десятков тысяч подневольных людей разбросаны по всей территории города и прилегающих окрестностей.

1929 год. Лето. Прибывают первые строители, завербованные в Новосибирской, Томской, Омской областях и Восточно-Сибирском крае (в состав которого входили наш нынешний Красноярский край). Видимо, руководители этого отряда плохо были проинформированы об особенностях протоки и поведении её в разливах — весеннем паводке. Исходя из первых впечатлений, они принимают решение высадить первый десант на острове Самоедском, позже названном «Полярным», затем —

«Игарским». Так были установлены первые пять больших палаток, в которых и разместились первостроители. Тогда же было принято решение — первое жильё, а оно было барачного типа — построить на острове.

Документально пока не подтверждено, но в таких сложных условиях жизни неизбежны человеческие потери: от болезней, несчастных случаев, непривычных условий жизни. Однако мы вправе считать, что первые захоронения производились на острове. Так обозначился первый постоянный погост, который сохранился и по сегодняшний день.

К осени 1929 года на острове были построены четыре барака, которые обеспечили более-менее сносные условия зимовки. Естественно, что они были с примитивными удобствами: нарами, чугунными или железными печками и плитами, сложенными из необожжённого кирпича. Все остальные удобства — на улице. За такое непродуманное решение руководство по строительству лесозавода серьёзно поплатилось: паводок 1930 года снёс без остатка все строения на острове, преподав жестокий урок и подтвердив пословицу «Не зная броду — не суйся в воду».

Тем временем количество захоронений на острове увеличилось, и погост стал постоянным.

Летом 1930 года в Игарку направлялись в принудительном порядке семьи раскулаченных крестьян со всего Восточно-Сибирского края. Они доставлялись пароходами, баржами, лихтерами, самосплавом на лодках и на первых плотках с Ангары.

Погибших в пути (а он длился от 10 до 30 дней) хоронили на берегах Енисея, естественно, что большая часть из них были дети в самом малом возрасте. Прибытие этих людей в Игарку и размещение было стихийным. Их выгружали на берег в районе Медвежьего лога, а также в старой части города в районе Волчьего лога. Некоторым семьям, у которых были отцы, разрешали самостоятельно решать вопрос жилья. В казённые бараки попадали далеко не все. Потому стала проявляться частная инициатива. Стали рыть и строить землянки, сооружения из горбыля (отходов лесопиления), в виде шалаша рядом с напольной пе-

чью кирпичного завода в Медвежьем логу. Естественно, в таких условиях (плюс свирепствовала цинга из-за недостатка витаминов) потери были большими. Погибали прежде всего люди старшего возраста и дети.

Вот тогда-то в 1930 году в черте существующего ныне города появились первые стихийные захоронения. Хоронили людей на правом берегу Медвежьего лога, на нынешней территории склада готовой продукции ЛПК, в районе бывшего профилактория ЛПК, на втором участке и многих других, близких к проживанию людей в то время местах.

Естественно, что в первые годы существования Игарки до образования города (декабрь 1931 г.) об отводе участка под кладбище и речи не было. Власть была сосредоточена в руках хозяйственников, представителей Комсевморпути, которые главным образом занимались строительством и снабжением людей.

При расширении территории склада готовой продукции были обнаружены захоронения, здесь покоились останки бывших раскулаченных трудпереселенцев. Их могилы никто не перезахоронил, об этом не было и речи. Новая отсыпка всё поглотила.

Практически до 1936 года в городе не было места, отведённого властями под кладбище. Считалось, что главное официальное место для захоронений находится на острове. Хотя летом это правило нарушалось, переправа процессий через протоку была невозможна.

Новое место для захоронений, отведённое исполкомом горсовета в 1936 году, находилось за участком механизации в новой части города до 1957 года. Сейчас этот район называют «литовским» кладбищем. Тогда же впервые были затрачены средства из бюджета города на содержание кладбища.

От бывшей школы №9 (затем – школа №7) была построена лежнёвка протяжённостью почти километр до кладбища. Отведённый участок был обнесён оградой, были построены ворота и сторожка. Содержание кладбища, отвод мест под захоронения и учёт были возложены на городское коммунальное хозяйство.

Несмотря на то, что было официально открытое кладбище стихийные захоронения продолжались. Особенно это было распространено в военные годы. Бывших трудпереселенцев и безродных часто хоронили хозяйственные организации. Так в 1994 г. появились первые захоронения в районе нынешнего городского кладбища. Несмотря на определённые трудности (особенно летом, когда продвижение по лежнёвке было проблематичным) после войны контроль за захоронением именно на отведённых участках усилился и самовольности больше не отмечались.

Кладбище содержалось вплоть до его закрытия.

Запомнились некоторые случаи захоронения. Такое нечасто было в жизни города. Например, памятна траурная процессия по захоронению членов экипажей самолётов, а также погибших при пожаре 1947 года на Чёрной речке речников из Дудинки, работавших на отстое судов, и заключённых Норильлага. Тогда хоронили сразу 19 человек (процессия состояла из 19 подвод). Кроме этого часто бывали похороны спецпереселенцев-литовцев (по моим предварительным данным, около 300 человек), что в конечном счёте привело к тому, что городское место захоронений стали называть «литовским» кладбищем, хотя в общем числе захоронений они составляли всего 10%.

В 1957 году был утверждён первый Генеральный план застройки города. В соответствии с ним отводился новый земельный участок под городское кладбище.

Сейчас это может показаться парадоксальным. Но тогда проектировщики считали, что кладбище должно расположиться между городской ТЭЦ и новой частью города. В более позднее время здесь разместился центр первого микрорайона и часть зданий второго — школа, жилой дом №10 и другие. Именно здесь существовало семь лет городское кладбище, где было сделано около 1500 захоронений. Здесь был порядок, многие старожилы помнят это. Но срок существования этого кладбища был сокращён.

Связано это было с большим пожаром 1962 года. Последствия настолько были серьёзными, что после него вновь верну-

лись к вопросу о пересмотре плана застройки города. Дело в том, что план застройки 1957 года предусматривал уход от деревянных построек и строительство двухэтажных кирпичных домов с частичным благоустройством.

На этот раз проектировщиком стала серьёзная организация «Красноярскгражданпроект», более компетентная по проектированию северных городов на территории Красноярского края. Появившимся планом застройки было выбрано новое (надеемся, что уже последнее) место для городского кладбища «за Северным городком». Эта ключевая фраза хороша известна и понятна каждому истинному игарчанину.

Почему было выбрано именно это место? Дело в том, что вблизи этого места в сторону карьера и строившегося городского водопровода велась отсыпка дороги, а стабильный подъезд для подобного объекта очень важен.

На сей раз цивилизованно был решён вопрос судьбы старого кладбища. Впервые в Игарке было объявлено о переносе захоронений на вновь отведённый участок. Это было чрезвычайно трудно: необходимо соблюдение требований многих ведомств. Усложняло ситуацию и то, что подобными операциями занималась в СССР единственная организация, которая находилась в Саратове. Условия выполнения договора были непростыми и стоимость услуг высокой. Тогда удалось все захоронения, на перенос которых были даны разрешения родственниками и близкими (по объявлению в течение шести месяцев) перенести на новое кладбище в индивидуальном порядке, а остальные перевезены и захоронены в общей братской могиле.

Не могу не сказать и о многих безымянных могилах на территории Игарки и многих населённых пунктах территории, подведомственной городу. Всюду, где расселяли трудпереселенцев разных национальностей, остались брошенными захоронения людей, которые остались без надгробий, надлежащего ухода.

Оставил свой след на нашей земле и ГУЛАГ, строивший в 1948–1953 годах железную дорогу Салехард-Игарка. Вблизи лагерей, которые на промежутке от Игарки до Ермаково носили название

колонн, нередко оставались холмики с деревянными дощечками, ведь кладбищ у ГУЛАГа в нашем регионе официально не было.

Восстановить все места захоронений невозможно. Но сохранить в памяти историю скорбных событий, появления и исчезновения погостов, кладбищ необходимо и для нас самих, и для будущих поколений.

30 апреля 1995 г., г. Смоленск

БЫЛО ЭТО ЛЕТОМ 1944 ГОДА...

Слух о том, что в городе появился представитель экспедиции с интригующим названием «Желдорпроект», взволновал только небольшую часть жителей города. В этом ничего удивительного не было, так как шла война, каждый думал о том, как выжить и дожить до её конца. Всех интересовал вопрос: когда наступит время, когда можно будет досыта покушать хлебушка, который так трудно доставался по граммам.

Более обеспеченная часть горожан начала обсуждение известия о новой организации.

Представитель её побывал в Горкоме ВКП (б), исполкоме, милиции. Стали известны и причины посещения: нужно было жильё, контора, транспорт и люди.

Вопрос о жильё и конторском помещении решили быстро: выделили пустующий барак, в котором организовали общежитие и контору. Для местных, городских разъездов арендовали в горкомхозе лошадь с легкой телегой и кошевной. А для производственных нужд заключили договоры с колхозами имени С. Кирова и «Будёновец» (Старая Игарка и Карасино) на аренду оленей и каюров.

Труднее решался вопрос с людьми. Экспедиции нужны были мужчины, не старые, справные. А таких практически в городе не было. Представитель обратился к местному руководству Норильского лагеря на устье Чёрной речки, которое проводило при помощи заключённых отстойные работы своего флота: катеров, лихтеров и деревянных барж.

Руководство лагеря на основании распоряжения сверху обещало выделить экспедиции 25 мужиков с небольшими сроками или «доматывающих» более длинные.

Среди них оказался Алексей Курсиш, мой земляк, попавший за колючую проволоку в начале 1943 года за отказ от работы. Нет, не вообще от работы, а именно той, которую считал нужной для Алексея имевший на него зуб вольнонаемный бригадир на рыбалке. А зуб он имел на него крепкий потому, что выглядел прямо недорослем против плечистого двадцатилетнего Алексея.

В результате — два года лагеря. Благо ещё, что с таким маленьким сроком его из Игарки никуда не отослали, а прямо на месте передали властям Норильлага, который имел своё небольшое — человек пятьсот — отделение в районе речки Чёрной.

Работал Алексей зимой на выморозке барж, а летом — на ремонте флота. Как сам Алексей потом рассказывал, в те тяжёлые военные годы ему в лагере было не хуже, чем на воле. Был он одинок, без семьи и родных.

Всё, что получал по карточкам на свободе, съедал сразу, независимо от того, была ли это дневная пайка хлеба или месячная — сахара, крупы, жиров и т. д. А тут, в лагере, давали горячее утром и вечером, а в обед ещё и «баланду». Правда, похудел он страшно. При росте 180 сантиметров весил чуть больше 50 килограммов. Но в зоне большинство выглядели ещё хуже. Один из эпизодов лагерной жизни того периода, рассказанный Алексеем, запомнился мне особенно...

«Как-то зимой сорок четвёртого нарядчик утром scomандовал: «Выдь из строя. Пойдёшь в разнарядку». Вышел я, а сам и думаю, за какие такие грехи? Вроде никого не обидел. Язык держал за зубами, не воровал. Деваться некуда — подчинился приказу. В зоне, где проходила разнарядка, уже стояли мужиков двадцать. Сразу от сердца отлегло: ничего страшного. Через полчаса, когда подтянулись члены других бригад, вперёд вышел начальник лагеря в форме и с ним незнакомый в штатском. Гость объяснил, что он возглавляет

экспедицию, которая должна прорубить в лесотундре просеку. Её общая протяжённость более тысячи километров, работы будут проводиться и зимой, и летом. Все, кто привлекаются к работам, могут рассчитывать на досрочное освобождение. Оговорил представитель экспедиции и другие условия работы. Питание из общего котла – усиленное, одинаковое, как для эзков, так и для вольнонаёмных. Оплата за работу в тройном размере. Как минимум, рублей 930 (по тем временам, деньги немалые). Всем, у кого закончится срок отбывания, деньги выдадут на руки. Все будут обеспечены спецодеждой, обувью, постельными принадлежностями, курящим – в месяц пачка канского табака «Смерть Гитлеру» (это 200 граммов). Все слушали, затаив дыхание. Притих даже хохол Минька, слывший главным балагуром. Завершил же гость свою речь тем, что объявил двухдневный отдых, так как все мы уже были закреплены за ним.

Вот так резко изменилась моя жизнь. Дала, что называется, крутой поворот. На тот момент до окончания срока мне оставалось всего 10 месяцев. Но с этого дня я становился практически вольным. На третий день мы пошли пешком от речки Чёрной до второго участка. Там нас уже ждали суп из концентратов и перловая каша, от которой шёл даже мясной запах, а также хорошо заваренный чай. После лагерной пищи обед нам показался царским.

Потом были хозяйственные сборы, руководил которыми вольнонаёмный десятник. Наш отряд, состоявший из 12 человек, вышел из города первым. Добрались до Карасино, где нас ждал каюр и 15 оленей. Мне тогда впервые довелось увидеть, как эти безропотные, как мне показалось, животные послушно выполняли команды каюра. Если мне не изменяет память, звали его Пантелеймон Панкагир. Навьючили мы оленей своим снаряжением и вышли на свой участок от Карасино до Ермаково. Главным, по моему разумению, инструментом была рейка, которую надо было держать одному на расстоянии метров пятьдесят от геодезиста (главного специалиста отряда). Когда всё было уточнено,

началась прорубка просеки, как нам говорили, предварительной, не очень широкой.

Ребята оказались довольно дружными. Разные по степени сложности работы выполняли поочерёдно. Приспосабливались, кто как мог к суровым условиям работы. Особенно беспокоили комары, мошка. Не переставали удивляться тому, что наш Пантелеймон совершенно спокойно относился к гнусу. Создавалось впечатление, что ни он их, ни они его не замечали. Для нас же комары и мошка были настоящей мукой. Пользовались дёгтем, но он сильно обжигал кожу. Пользовались накомарниками, но работать в них было очень неудобно. Часто выручал костёр, ночью – дымокур. По его сооружению у нас появились даже свои специалисты. И главным из них был Микола, всякий раз, когда мы к нему обращались с просьбой заняться этим, он очень заносился.

Делали мы в день метров по триста и постепенно продвигались на юг – в сторону Ермаково. Если бы наша трасса была прямой, мы прошли бы свой участок быстро. Но беда в том, что на пути было много озёр, болот, поэтому приходилось искать места, поросшие березняком, елью, лиственницей и кустарниками. Кроме того, у наших специалистов, как мы поняли, было задание не удаляться от Губинской протоки и Енисея. Так и придерживались расстояния от одного до пяти километров.

Много интересного можно рассказать о нашем отряде-первооткрывателе. Много было курьёзов, смешных ситуаций. Однажды Пантелеймон искал своих оленей двое суток. А те так увлеклись поиском ягельных пастбищ, что им стало не до нас.

Жили мы без всякой связи с внешним миром: ни газет, ни радио, ни других источников связи. Населённых пунктов-станков после Карасино, на правом берегу Енисея, до самого Ермаково не было. Изредка попадались охотничьи избышки, но они чаще пустовали. В каждой из них можно было найти охапку сухих дровишек, щепотку соли и табака, а кое-где попадались и сухари. В этих местах так заведено: уходишь – позаботься о заблудшем товарище.

Проработали мы целое лето и к октябрьским праздникам подошли к Енисею в том месте, откуда можно было увидеть станок Ермаково. Геодезист заметил: «Вот и завершился первый этап нашей работы». Не слишком-то разговорчивым было наше вольнонаёмное начальство. И всё же нет-нет да и проскальзывали речи о будущей железной дороге. Мы поняли, что дорога эта пойдёт по Северу от Оби до Норильска. И необходима она в первую очередь для того, чтобы обеспечить этому заполярному городу вывоз ценных и необходимых стране металлов. Норильск стал своего рода золотой кладовой, а подходы к нему только два-три месяца в году. Это нам было понятно и без намёков геодезиста. «А здесь будут строить мост, — продолжал специалист, — уж больно широк Енисей. А потом появится железно-дорожная паромная переправа».

Наша работа была завершена. Как и обещали, нас не притесняли, кормили по тем временам даже хорошо. А когда пошли ягоды и грибы, мы и вовсе проблем не знали. Ловили и рыбу, правда, в конце пути стали разборчивыми, отдавая предпочтение только сигу и пеляди. С дичью было похуже, по одной простой причине — у единственной в отряде берданки «провианта» было мало. Но неожиданно для нас появился довольно-таки стабильный источник мяса. Стали недомогать олени, и Пантелеймон то и дело оформлял акты на списание очередного «больного» оленя. К концу нашего пути оленей осталось около 50%. Потом уже Пантелеймон сказал мне, что он без оленьего мяса жить не может, да и нас поставить на ноги можно было только поправив питание.

Геодезист и десятник нашего отряда рассказали нам о том, что стройка будет громадная, строить её будут ээки и опыт такой уже есть. В ближайшее время должны были построить телефонную линию Москва-Игарка. Так невольно, я стал свидетелем и одним из первых строителей железной дороги Салехард-Игарка».

На этом Алексей завершил свой рассказ.

Возможно, не все детали мне удалось воспроизвести в точности, но вся эта история интересна прежде всего как историче-

ский эпизод в строительстве Северной железной дороги. Могу подтвердить, как очевидец, что после работ, проведённых Желдорпроектом, в 1947 году действительно была построена телефонная линия Москва-Игарка. И мы, игарчане, могли слышать далёкие голоса из разных городов страны с такой слышимостью, что трудно было в это поверить... Прослужила эта линия более тридцати лет. А в 1948 году прибыли и первые строители железной дороги: начальство 503-й стройки ГУЛАГа и десятки тысяч заключённых. Но это уже другой рассказ...

12 февраля 1993 г., г. Игарка

КОГОРТА КОРИФЕЕВ

Наш город, один из немногих в Советском Союзе, построен, в основном, людьми подневольного труда: трудпереселенцами 30-х годов, спецпереселенцами Прибалтики, немцами Поволжья, калмыками, греками, отбывавшими сроки по политическим мотивам и другими насильственно переселёнными людьми. Они трудились во всех отраслях народного хозяйства, самые сложные участки были укомплектованы именно ими.

Единственным табу была для ссыльных идеологическая сфера деятельности: народное образование, партийные и советские органы, а также охраняющие государственный строй организации. Одной из отраслей, где ссыльные могли работать по своей специальности, было здравоохранение. Неудивительно поэтому, что именно в этой области трудились такие крупные корифеи как украинец Виктор Иванович Гринько, еврей Самуил Аронович Либергаль, латыш Ян Давыдович Лединьш, поляк Юзеф Доминиканович Баркан и другие. Только усилиями таких крупных специалистов (и не только в области здравоохранения) многие городские проблемы решались на высоком профессиональном уровне.

С 1956 г. такой категории людей в городе уже нет. Но до сих пор в Игарке проживают около 200 человек из числа «бывших». А борьба за их восстановление в правах даже при наличии Ука-

зов президента и постановления Верховного Совета продолжается и сегодня.

29 июня 1993 г., г. Игарка

НАШ ВИКТОР ИВАНОВИЧ

Молва о том, что в наш город прибыл опытный и талантливый хирург В. И. Гринько, быстро распространилась среди горожан. Уже первые проведенные им операции подтвердили это. Прибыл он в наш город по направлению крайздраотдела 11 сентября 1952 г. Его назначили заведующим хирургическим отделением городской больницы.

Улыбчивый, с мягким характером, внимательный к людям врач завоевал общее признание среди сослуживцев, пациентов и горожан. Ему тогда было 38 лет.

Но немногие тогда знали о трудной судьбе обаятельного и опытного специалиста. В первые годы жизни в Игарке он не стал откровенничать даже с теми, кто стал его друзьями. В то время в Игарке таких, как он, была добрая половина специалистов города основных профессий.

Только спустя много лет, когда Виктор Иванович расстался с Игаркой и работал ведущим хирургом Красноярской краевой больницы, наши добрые отношения не прерывались, состоялась душевная беседа.

— Родился я в селе Ильинка Белозерского района Чкаловской области. Родители мои выходцы с Украины, и я себя считаю украинцем. И не только потому, что люблю украинское сало с картошкой, но и потому, что я просто ощущаю себя по натуре украинцем. Может быть, менее упрям, но всё же украинец. Когда настало время выбирать специальность, у меня сомнений не было. Решение было принято твёрдое: я должен стать врачом. Тут пригодились родственные связи с Украиной и родственниками. Я поехал в Харьков и поступил там в медицинский институт. Было это в 1936 г. Мне было 22 года. Парень я был интересный, чуб зачёсывал на правую сторону. Вот так началась студенческая жизнь.

— А вот по этому поводу давай примем ещё коньячку.

Виктор Иванович поднял стограммовую рюмку, поддел на вилку кусочек поджаренного сала. Подмигнул мне, выпив и закусив, сказал:

— Не удивляйся, не будет же хохол коньяк лимоном закусывать, когда на столе есть вкусное сало.

Действительно, это было достаточно вкусно. Виктор Иванович продолжил свой рассказ.

— Студенческие годы я вспоминаю с удовольствием. Учёба меня увлекла. Профессура, как я убедился впоследствии, была на высоком уровне. Закончил я учёбу и защитил диплом как врач-лечебник в 1941 г. Но сам диплом получить я не успел, так как началась война. Я был призван в ряды Красной армии. На войне как на войне — у врачей всегда много работы. По количеству поступающих раненых я представлял положение на фронте, по крайней мере, на нашем участке. А всего из Харькова, как мне тогда сказали, ушло более 50 санитарных эшелонов. Вот такие кровопролитные бои были уже в первые месяцы войны. Наше подразделение оказалось в окружении. Это случилось 25 сентября 1941 г. В оккупации мне пришлось пробыть до февраля 1943 г. Видимо, немцы полагали, что я гражданский врач, и оставили работать в районных больницах Сумской области. Я лечил местное население. После освобождения области советской армией я был направлен по месту постоянного жительства — в Чкаловскую область, продолжал работать по специальности.

Но власти не могли мне простить нахождения в оккупации. 23 октября 1943 г. меня арестовали. Особое совещание определило мою вину по статье 58-й пункт 1, то есть измена родине. Я был осужден на восемь лет ИТЛ.

— Давай по поводу рассказа о самом трудном этапе моей жизни примем ещё по граммульке.

Мы снова выпили коньяка, закусили салом. Вскоре появилась Римма Александровна, и стол наполнился новыми закусками.

— Есть ли необходимость рассказывать обо всех периодах Голгофы в системе следствия и ГУЛАГа? Все они в чём-то повторяются: издевательства, избияния, унижения. Но их исполнение зависит во многом не только от существующих законов и инструкций, но и от живых людей: следователей, тюремщиков, лагерного начальства. Кто-то избивал, потом ещё пинал ногами. Другой, ударив сгоряча, потом вроде бы сожалел об этом. Но считал всегда себя правым, потому что действовал по инструкции. А лагерь? Это особая жизнь со своим укладом. Но мне из этой «чаши горячей» испить пришлось меньше, чем другим. Я с первого и до последнего дня заключения работал в больнице. Сначала в хирургическом отделении областной больницы центрального госпиталя Сибири МВД в г. Кемерово до марта 1951 г., а потом — врачом-хирургом медсанчасти Степного лагеря МВД г. Караганда. Несмотря на работу по специальности, я стал своего рода доходягой, и меня решили досрочно списать, отпустить на волю, считая, что дни мои сочтены. Я думал, что так оно и есть. Вот почему, когда меня отправили в Красноярский край в ссылку, в крайздравотделе решили направить меня в сельскую местность, чтобы там поставили на ноги, подкормили. Вот меня и отправили в Долголежневский район в один их населённых пунктов. Было это в январе 1952 г. Но такое самовольство здравотдела не могли простить ни МВД, ни КГБ. Всех ссыльных такого ранга нужно было отправлять на Крайний Север. Так, в сентябре 1952 г. был этапирован в Игарку.

Приняли меня хорошо. Ведь в горздраве я такой был не единственный. И все понимали, что такие, как я, имеющие большую практику в тяжёлых лагерных условиях, могут быстро освоиться в новых условиях, усовершенствовав своё мастерство. Ну вот, так и начался новый этап в моей жизни. Я возлагал на него большие надежды. И рад, что не ошибся.

— Ну что, повторим?

Я не отказался. Присоединилась и Римма Александровна. Пошли общие воспоминания об Игарке.

Что и говорить. За семь лет работы хирургом проведено несколько сотен операций. Многие игарчане долго вспоминали

с благодарностью золотые руки и золотое сердце Виктора Ивановича. Скольким людям он вернул здоровье, излечил от недуга. И никогда не позволял лишних «благодарностей», переходящих рамки общепринятой человеческой морали.

О характере Виктора Ивановича, уже авторитетного доктора, видного, холостого молодого человека, можно судить по такому факту. Свою будущую супругу – Римму Александровну – он выбирал не в шумной компании, торжественном вечере или на танцах в доме культуры, а на... операционном столе.

Это случилось после операции, после наркоза он зашёл в палату к больной и сказал: «Вы будете жить долго и счастливо. Я вам это гарантирую!»

Действительно, он сдержал своё слово. Они прожили долго. Римма Александровна немногим дольше пережила своего супруга.

В 1956 г. Виктор Иванович решил выехать из города и вернуться в Полтаву на Украину. Но там он прожил недолго. Компетентные органы всё ещё продолжали расследование по оккупации и часто беспокоили, правда, уже в более вежливой форме – допросами, уточнениями и личными предположениями.

Вот почему, когда снова из Игарки пришло предложение вернуться в город и возглавить хирургическое отделение, он охотно согласился. Ходатайствовал при этом не только горздравотдел, но и горисполком.

В Игарку он вернулся как в обжитый дом. А через год восторжествовала справедливость. Военный трибунал Приволжского военного округа 21 мая 1958 г. прислал справку: «Дело по обвинению Гринько Виктора Ивановича, 1914 года рождения, арестованного 22 октября 1943 г., пересмотрено Военным трибуналом Приволжского военного округа 16 мая 1958 г. Постановление от 30 сентября 1944 г. в отношении Гринько Виктора Ивановича отменено и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Зам. председателя военного трибунала Приволжского военного округа полковник юстиции Мышаков». Вот так просто. Сначала восемь лет лагерей,

потом ещё семь лет ссылки, а потом, извините, состава преступления не было.

В 1960 г. Виктор Иванович получил приглашение из Красноярска возглавить краевую больницу, её хирургическое отделение. Там он работал с выдающимся хирургом Дыхно и получил высокую оценку его работы.

За долгие годы работы в краевой больнице он всегда с особым вниманием относился к игарчанам, всегда откликался на просьбы помочь им. Он приезжал в наш город, уже inspectируя местных врачей. Последний раз это было при главвраче Игарской больницы Владимире Александровиче Кондакове. После рабочего дня состоялась встреча коллег, в которой принимал участие и я. Было интересно слушать беседу двух профессионалов – о работе отделений, новых методах лечения, о корифеях медицины. Виктор Иванович был довольно эрудированным человеком. Но он был и общепризнанный профессионал. В начале 80-х гг. ему было присвоено звание «Заслуженный врач России».

Прошло уже много лет, как не стало этого замечательного человека. Но память об этом враче, достойно выполнявшем клятву Гиппократ, по-прежнему живет в сердцах многих игарчан.

27 июня 1993 г., г. Игарка

«ПРОФЕССОР»

Не прошло ещё и года как Самуила Ароновича Либергаля направили в вечную ссылку в наш город, а за ним уже укрепилось уважительное «профессор». Не потому, что «на миру» носил это высокое звание, а за великую эрудицию по всем вопросам, связанным с наукой, культурой и жизненными ситуациями. Когда его спрашивали, какими иностранными языками он владеет, он, расширив свои карие глаза, как бы с удивлением начинал перечислять: «Русский, польский, иврит, чешский, немецкий, чуть хуже – французский».

Направили его в здравотдел 16 сентября 1950 г. с формулировкой: «Отдел кадров направляет окончившего Чехословацкий (именно так и написано) мединститут в 1934 г. Либергаль Самуила Ароновича в распоряжение Игарского горздравотдела для работы в качестве врача кожно-венеролога». Сразу по прибытии в город был назначен заведующим кожвенкабинета с окладом 750 рублей в месяц. Причём оклад был назначен с учётом отсутствия диплома об образовании на тот момент.

Лиха хватил в своей жизни Самуил предостаточно. В 1928 г. в панской Польше он не имел возможности продолжить образование в университете. Трудно сказать, по какой причине сыну стекольщика не дали возможности учиться в этом учебном заведении. Но тяга к знаниям была велика. Самуил уехал в Чехословакию и там продолжил обучение. Он поступил на медицинский факультет Пражского (бывшего Немецкого) университета, успешно завершил обучение и получил специальность доктора общей практики. В выданном удостоверении говорится: «Архив Карлова университета подтверждает на основе докторской метрики бывшего немецкого университета в Праге, том 5-й, стр. 328, что господин Самуил Либергаль, родившийся 20 сентября 1908 года в Тернополе, был 23 июня 1934 года провозглашён доктором общей медицины. Удостоверение выдаётся вместо копии докторского диплома. С чешского языка переведено на кафедре русского языка при Карловом университете в Праге».

После возвращения в Польшу он назначается заведующим кожно-венерическим отделением Тернопольской областной больницы. Кроме того в подтверждение о получении диплома в Праге он сдает повторно экзамены в Львовском (тогда ещё Польском) университете. В 1939 г. после присоединения Тернополья к СССР продолжает там работать.

В начале войны семья не успела эвакуироваться и попала в оккупацию. Его семью – жену с ребёнком, родителей – помещают в концентрационный лагерь. В июле 1943 г. началась расправа фашистов над узниками лагеря. После расстрела всех членов семьи молодой доктор решается на побег. Он был удачным,

доктор скитается по деревням, в лесах в районе Волыни, оказывая медицинскую помощь всем, кто в этом нуждался. В 1944 г. советские войска освободили Волынь, Самуил Аронович решил, что пришёл конец его испытаниям. Но он глубоко ошибался. Его обвинили в том, что он оказывал помощь на оккупированной фашистами территории. Военный трибунал 47-й армии вынес приговор: по статье 58 пункт 3 он подвергнулся семилетнему сроку наказания. Срок он отбывает в разных лагерях врачом, это спасло ему жизнь.

Несмотря на то, что у нас были дружеские отношения с Самуилом Ароновичем, он не любил вспоминать о проведённых или, как он говорил, «потерянных» в советских лагерях годах.

Даже после того, как его женой стала моя землячка Дагмара Микитис и мы стали встречаться чаще, к разговорам о былом не возвращались.

Поскольку диплом Самуила Ароновича был утерян, долгое время шла переписка по поводу его восстановления. Обращались в посольство и министерство Чехословакии. Ходатайства отправлялись от горздрава и горисполкома. В них, как правило, отмечалось, что опыт этого специалиста позволил резко сократить число кожных и венерических заболеваний в городе. Подтверждение было получено из Пражского университета, тарификация стала более высокой.

Вскоре начался процесс реабилитации политически осуждённых людей. Был восстановлен в гражданских правах и С. А. Либергаль. Он принял решение вернуться на родину — в Польшу (тогда это уже была Польская Народная Республика). Он получил такое разрешение и выехал в город Новая Гута, открыл там свою частную клинику.

Первые годы после расставания мы переписывались. В 1970 году мы планировали даже встретиться. Но наш туристический маршрут проходил по северным территориям, далеко от Новой Гуты. К сожалению, встретиться не получилось.

Но память об этом человеке осталась на всю жизнь. Нужно сказать, что несмотря на деликатную сферу его деятельности,

горожане очень хорошо знали его, ценили не только компетентность, высокий профессионализм, но и отзывчивость. В игарской когорте корифеев медицины в 50-х гг. он занимал достойное место.

28 июня 1993 г., г. Игарка

ДОКТОР ЛЕДИНЬШ

Как правило, те, кого высылали в Игарку, не имели представления об этом городе и особого желания ехать туда не проявляли.

Исключением был Янис Давыдович Лединьш. Ещё будучи узником Усольяга, за два года до окончания срока, он начал ходатайствовать о том, чтобы его отправили в ссылку именно в Игарку Красноярского края. Дело в том, что именно здесь находилась в ссылке его жена Валия Эрнестовна. На сей раз власти сделали исключение и удовлетворили просьбу заключённого. После отбытия срока его этапировали в Красноярский пересыльный пункт, а оттуда – в Игарку.

В июне 1950 г. пришёл в горздравотдел и предложил услуги врача-рентгенолога. Был сделан запрос в Латвийский государственный университет, откуда вскоре пришло подтверждение, что Я. Д. Лединьш окончил его в 1928 году и получил специальность врача-рентгенолога.

Родился он в 1900 году в крестьянской семье. Родители ставили себе задачу – Янис должен непременно стать врачом. Задача была трудной. Первая мировая война, революция, гражданская война, нелёгкий процесс выделения Латвии из Российской империи. Практически до 1921 года Латвия находилась в котле военных действий.

Семья не имела достаточных средств для обучения Яниса. Поэтому ему приходилось во время обучения в университете работать. Устраивался делопроизводителем в разных организациях, в течение нескольких последних лет – в Союзе врачей Латвии.

После окончания учёбы был стипендиатом в отделении рентгенологии медицинского института Латвийского университета, затем стал ассистентом и лектором. Параллельно заведует рентгеновским кабинетом управления несчастных случаев, организованного профсоюзом. Кроме того ведёт подготовительную работу к защите докторской диссертации, публикует статьи в различных журналах.

У него появилась семья, в ней было четверо детей – дочери Парсла, Райта, Ласма и сын Валдис.

Приход Советской власти в 1940 году в Латвию никак не затрагивал Яниса Давыдовича. Он не занимался политикой, не состоял в партиях. Был захвачен только работой и научной деятельностью.

Но компетентные органы одновременно с изоляцией прямых врагов Советской власти считали важным нанести несокрушимый удар по латышской интеллигенции. Так семья Лединьш оказалась в числе почти 50 тысяч депортированных 14 июня 1941 года из Латвийской республики.

Все мужчины, которых везли в товарных вагонах, были отправлены напрямую в Усоляг в Соликамские лагеря. Только через полгода ему, как и всем остальным, объявили приговор. Все они привлекались по статье 58-й и получили десять лет ИТЛ. Единственное, чему они были благодарны в этой ситуации, так это отсутствию предварительного следственного этапа. Они миновали скитаний по пересылкам и тюрьмам, издевательств на допросах.

Специальность врача практически обеспечила ему возможность выжить в лагере. Он заведовал лагерной амбулаторией и не привлекался к тяжёлым физическим работам. Позже его перевели в рентгенкабинет Усоляга.

В Игарке мы много времени проводили вместе. Разговоры велись, как правило, о лагере и об общих знакомых, отбывавших там сроки. К сожалению, Янис Давыдович ничего не знал о судьбе моего отца, он не знал его в Латвии, а отделений в лагере было много, он просто с ним не сталкивался. Но путь эше-

лонов из Латвии в Соликамск я изучил по рассказам Лединьша хорошо. Я узнал многое также о судьбах тех, кто не выдержал изнурительного труда в лагере и погиб там.

О приезде Яниса Давыдовича мы знали заранее, его супруга, музыкальный работник детского сада, предупредила нас. Встреча была радостной, но отпечаток печали был во всём, что говорилось, вспоминалось.

Началась трудовая деятельность Яниса Давыдовича в здравотделе. Интеллигентность, тактичность, выдержка нового врача сразу привлекли внимание медперсонала. Да и посетителей тоже. Неслучайно в одной из характеристик, выданных Лединьшу, говорилось, что он – лучший врач в городе. Так и было на самом деле.

10 апреля 1956 года наступил долгожданный день, когда управление МВД по Красноярскому краю сообщило, что Верховный суд Латвийской ССР отменил решение Особого совещания и признал дело прекращённым. Позади было 16 лет странствий по лагерям и ссылкам. Все, кто знали Я. Д. Лединьша, понимали, как много потеряла Латвия, Советский Союз от того, что известный учёный-медик был безвинно осуждён и не смог полностью реализовать свои знания, развить талант, принести пользу народу.

В 1962 году Янис Давыдович вместе с супругой покинул Игарку. Горожане долгое время поддерживали с ним связь. В Риге Я. Д. Лединьш устроился в клинику, где работал длительное время. Когда я бывал в отпуске, мы часто встречались.

А в Игарке о преданности Яниса Давыдовича любимому делу, пациентам вспоминали ещё часто. Проведённые им в нашем городе 12 лет навсегда вписали этого доктора в число лучших представителей медицины.

29 июня 1993 г., г. Игарка

ПРИНЦИПАЛЬНЫЙ ЮЗЕФ

Врача Юзефа Доминиковича Баркан игарчане помнят не только, как крупного специалиста, он заведовал в Игарке тубдиспансером, но и как одного из политических ссыльных, который продолжал вести открытую борьбу с любой несправедливостью, независимо от того, от кого она исходила — просто нахала, невежливого начальства или тех политиканов разных уровней, которые продолжали видеть в нём врага народа. Врага, который смог выжить, пройдя многие лагеря для заключённых, в том числе и на Колыме.

Биография его интересная, и простая, и сложная одновременно. В 19 лет он, будучи уже фельдшером, был призван в царскую армию. Попал фельдшером на царский — Российский флот. Сначала это был Кронштадт, потом — корабли «Карс», «Войсковой», «Кубань» и другие. Сразу после революции поступил в Саратовский медицинский институт и окончил его в 1922 г.

Вскоре началась его врачебная практика в различных лечебных учреждениях Ленинграда. Неудобный характер правдоискателя стал причиной того, что он сменил восемь рабочих мест.

В 1938 г. Ю. Баркан подвергся аресту и был осуждён на восемь лет ИТЛ. После вынесения приговора его отправили на Колыму. Весь срок он отбывал здесь, работая в амбулатории. Дождавшись окончания заключения, он решил, что теперь свободен. Но вскоре вновь был заключён под стражу и отправлен в ссылку в Красноярский край. 8 сентября 1950 г. крайздравотдел Красноярского края отправляет его врачом-фтизиатром в город Игарку. Здесь его назначают заведующим туберкулёзным диспансером. Казалось бы, все довольны — администрация, коллектив и пациенты.

Но вскоре Юзеф Доминикович показывает свой строптивый характер, открыто говорит о недостатках в работе здравотдела, о делении врачей на «угодных» и слишком принципиальных, а значит, неудобных. Вокруг нового специалиста сгущаются тучи.

Теперь фабрикуется уже гражданское дело. Вскоре появляется приказ, на основании которого Баркан освобождается от руководящей работы. В документе было записано: «За время работы Баркан зарекомендовал себя знающим врачом, он хорошо владеет знаниями фтизиатрии, активно применяет их на практике. Но врач Баркан заносчив, не уживчив с коллективом, груб, не выдержан, часто ведёт себя нетактично с больными. В горздрав и в редакцию «Коммунист Заполярья» на врача Баркан поступали жалобы от медсестер тубдиспансера. «На руководящей работе использован быть не может», — таким было заключение зав. горздравотделом.

Наверное, большинство политических заключённых не стали бы искать правду и опровергать подстроенную ложь. Но не таким был Баркан. Он обращается в народный суд, где не было ещё прецедента получения заявления на поиск правды от ссыльного. Но правда восторжествовала. На основании решения суда его восстанавливают на руководящей должности. Вот таким твёрдым и всегда добивающимся правды был врач старой, ещё дореволюционной России — Юзеф Доминикович Баркан.

Но самым большим событием для игарчан была новость о том, что именно Юзеф Доминикович получил первым документ о реабилитации. Это случилось 28 января 1954 года. Это была первая ласточка начинавшейся компании по реабилитации неоправданно осуждённых. Правда, касалось это только тех, кто был осуждён по статье 58.

Ю. Д. Баркан был тогда приглашён в горком партии и получил поздравления лично от 1-го секретаря ГК КПСС Василия Кузьмича Кубрака и

председателя горисполкома Иосифа Фёдоровича Мутьянова. Это было неслыханное событие для игарчан.

Врач Баркан добился всех полагающихся ему льгот. Ему засчитали годы, проведённые в заключении на Колыме, как льготы на выплату северных надбавок и районного коэффициента. Это было неслыханное событие, и многие из числа власть имущих считали это временной поблажкой.

Когда я поздравил его с реабилитацией, он сказал мне: «Не унывай! Меня уже не будет, а справедливость восторжествует! Сполна. Но бороться за это надо!».

30 июня 1993 г., г. Игарка

НЕОБХОДИМЫ НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ

Наш город известен не только в нашем крае. Игарка создана в годы первой пятилетки, отсюда вывозятся во многие страны мира сибирские экспортные пиломатериалы. Нет ничего удивительного в том, что о нём наслышаны в разных уголках страны и за рубежом.

Самые любознательные туристы, которые отправляются на теплоходе по маршруту Красноярск – Диксон, преодолев тысячи километров, стремятся увидеть достопримечательности города. Что же может показать Игарка?

Обычно в других городах знакомство начинают с краеведческого музея, памятников, исторических мест, отражающих прошлое населённого пункта.

В нашем городе краеведческого музея нет. После большого пожара 1962 года, когда сгорел музей, вопрос об открытии нового поднимался много раз. Но отсутствие финансирования и необходимого помещения не позволяют решить эту проблему.

Что же может посмотреть любой приезжий в нашем городе, чтобы лучше понять его историю?

В первую очередь – памятник В. И. Ленину, открытый 20 июля 1964 года, памятник погибшим в годы Великой Отечественной войны игарчанам, основанный 9 мая 1967 года, мемориальную доску в память о пребывании в Игарке О. Ю. Шмидта, установленную на здании речного порта, мемориальную доску народной артистке СССР В. Н. Пашенной, которая была размещена на здании кинотеатра «Север» 20 июля 1967 года, барельеф «Дружба моряков всех стран», открытый 7 ноября 1967 года. Нельзя не упомянуть один из первых памятников, который был установлен на могиле лётчика Чернявского и инженера Фе-

дотова в 1936 году перед зданием Дома Советов. Стоит отметить, что все эти памятники и доски установлены в период 1964 – 1967 гг. В последние годы новых сооружений подобного рода не появилось.

Многие исторические события напоминают нам о том, что необходимо их отражение. Увековечить память о них можно без особых затрат.

Приведу такой пример. Многие из нас знают, что первооткрывателем нашей протоки стал экипаж парохода «Тобол», который впервые исследовал её и сообщил своему руководству о необходимости изучения возможностей новой гавани. Сейчас старожилы-речники рассказывают о том, что корпус этого парохода лежит бесхозный в районе Дудинки. Было бы неплохо привезти его в Игарку и установить на постаменте, например, в городском парке. Его предварительно нужно привести в надлежащий вид, в этом, мне кажется, нам поможет Сергей Клавдиевич Фрутецкий, который именно в те времена был членом экипажа парохода «Тобол».

Работники авиации всегда подчёркивают, что большую роль в освоении Севера сыграл самолёт АН-2. Их эксплуатация подходит к завершению. Несмотря на отличные качества воздушные суда будут списываться. Неплохо было бы установить один из таких самолётов на вечную стоянку в черте нашего города.

Мы много говорим также о первостроителях города. Знаем, что их было 252. Неплохо было бы установить простейший памятник, восстановить и увековечить фамилии тех, кто был в числе первопроходцев.

Июнь 1993 г., г. Игарка

МЁРТВАЯ ДОРОГА И ИГАРКА

«Мёртвая дорога» — так метко её назвал С. Михалков в «Фитиле» — постоянно привлекала внимание советских людей. Дважды обращался к этой теме и знаменитый киножур-

нал, в котором говорилось о колоссальных затратах, вложенных в этот заброшенный объект.

Позднее в центральных газетах изредка стали появляться статьи, которые акцентировали внимание читателей на моральной стороне дела. На том, сколько сломанных судеб, подневольного труда, жизней честнейших и преданнейших людей вложено в эту дорогу. Совсем недавно газета «Гудок» дала одну из самых правдивых статей на эту тему (она была перепечатана в нашей газете). Эта статья и меня заставила взяться за перо.

Сорок лет тому назад началось строительство важного стратегического объекта: железной дороги, соединяющей город Норильск с магистралями европейской части СССР. Трасса этой дороги проходила через наш город. Несмотря на большие объёмы и значение стройки, в прессе её ход не освещался. Хотя особого секрета для жителей северных регионов она не представляла.

Слух о том, что через Игарку будет строиться железная дорога, возник ещё в последние годы войны. Подтвердился он, когда экспедиция «Желдорпроекта» изучала и намечала будущую трассу.

Потом, в 1947 году, началась прокладка воздушной телефонной линии до Москвы, что не без оснований связывали с началом работ по строительству дороги.

А само строительство началось в 1948 году. Подрядчиком по осуществлению проекта стало Министерство внутренних дел в лице Главного управления лагерей, которое располагало в то время колоссальными человеческими ресурсами.

Строительство получило кодовое название «503-я стройка». Начальником управления стройки был назначен полковник Барбанов, замполитом – Милославский.

Размах «503-й» был поистине грандиозным. Управление не только располагало рабочей силой, но и имело «зелёный свет» в обеспечении материалами, а также неограниченное финансирование.

Под управление стройки в Игарке было арендовано пустующее здание педагогического училища народов Севера. Оно пу-

стовало с 1943 года в связи с тем, что не хватало сил для его отопления (отопление было печным, а заготовкой дров занимался коллектив училища и не мог сам решить эту проблему самостоятельно).

В очень короткое время здание переоборудовали под учреждение с кабинетной системой. Попастъ в управление можно было, лишь пройдя двойную проверку. Под филиал управления передали и недостроенное здание радиокомитета (ныне общежитие педучилища).

В то время город был на голодном пайке по потреблению электроэнергии. Маломощная электростанция ЛПК, обеспечивая своё производство, выделяла городу лишь незначительные излишки энергии. Поэтому в 1948 году управление стройки в очень короткий срок возвело там, где сейчас первый микрорайон, электростанцию мощностью 3000 квт, что по тем временам полностью решило проблему снабжения города. На этой станции были установлены две уже не новые американские турбины, полученные по лендлизу. Возглавил работы по строительству электростанции и долгие годы руководил её эксплуатацией видный советский инженер Василий Алексеевич Гусев, находившийся в Игарке в ссылке после отбывания срока в 10 лет по одному из ленинградских процессов над «врагами народа», прошедших в 30-е годы. В 1954 году Василий Алексеевич получил полную реабилитацию, но ещё много лет работал на электростанции.

В этом же 1948 году в наш город стали прибывать этапы с «рабочей силой», которой предстояло возводить важный полусекретный объект. Появились зоны с колючей проволокой и караульными вышками, внутри них были быстро построены бараки и служебные помещения. Почти все зоны находились в черте города, шли сплошной полосой, ширина которой достигала километра. Эта полоса вытянулась от нынешнего Северного городка до передающего радицентра аэропорта.

Прибывшие сразу же направлялись на работы. Управление стройки, имевшее численность подневольных в несколько де-

сятков тысяч человек, должно было решать вопросы их охраны, обеспечения продуктами, а кроме этого — заниматься проблемами кадров вольнонаёмных технических руководителей. Последние, в свою очередь, нуждались в жилье, объектах соцкультбыта и так далее.

В течение двух лет был возведён так называемый посёлок постоянного гражданского строительства (ПГС) в районе магазина «Арктика», захватывающий чётную сторону улицы Лаврова. Здесь было возведено до пяти тысяч квадратных метров жилой площади. В этом же районе появилась новая столовая, впоследствии переоборудованная под клуб «Строитель». На бывшем конном дворе стройконторы по ул. Горького было организовано подсобное хозяйство стройки, в нём содержалось большое поголовье коров и свиней.

Интенсивно строились и личные хоромы полковника Барбанова. Сейчас в этом предназначавшемся некогда для него доме размещается детский сад «Буратино». Новоселье, однако, не состоялось в связи с переездом управления стройки в посёлок Ермаково.

Что касается культурных развлечений вольнонаёмного состава стройки, то для них на несколько спектаклей в месяц арендовалась сцена драматического театра по ул. Смидовича. Здесь силами заключённых ставились спектакли, даже оперные. Кроме билета на просмотр спектакля требовалось разрешение, и многим игарчанам удавалось раздобыть это разрешение.

Однажды и я побывал на такой постановке — шла опера «Хованщина». Но больше не пошёл ни разу. Не потому, что спектакль был плохой или на него сложно было попасть, нет. Просто очень тяжело было смотреть, как герой со сцены говорит и поёт душой подневольного-заклужённого и заметно старается как можно лучше разглядеть зрителей — вдруг попадётся знакомое лицо...

В те годы в нашем городе практически равноправными были два хозяина: местная власть и «503-я стройка».

Уже полным ходом шли работы по отсыпке железнодорожного полотна. В районе речка Чёрная был открыт небольшой

карьер по добыче гравийно-песчаной смеси, началась отсыпка пути в сторону города. Предварительно на этом участке были организованы две отдельные лагерные точки: колонны №1 и 7, где были размещены несколько тысяч заключённых. Все работы – вырубка просеки, заготовка вручную гравия, устройство деревянных и железобетонных проездов через ручейки и овраги – выполнялись ими под охраной конвоиров.

В 1950 году на отрезке от речки Чёрной до города были уложены рельсы и открыто узкоколейное движение. Небольшие локомотивы (мы их называли «примусами») постоянно возили платформы, груженные гравием. Отсыпка полотна продолжалась уже в пределах города. Она была доведена до места, где предполагалось строительство станции – депо Игарская. Продвижение узкоколейки в сторону реки Сухариха было несколько задержано в связи с тем, что отсутствовал мост через Чёрную речку. А рабочее полотно и рельсы были уложены и на отрезке между реками Чёрная и Сухариха. Ныне у нас его и называют «сталинской дорогой».

В 1950 году мы были свидетелями эвакуации управления «503-й стройки» в посёлок Ермаково. Трудно сказать, какие были причины этого. Можно только предполагать, что местные органы власти не могли согласиться с тем, что в черте города находилась столь разветвлённая сеть лагерей – это не могло не сказаться отрицательно на укладе жизни игарчан. «Двоевластие» тоже дало негативные результаты.

Итак, управление стройки покинуло город, оставив на правах треста небольшой участок. Были перевезены и все лагеря. Освободилось и перешло к своим настоящим хозяевам здание педучилища, уже переведённое на центральное отопление. Второе здание управления передали под гостиницу авиапорта. Убрали колючую проволоку из лагерных зон, свалили вышки. Всё остальное было передано местному Совету.

1988–1993 гг., г. Игарка

ДОЛГИЕ ГОДЫ ИЗГНАНИЯ

(Автобиографический очерк из архива Барановских)

КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ

Первый день высылки из Латвии всем хорошо знаком. Это была первая акция, в результате которой была вывезена часть населения Латгалии. Высылали целые семьи. Во внимание не брался ни возраст членов семьи, ни их число. Виновным считался глава семьи, а все остальные высылались как активные помощники в его деятельности против существующей власти.

Так было и в нашей семье. Когда акция уже подходила к концу, были собраны в дорогу разрешённые вещи, перевёрнут весь дом и другие постройки и нас уже посадили в машину, я вдруг вспомнил, что не взял свою школьную сумку. Пять дней назад я приехал из Резекненской гимназии на летние каникулы. В сумке у меня было самое дорогое богатство: коллекция почтовых марок, часть моей небольшой нумизматической коллекции, фотоальбом с моими и друзей фотографиями школьных лет и другие мелочи.

Когда я попросил, чтобы мне её разрешили взять, полковник махнул рукой и сказал по-русски: «Давай, только быстрее».

Так моя школьная сумка попала в поезд и ехала вместе с нами в далёкую Сибирь двадцать четыре дня и потом оставалась со мной долгие годы высылки. Но обстоятельства сложились так, что вспомнил о ней и нашёл только зимой 1941 года.

За это время наша семья потеряла братика Витольда, которому не исполнилось и пяти лет. Он не смог выдержать долгую дорогу в товарном вагоне для перевозки скота без воздуха, нормальной пищи, в антисанитарных условиях, в которые мы, пассажиры, попали. В вагоне нас было 60 человек с одним санитарным узлом — отхожей дыркой (туалетом) посередине. Очень тяжело было взрослым людям, а что говорить о малых детях и стариках. Большую часть дня разрешали дышать детям возле

зарешечённых окон, ночью – взрослым. Нас выслали в деревню Топол (Дзержинский район Красноярского края), но ненадолго.

Милицейские власти решили нас, жителей Латвии, перевести в другой колхоз, ещё более слабый и бедный. Так мы попали в Михайловку. Колхоз назывался «Смерть капиталам» – название для нас было жутким. Мы все были отданы на Божью милость. На работу гоняли регулярно, но продуктов никаких не давали, карточек в колхозе тоже не было. Не было даже магазина. Мы жили только на то, что могли выменять на привезенные с собой вещи, но за это в колхозе ничего нельзя было купить.

Когда зимними вечерами возле слабой керосиновой лампы или света от лучины мы, живущие вместе три семьи, говорили о Латвии и обсуждали наши теперешние проблемы, я и нашёл свою школьную сумку. Среди всего в сумке была одна чистая тетрадь. В то время это было настоящее богатство, так как дети в деревенской школе писали на газетах. В сумке оказались два карандаша – один из них химический. Его я хранил отдельно, так как из него делал чернила. Такими чернилами во время войны пользовались по всей Сибири. Что делать с тетрадью? Вести дневник, воспоминания или записать всё то, что не имею права забывать? Первым делом надо было записать своих однокашников, пока ещё фамилии держатся в памяти. Также записать учителей, которые жили с нами в общежитии гимназии. В то время в Латвии гимназия была совмещена с коммерческой школой.

Решено – сделано. Составил список гимназистов первых-вторых классов 1939/40 и 1940/41 учебных годов. Потом составил список наших учителей. Я не мог не вписать в свою тетрадь тех друзей из общежития, с которыми проводил свободное время.

Воспитателем в общежитии-интернате был стройный и красивый любитель порядка, который требовал его и от нас – Николай Брейкш. Наша хозяйка была настоящим деревенским поваром, которой удавались лучше всего блины, они нравились всем обитателям общежития-интерната. Мы звали её тётя Анна, фамилия – Дзене.

Может быть, я что-то пропустил, хотя думаю, что в памяти было всё ещё свежо, да и лет мне было мало – всего 15.

Следующая страница была посвящена карте Латвии. Её я рисовал по памяти и каждый район штриховал в разные цвета: Курземе – серая, Земгале – жёлтая, Видземе – коричневая и Латгола – зелёная. Раскрашивал теми карандашами, которые находил у невольников в Михайловке.

Сегодня самому интересны те записи, которые в то время считал важными для себя. Было также лирическое отступление: «Ночью в снах я живу на самой счастливой земле, днём – я вижу истину, но не верю этому. У каждого сосланного свои думы, но у всех они ведут к одной цели – к Латвии».

По памяти написал площадь территории Латвии 65791000 кв. км, число жителей – 1950000 человек. Написал по памяти на этой же странице территорию Литвы, Эстонии, России. На этой же странице нашлось место для патриотических призывов: «Солнце Латвии нам показывало, показывает и будет вечно показывать, как сохранить родную речь и латышские нравы».

Следующая страница была посвящена моей дорогой Латгалии. Её я рисовал с особым старанием. Показал все города, обжитые места, железные и другие дороги, реки и озёра, а также границы каждого района: Резекне, Даугавпилс, Лудза, Новая Латгалия. Разными карандашами отметил места, где успел пожить: Букмуйжа, Каунат, Аташине, Дрыцани, Виляне, Феймани, Мальта, Гарколни, где была новая усадьба отца в Журубых. Отметил также места, где учился, и места, по которым путешествовал: озеро Лубона, Берзпили, в которых родились мои отец и мать, а также много других мест, которые остались в моей памяти. Есть также приписка: «На этой территории проживают 238680 латгалцев, но также и люди других национальностей (насколько эти цифры верны, мне теперь трудно сказать, но в моей памяти в то время остались именно они). Карту закончил в той самой Михайловке 25 ноября 1941 года.

14.4 га). Написал также, что там было посеяно весной 1941 года: овёс, рожь, пшеница, картошка, корчевые, горох, яблоны и другое. Тут же перечислил весь имеющийся скот: конь, две коровы, две свиньи, двадцать кур, три собаки: Бобис, Джер, Дуксис и два кота. Таким было наше богатство. Из построек было: дом, стайка, клеть, баня, хлев, погреб. Для обработки земли имелись: плуг, борона, культиватор, телега, сани, упряжь и много мелкого инвентаря.

Я счёл необходимым вписать в свою тетрадь обстановку в доме: все столы — кухонный, обеденный, письменный, самоварный, а также кровати, диван, шкафы, буфет, посудный шкаф, книжную полку, тазик для мытья посуды, самовар, примус, центрифугу, посудную полку и другое. Наверное, не всё, но перечислил то, что считал важным и необходимым.

В свою тетрадь переписал также всех высланных, которые жили с нами в Михайловке, потом разделил их по районам. В этом наибеднейшем колхозе без работы, без продуктов и карточек проживало более 60 высланных из Латвии человек, пока большую часть не выслали на Крайний Север Красноярского края (лето 1942 г.). Но это уже другой рассказ.

Много можно рассказать о первом годе, проведённом в Сибири. Наши семьи, оставшиеся без главы, не могли сразу приспособиться к той психологии, что была вокруг. Но ведь и местные жители думали только о том, как раздобыть еду для семьи. Они жили одним днём, не задумывались о завтрашнем дне. Всех волновал вопрос, чем питаться. И неудивительно, что многие думали о том, как утащить из колхоза что-нибудь из продуктов. Как можно было прожить, если в колхозе за один рабочий день платили 11 копеек и давали 160 грамм зерна.

Уже через три месяца большая часть из нас на долгое время — приблизительно года на три — полностью отвыкла от мяса, сахара, масла и многих других продуктов. В нашем рационе была картошка и новый вид пищи — затируха (суп, который варился из муки и тёртой картошки). И было хорошо, если в доме был такой суп. Начали есть картошку в мундирах — это было вполне

приемлемо, также пекли блины из гнилой картошки. Без муки и жира.

Первые месяцы женщины верили, что война быстро закончится и нас сразу же увезут обратно в свои дома, поэтому некоторые семьи продавали часть вывезенного имущества, главным образом постельные принадлежности и одежду, что были взяты с собой, или меняли на продукты. С началом зимы все уже стали думать о том, где взять немного еды, чтобы поесть хотя бы раз в день. И уже тогда начались те большие беды, связанные со страшным словом – голод.

Оставшиеся страницы в своей небольшой тетради я думал сохранить для коротких записей о прожитых днях или каких-либо интересных событиях. Много писать изголодавшемуся человеку, ещё мальчику, было не о чем, но всё же:

«1941 год.

20 октября – ремонтировали трактор. Дали обед без хлеба.

22 октября – работал на тракторе как помощник. Обед не дали.

23 октября – получил муку, 80 г за рабочий день. Ходил в Максимовку (7 км), чтобы выменять простыни на продукты.

30 октября – работа на молотилке. Упал со скирды, от голода закружилась голова.

31 октября – впервые молот на жерновах муку из зёрен, собранных из колосков. Испекли хлеб.

1 ноября – возили зелёный овёс в больших снопах. На обед – сухой хлеб.

4 ноября – заболел. В пестике дробил пшеницу, есть-то надо что-то...

5 ноября – сильно болит горло. Кончилась картошка. Съели даже всю гнилую.

6 ноября – болен от голода. Тяжело сидеть с пустым животом.

8 ноября – стало получше. Пошёл в Вознесенку (5 км) и менял картошки.

16 ноября – с днём рождения мать поздравила слезами.

15 лет – это вам не шутка! С едой всё хуже.

18 ноября — в памяти всплывают прожитые годы, думаю также о сегодняшних днях.

22 ноября — горестная весть. Умерла свекровка госпожи Айгар. Вдвоём делали гроб.

23 ноября — около 16 часов закончил строгать доски для гроба и помогал копать могилу.

24 ноября — около обеда докопали втроём могилу. Похоронили.

3 декабря — помогал русскому соседу-старичку пилить и колоть дрова. Вечером — болезненная слабость. Кружится голова.

12 декабря — мама пошла в Учачу, где продала одежду, примерно на 336 рублей. Она была беременна (уже на седьмом месяце), и деньги нужны были для больницы.

17 декабря — сижу дома и учу русский язык. Домой вернусь русским.

19 декабря — удалось купить 3 литра керосина.

24 декабря — встречаем сочельник по старым обычаям. Весь день голодный. Вечером празднуем — на голодный желудок.

31 декабря — дождался Нового года у Ринкинов.

1942 год.

1 января — впервые почувствовал, что являюсь хлюпиком в глазах русских сверстников... Моя жизнь сломана».

Наверное, я продолжал бы вести дневник ещё долго, но некуда было писать. Ведь я записывал в тетрадь многие свои мысли, например: «Было бы всё хорошо, в старости приятно было бы почитать, но что я могу поделать, если в Сибири нет ни бумаги, ни тетрадей. Чёрт поberi такую жизнь! Я без работы и без хлеба».

Наверное, я был непрактичным: совсем не мог оценить то, что тетрадка заканчивается. Разве надо было мне тогда целую страницу заполнять своими впечатлениями о последнем годе учёбы, описывать размышления о предметах в гимназии, о членах приёмной комиссии, об учителях, а также записывать вопросы в билетах по экзаменационным предметам.

1941 г.				1942 г.			
наименование	Покупка	Продажа	Прочее	Сальдо	наименование	Покупка	Продажа
Полов			153	366	Полов		
Полов	3 1/2			45	Полов		
Полов	2 1/2		203	45	Полов		
Полов	3 1/2			30	Полов		
Полов	2 1/2	2 кг		30	Полов	16 кг	
Полов	2 1/2	12 1/2 кг		50	Полов	16 кг	
Полов	2 1/2	16 кг		70	Полов	16 кг	
Полов		16 кг		75	Полов		
Полов				75	Полов		
Полов				40	Полов		
Полов				35	Полов		
Полов				20	Полов		
Полов				50	Полов		
Полов	4 1/2	2 1/2 кг		100	Полов		
Полов				60	Полов		
Полов	3 1/2			20	Полов		
Полов				60	Полов		
Полов				24	Полов		
Полов				24	Полов		
Полов	6 1/2			40	Полов		
Полов		34		170	Полов		
Полов			53	5	Полов		
Полов	10 1/2			80	Полов		
Полов				64	Полов		
Полов		16		120	Полов		
Полов		16		120	Полов		
Полов	5 1/2	12 1/2 кг	403	8 кг	1485		
Полов				40			
Полов				12			
Полов				60			
Полов				20			
Полов	3 1/2			22			
Полов	12 1/2			105			
Полов		14 кг		80			
Полов				10			
Полов	6 1/2	12 1/2 кг	403	8 кг	1824		

Записи в дневнике 1940–1941 г. Из архива семьи Барановских

Была ещё страница, посвящённая воспоминаниям о нашем скарге, который мы вскоре стали менять на продукты.

Сибиряки брали всё хорошо. Простынь можно было поменять на два-три ведра картошки или два-три кг муки. Три про-

стыни уже были обменены, после этого в ход пошли вещи умершего братика Витольда, платьица сестрички Валентины, из которых она выросла, потом подошла очередь одежды отца. Несмотря на то, что сестричке было 11 лет, она ещё очень хорошо помнит, как выменяла розовое и белое платьица, с которыми у неё связаны детские воспоминания.

Наша сибирская эпопея резко изменилась в июле 1942 года, когда услышали очередное: «Собирайтесь!» Посылали нас в длинную и страшную дорогу в северную сторону. В первой половине 1942 года ещё в Михайловке произошли два впечатляющих события. 25 февраля 1942 года родился наш братик, которого назвали Анатолием и которого по просьбе матери мне пришлось крестить самому. Второе событие, которое произошло тоже в феврале — это уже упомянутый ночной вызов в сельсовет, во время которого нам объявили о присуждённых двадцати годах.

Так закончился наш первый период высылки, который мы считали самым ужасным... Но оказалось, что нас ожидают ещё большие испытания и кто-то из ссыльных останется навсегда в вечной мерзлоте.

ОСТРОВ СМЕРТИ

Место берега реки Енисей, на которое 18 сентября 1942 года было выброшено более 500 ссыльных, совсем не являлось островом, это был правый берег Енисея (до ближайшего обжитого места 12 километров, причём на другом берегу реки). Более чем в 100 километрах находилась Игарка — районный центр Красноярского края. Крайний Север за полярным кругом... Место, в котором находились мы, называлось Агапитово. «Остров смерти» — такое название дали этому месту ссыльные, которые так много вынесли здесь за один год.

Сейчас уже абсолютно ясно, что людей было отправлено в Игарский район гораздо больше, чем здесь могли принять, то есть они были заранее обречены на смерть. В таком изолиро-

ванном, отдалённом месте, как Агапитово, ссыльные были отданы в руки судьбы.

Вероятно для того, чтобы можно было хоть как-то оправдать свои действия, те, кто отвечали за размещение ссыльных, решили в конце навигации отправить в Агапитово одну баржу с продуктами и небольшой плот с брёвнами, строительными материалами и инструментами.

Это было сделано на авось... Главное, выслать катер с баржей из Игарки, а дойдёт он до станка или замёрзнет во льдах Енисея, никого это не интересовало... Просто нужно было перед кем-то отчитаться: сделали, что могли.

Выброшенные на берег люди были полностью предоставлены себе. Не было сторожей (охраны), не было милиции, не было работников комендатуры. Всеми командовали пятеро немцев с Поволжья, которые сами были сосланы, как и мы все. Им, как членам партии, было поручено заботиться о выброшенных на берег ссыльных.

С первых же дней началась борьба за жизнь. На берегу всё время поддерживали костёр; одна семья или несколько носили из леса дрова, искали камни, из которых делали место для приготовления еды: грели воду и варили ту самую популярную затируху (но теперь уже просто заваренную в воде муку). Насколько семья могла себе позволить, настолько она различалась густотой. Но как она была вкусна! Казалось, что людям больше ничего и не надо. Больше двух недель давали каждому невольнику по 100 г муки. И это всё...

За это время из деревни, которая стояла на противоположном берегу Енисея, привезли на лодках большие палатки. В каждой из них могли разместиться приблизительно 100 человек. Такую большую палатку обогревали только одной железной бочкой, которая была сделана как печка. Если от неё и было тепло, то только тем, кто заняли лучшие места вблизи. Была очередь для согревания: посидел 10–15 минут и освобождаешь место другому. На Крайнем Севере морозы по ночам в октябре были минус двадцать градусов и ниже.

От плохой еды, холода, однообразия и равнодушия, которое охватило большинство — люди стали умирать. Тогда не было возможности регистрировать умерших. Это сделали позже, после опроса близких (родственников), поэтому нельзя быть полностью убеждённым в том, что эти цифры и даты верны. У меня есть записи об умерших за год на острове смерти — с 18 сентября 1942 года по сентябрь 1943 года... В то время я думал, что описывал происходящее для истории Латвии и поэтому составил список умерших из числа тех, кто был вывезен 14 июня 1941 года из Латвии. Но всегда буду помнить ссыльных и умерших разных национальностей. Трудно сказать, насколько точен траурный список, который я составил сам.

В октябре 1942 года в Агапитово была организована рыболовецкая артель, председателем которой был немец Андрей Фос, в правлении от Латвии был Леонид Клендер с п. Рундан и секретарь-немка. Её обязанностью было составление списков оставшихся в живых, наведение порядка в делах умерших. Как теперь стало понятно, работу свою она выполняла не совсем добросовестно, так как в списках умерших есть ошибки, также нашлись неточности в списках живых. На мой взгляд, эти списки процентов на десять имели неточности.

Большое число умерших — совсем не результат эпидемии. Не было ни тифа, ни других инфекционных заболеваний, всё говорит о том, что это было преднамеренное уничтожение людей с помощью лишений и голода.

В памяти остались один-два эпизода тех голодных времён. В нашей землянке на нижних нарах жила семья Лаш. Все взрослые: мать Эмилия, приблизительно 50 лет, дочь Мирдза — 22 года, сын Питер, двенадцати лет. Более двух месяцев они не поднимались с нар, были бесконечно обессилены и измождены. Пайки хлеба в 400 г на одного человека не хватало. Их мать начала подмешивать в муку опилки, которые брала тут же в землянке, где пилили дрова для печки. Они не только сами ели, но и рекомендовали другим, говоря, что так не только вкуснее, но и сытнее. Результат был ужасным. Первой умерла сама мать,

через месяц — дочь, а ещё через полмесяца — сын. Так погибла большая латышская семья, которая в прежней довоенной жизни была опорой государства, «хозяйкой полей», как часто говорила сама мать. Она рассказывала нам, как много вкусных продуктов давало им натуральное хозяйство, ими можно было прокормить всю нашу голодную землянку.

До ближайшей деревни было 12 километров. Она называлась Плахино и находилась на другом берегу Енисея. Деревенька была небольшой — около двадцати домов. Это был колхоз. Там также были ссыльные, в том числе и из Латвии. Зимой, когда появлялась ледовая дорога через реку, утыканная прутьями кустарников, сильнейшие из нас ходили в ту деревню, чтобы найти хоть какие-то продукты, обменивая их на вещи.

В нашей землянке было много семей евреев. Одна из них, Нахимовски, была очень большой: мачеха Лея, дети её мужа: Сеня — 14 лет, Лея — 12 лет, Цыпа — 9 лет, Лейба — 11 лет и самый старший, тоже кормилец, Ефрем — 15 лет. Он, сразу после Нового года, собрав кое-какие пожитки, ушёл в Плахино с мешочком за спиной. Проведя там день, он под вечер возвращался в Агапитово. Двенадцать километров — не такая длинная дорога, но будучи полностью измождённым, он совсем не думал о том, как дойти до землянки. Он представлял себе, сколько счастья доставит своим, сварив из килограмма крупы, которую выменял в деревне, вкусную еду. Но сил продолжать путь оставалось всё меньше и меньше... Мороз, к которому мы уже привыкли, не был очень силён, каких-нибудь сорок градусов. Ефрем знал, что сидеть и отдыхать ему нельзя. Сейчас же обуюет сон. Силы покидали его. Он споткнулся... Поднялся... Снова споткнулся... Главное — только вперёд! И не заснуть, не потерять сознание... Когда Ефрема нашли, можно было заметить, как метров сто он изо всех сил просто полз вперёд. Таким его и привезли в землянку — в ползущем состоянии.

За это время в Агапитово уже погибли (умерли от голода) более ста человек. И вскоре перестали на это обращать внима-

ние: одной смертью больше, одной меньше. Были такие, что думали: «Лучше бы на его месте оказался я — отмучился бы».

В Агапитово был такой случай, когда совсем оголодавшие молодые женщины, будучи на рыбалке и не желая воровать свою выловленную рыбу, пришли в контору с просьбой, чтобы им дали повышенную норму. Они надеялись благодаря этому выловить хоть что-то для своего пропитания. Их просьбу расценили как противостояние власти и троих из них — Ринкину, Заки и ещё одну — увели на суд, где им дали два года лагерей.

Сейчас можно с помощью архивных документов (хотя и они не совсем верны) сделать выводы: за одну лишь зиму в Агапитово погибла половина ссыльных. Из более 500 человек, выброшенных на берег Енисея, в живых остались 273 человека. Сорок девять человек из Латвии погребены в вечной мерзлоте в Агапитово.

В начале пробуждения, это было в 1988 году, Латвийское правительство на том месте установило большой крест — знак памяти всем погибшим.

Это лишь одно такое место, где в зиму 1942—43 годов погибло так много ссыльных разных национальностей, а во всем Красноярском крае таких мест было много и в каждом из них погибало много людей, в том числе и латышей. Разве их кто-нибудь когда-нибудь считал? Ничего подобного! Помнить их — наша христианская обязанность.

КАК НАС ОХРАНЯЛИ

Такого статуса как «советский ссыльный» не было. Но это понятие подразумевалось в различных законах, за исполнением которых следила высокая власть НКВД и КГБ. Во всех законах говорилось только о запретах, о том, что невольникам запрещено.

В первый год изгнания, когда мы попали в Сибирь, никому из нас не выдали на руки никаких документов, никаких свидетельств со штемпелем НКВД. Всё, что нам было запрещено, было

написано в листке комендатуры НКВД, под которым надо было подписаться. Как назывался этот документ, лично я не знал. Не знали и не придавали этому значения и другие, ибо все были уверены, что в 1941–42 годах этот спектакль закончится и мы вскоре вернёмся на свою Родину, в Латгалию, и всё произошедшее окажется сном.

Но настоящее шло своим путём. Коменданты нас пересчитали, зарегистрировали и быстро «упекли» жить в той деревне, куда мы были вывезены.

Единственное официальное известие было зимой 1941 года, когда тех, кто был выслан в деревню Михайловку, вызвал ночью комендант в сельсовет и доложил, что мы высланы по приказу НКВД сроком на двадцать лет. За всю нашу семью – мать и сестру – расписался я, так как мать была беременна, а сестре было всего одиннадцать лет.

Интересно, что сейчас, спустя 50 лет, когда ознакомился со своим делом, мне сообщили, что эти бумаги за 20-летнюю ссылку, бесследно исчезли. Спрашиваю у господина Спридзана, здесь все документы? Он отвечает, что в деле находятся все те документы, которые были им необходимы.

Первый официально оформленный документ находился в Игарке. Тот документ, за который надо было расписаться, выглядел так: «Мне, социальному элементу, ссыльному Барановскому Л. А., родившемуся в 1926 году, живущему в Игарке, сообщается, что приказом Латвийского НКВД высылаюсь в административном порядке без права выезда с указанного мне места жительства без разрешения НКВД. Сообщаем, что периодически необходимо проходить персональную регистрацию в том месте и в то время, которое указано в удостоверении №57 (вместо паспорта). При нарушении приказа будете привлечены по статье 82 (приписка). Приписку утвердил комендант милиции Пономарёв».

Когда лично надо было являться к коменданту? Два раза в месяц. Регистрироваться надо было после работы. Учитывая, что в то время в Игарке было более десяти тысяч высланных

разных национальностей, в определённые для регистрации дни собирались большие очереди, необходимо было стоять на ногах в неотапливаемых коридорах по пять-шесть часов. Хорошо, что регистрация нашей семьи была возложена на меня и комендант разрешил мне, как главе семьи зарегистрировать удостоверения матери и сестры. О моральной стороне и унижении, которые рождала такая частая регистрация, мало кто думал. Главным для нас было – выжить и сохранять надежду на то, что когда-то это всё закончится.

Регистрация у коменданта была не единственной обязанностью для сосланных. Были и другие. Например, никто из нас не имел права работать по своей профессии, трудиться нам было положено в тех организациях, куда посылало НКВД. Нам также было запрещено в указанных организациях работать руководителем, инженером и занимать другие ответственные должности и посты. Никто из нас не имел права работать учителем.

В 1949 году жёны ссыльных, которые работали учителями (хотя сами они не были сосланными), были освобождены от своей работы. Эта участь коснулась и латышских семей – Рубеня, Ружана и моей жены (по национальности русская).

Разрешения на женитьбу и замужество у коменданта просить не нужно было, но тем не менее те, кто вступил в брак со ссыльным, автоматически становились на учёт. Некоторые семьи по этой причине не регистрировались. Не брали фамилию мужа, но когда рождались дети, в их свидетельствах о рождении часто в графе «отец» стоял прочерк. Если говорить конкретно о нашей семье, то ни дочь, ни сын в начале не были зарегистрированы на мою фамилию. Свидетельство о браке мы оформили и поменяли свидетельства о рождении детей тогда, когда я получил документ об освобождении.

Трудно было детям ссыльных получить и высшее образование. В Игарке институтов и университетов не было, а выехать в другой город не имели права.

Первая возможность появилась в 1954 году, когда расширили границы нашего передвижения: это был весь Красноярский

край. К этому времени многие уже окончили среднюю школу в Игарке и могли выехать в Енисейск, Красноярск, Абакан, где были учреждения высшей школы, чтобы продолжить учёбу и получить высшее образование. Появилась также возможность учиться в институтах и университетах за пределами Красноярского края.

В Игарке из числа высланных образовалась большая латышская диаспора. Многие из них имели образование и были хорошими специалистами, к примеру, Кангара, Отландес и Клявина работали в игарском театре, господин Лединьш – рентгенолог, Свидлер из Риги – художник, много было бухгалтеров. На самом деле работать по своей профессии было неофициально разрешено после смерти отца народов.

Какой бы строгой ни была наша высылка, случались и победы. В одном из документов, опубликованных в прессе, было сообщено, что побегов было более восьми тысяч. Трудно сказать, насколько точна эта цифра, но два-три случая были в Игарке. В одном из них я оказывал посильную помощь (хотя она не была очень существенной), но я обо всём знал и по мере возможности содействовал побегу Франца Курсиша. Он благополучно пересёк всю Западную Сибирь, Россию и оказался в Литве. Оставаться там ему было нельзя, и он уехал в Вентспилс, где находились его дети. Этот эпизод очень интересен, и если Франц сдержит своё слово и опишет историю своего побега, тогда это будет очень интересный и точный рассказ.

С 1948 по 1957 г. положение ссыльных немного улучшилось – все работали и получали зарплату, на которую можно было прожить, а в свободное время была возможность (и у латышей в том числе) заниматься спортом. В футбол играли Артур Барзда, Буран, братья Стингревици, в волейбол – Аболтиньш, боксом занимался Васманис, в шахматы играли Мекш, Брейсс и многие другие. В то время этими видами спорта увлекался и я. Часто возникала необходимость участвовать в спортивных соревнованиях вне города, но была проблема с выездом до 1954-го года. Выезжать из Игарки на соревнования, например, в Туру-

ханск, Абакан и другие города края мы не имели права. На одно из таких соревнований комендатура запретила мне ехать без охраны, но местная спортивная власть, имевшая свой голос в исполкоме города, утвердила решение, чтобы вместе со мной ехал сопровождающий. Так как участие в соревнованиях было вопросом престижа города, то приняли решение откомандировать вместе с нами работника комендатуры в город Туруханск. Во всех наших матчах по футболу сбоку от моих ворот (а я был вратарём), ходил второй вратарь из комендатуры.

Всему приходит конец. Так и наша казавшаяся бесконечной высылка завершилась. Массовое освобождение началось в 1956 году, очередь же нашей семьи наступила в 1957 году. Этот документ выглядел так:

«18 февраля 1957 года.

Латвийское Министерство внутренних дел. Министр внутренних дел Смирнов (подпись)

Считать Барановского Леопольда сына Антона, проживающего в Игарке Красноярского края, освобождённым от спецпереселения.

Указание: PSRS MVD №1094/к от 27.04.1955 года. Приказ отправить в УВД Красноярского края для исполнения».

Был и ещё один документ:

«5 марта 1957 года

Расписка

Мне, Барановскому Леопольду сыну Антона, родившемуся в 1926 году, проживающему в Игарке, 5 марта 1957 года сообщено о моём освобождении от спецпереселения и выдано удостоверение №57 от 28 февраля 1957 года. По моему выбору могу остаться или выехать из Игарки. (подпись)».

Это был счастливый день, которого я ждал более 5700 суток. Но как часто бывает, когда наступает долгожданный день и цель достигнута, возникают новые проблемы... А ведь лет 14—

15 до этого события было только одно желание – поскорее вернуться на Родину.

Теперь появились вопросы... Кто тебя ждёт на Родине? Что может предложить или подарить тебе и твоей семье сегодняшняя Родина? Что означает освобождение от высылки? Это равносильно той земельной реформе, по которой в прошлом году сотням крестьян дали не только освобождение, но и освободили от земли.

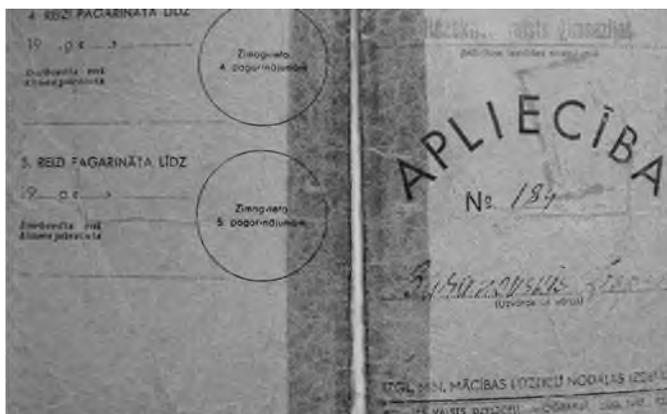
Но голос Родины и тоска по ней делали своё дело. Более 80% от оставшихся в живых латышей вернулись в Латвию. Те, кто задержались, выдержали крепкие связи с Родиной – нашей Латвией и Латголой.

Г. Смоленск.

Ноябрь-декабрь 1995 г.

Перевод с латгальского: Ольга Баяндина (г. Ачинск Красноярского края, февраль 2014 г.).

ГЛАВА IX. ИЛЛЮСТРАЦИИ ИЗ АРХИВА СЕМЬИ БАРАНОВСКИХ

Удостоверение гимназиста Леопольда Барановского. Оформлено в 1939 г. Отметки сделаны также в 1940 и 1941 гг.

Гимназия в Резекне. Шахматами Леопольд увлёкся серьёзно уже здесь (он слева). 1939 г.

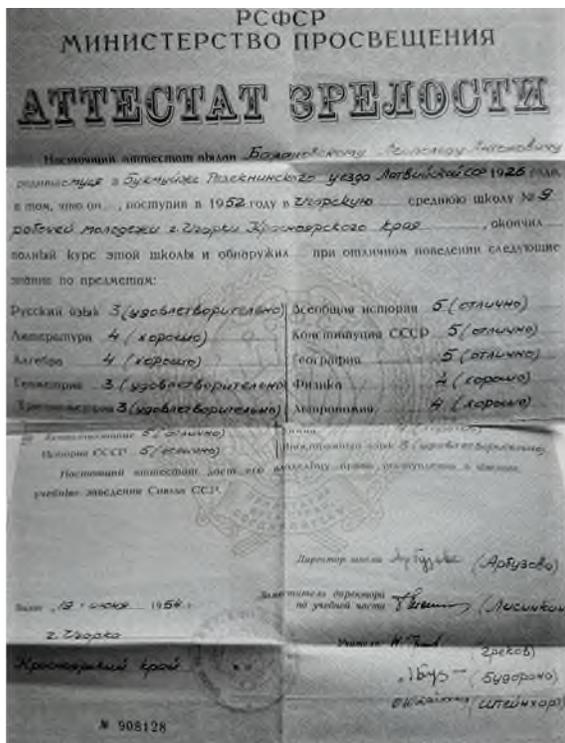
Барановские Антон Казимирович, Мария Матвеевна и Бронислав. Бронислав умер по дороге в Красноярск в возрасте двух лет...

Л. Барановский с сыном Евгением. 1953 г.

Команда педучилища по баскетболу на первенстве города, второй слева — Л. Барановский. 1955 г.

Аттестат зрелости, выданный Л. А. Барановскому после окончания Игарской школы № 9 рабочей молодёжи. 19 июня 1954 г.
 Подписан директором школы Н. В. Арбузовой

50-е годы XX в.

Разбор шахматной партии дома. 1954 г.

МВД РСФСР
 УПРАВЛЕНИЕ МВД
 П О
 КРАСНОЯРСКОМУ КРАЮ
 28 " II " 1957 г.
 № _____
 г. Красноярск

СПРАВКА № 57

Выдана гражданину (ке) Барановскому
Леопольду Антоновичу,
 год рождения 1926 национальность Латыш
 уроженцу(ке) Резишкшчилс р-но,
Латвийской ССР в том, что он(она)
 содержался(ась) на спецпоселении с "11" июня 1947 г.
 по "5" марта 1957 г., откуда освобожден(а) на
основании заключения МВД
Латвийской ССР от 18 февраля 1957 года

Справка выдана для получения паспорта в Цгарской
районе, Красноярского края.

Начальник отдела
 М. П.
 Начальник отделения

1695 - 0 15

Справка Управления Министерства внутренних дел по Красноярскому краю от 28 февраля 1957 г. об освобождении Л. А. Барановского от спецпоселения на основании Заключения МВД Латвийской ССР

На лыжне с сыном Евгением. 1962 г.

Игарчане встречаются с сыном Валерия Чкалова – Игорем (справа). Рядом с ним – редактор Игарской студии телевидения А. Е. Лаврищева. Слева направо – редактор студии телевидения Р. А. Шуваев, внештатный корреспондент Л. А. Барановский, директор студии телевидения П. И. Бодриков, участник телепередач, работник пожарной охраны Я. С. Шестаков. Сентябрь 1966 г.

На берегу Игарской протоки... 60-е годы XX века

Л. А. Барановский отчитывается на комиссии в исполкоме горсовета. Справа второй – председатель Игарского исполкома Г. Н. Стойко. Начало 70-х гг. XX в.

 LATVIJAS REPUBLIKAS
 IEKŠĒJIĀ LIETU MINISTRIJA
 МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
 ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
 (Pateļotības) (Latvian) (1920-1997)

Барановскому Леопольду Антоновичу,
 1926 г.р.
 г. Смоленск
 пр. Гагарина, дом 48 кв. 10

25 септембь 1995 г.
 № 37-318

На основании Указа Президента Верховного Совета Латвийской ССР от 8 июня 1989 года
 «О реабилитации граждан, высланных с территории Латвийской ССР в период 40-х и 50-х годов»
 Ваше административное выселение из Латвии на спецпоселение в период с
 14 июня 1941 года по 5 марта 1957 года и с
 19 года по 19 года включительно признано незаконным
 и Вы реабилитированы.

Места спецпоселения:

1.	Двержильский	район	Красноярского	14 июня 1941 года по 15 июля 1942 года	ХХХХХ (край)
2.	Игарский	район	Красноярского	16 июня 1942 года по 15 июля 1943 года	ХХХХХ (край)
3.	гор. Игарка	район	Красноярского	16 июля 1943 года по 5 марта 1957 года	ХХХХХ (край)
4.		район		19 года по 19 года	области (край)
5.		район		19 года по 19 года	области (край)
6.		район		19 года по 19 года	области (край)
7.		район		19 года по 19 года	области (край)

В соответствии с постановлениями Совета Министров Латвийской ССР № 306 от 5 декабря 1988 года «О правах граждан, высланные в административном порядке за пределы Латвийской ССР и признаны реабилитированными» и № 190 от 29 августа 1989 г. «О порядке возврата имущества или возмещения его стоимости гражданам, высланные в административном порядке за пределы Латвийской ССР признали реабилитированными по запросу возврата конфискованного имущества или его стоимости, а также для решения других вопросов, связанных с высланным, необходимо обратиться к

Резекненского района
 Исполнительный комитет Совета народных депутатов,
 Латвии

в течение 3-х лет с момента признания высланным незаконным.
 На основании указанных постановлений Совета Министров время пребывания на спецпоселении засчитывается в трудовой стаж незаконно высланных граждан. По данному вопросу необходимо обратиться в следственные органы по месту жительства.
 Справка о признании Вашего выслания незаконным МВД Латвийской Республики направлено

Резекненский РИК 10 февраля 1995 г.
 684 /см. справку на обороте/
 За Заместитель министра *Б. Б. СПИДИАН*

Документ Министерства внутренних дел Латвийской республики
 от 25 сентября 1995 г. Барановскому Л. А. о реабилитации
 и признании незаконным административного выселения из Лат-
 вии на спецпоселение с 14 июня 1941 по 5 марта 1957 г.

СПРАВКА

БАРАНОВСКИЙ Леопо́льд Анто́нович, 1926 года рождения, будучи несовершеннолетним, был выслан в административном порядке 14 июня 1941 года из хутора "Гарикалы" Малгаз волости Резекненского уезда Латвийской ССР вместе с матерью, Барановской Марией Матвеевной, 1898 г.р., несовершеннолетней сестрой Валентиной, 1930 г.р. и братом Витольдом, 1938 г.р., на основании постановления НКГБ Латвийской ССР от 11 июня 1941 года по политическим мотивам.

Причиной выселения семьи явился арест 14 июня 1941 года главы семьи Барановского Антона Казимировича, 1898 г.р. за то, что он до установления советской власти в Латвии работал в полиции т.е. по политическим мотивам. Барановский А.К. умер в заключении 27 апреля 1943 года. Прокуратурой Латвийской Республики Барановс Антон Казимирович реабилитирован.

Основание: Архивное учетное дело № 15425.

Начальник Отдела Реабилитации

Б.Б. Спридзан

Б.Б. СПРИДЗАН

Справка к Документу Министерства внутренних дел Латвийской республики от 25 сентября 1995 г., подписанная начальником отдела реабилитации Б. Б. Спридзаном

Таким запомнили Леопольда Антоновича в 70-е годы XX века

МВД РФ

СПРАВКА

УПРАВЛЕНИЕ
ИНТЕРНИКАЛЬНЫХ ДЕЛ
АДМИНИСТРАЦИИ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
460011 г. Красноярск-11
ул. Дзержинского, 18
тел. 28-66-29

16.02.197г. № 1/3-Б-390

№ 74

Для Барановскому Леопольду Антоновичу,
1926 года рождения, в том, что он на осно-
вании Постановления НКВД Латвийской ССР от
11.06.1941 года был выселен 14.06.1941 год
из Латвийской ССР в Дзержинский район Крас-
ноярского края, в 1942 году переведен в
Итадский район Красноярского края.

От спецпоселения освобожден 5 марта 1957 года на основании Саклечения
МВД Латвийской ССР от 18.02.1957 года.

На основании п."В" ст.3 Закона РФ от 18.10.1991г. "О реабилитации
жертв политических репрессий" гр-н Барановский Леопольд Антонович ре-
абилитирован.

Основание: учетные документы.

Начальник ООЗ ИЦ УВД
Исп. № 16.

[Подпись] В.К.Зверовский

МВД РФ

СПРАВКА

УПРАВЛЕНИЕ
ИНТЕРНИКАЛЬНЫХ ДЕЛ
АДМИНИСТРАЦИИ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
460011 г. Красноярск-11
ул. Дзержинского, 18
тел. 28-66-29

16.02.197г. № 1/3-Б-390

№ 74

Барановская Мария Матвеевна, 1898 года
рождения, на основании Постановления НКВД
Латвийской ССР от 11.06.1941 года была вы-
селена 14.06.1941 года из Латвийской ССР в
Дзержинский район, в 1942 году переведена
в Итадский район Красноярского края.

От спецпоселения освобождена 5 марта
1957 года на основании Саклечения МВД Латвийской ССР от 18.02.1957 го-
да.

На основании п."В" ст.3 Закона РФ от 18.10.1991 года "О реабилита-
ции жертв политических репрессий" Барановская Мария Матвеевна реабили-
тирована.

Основание: учетные документы.

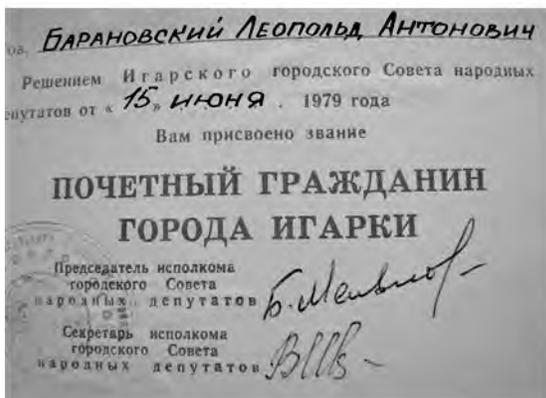
Начальник ООЗ ИЦ УВД
Исп. № 16.

[Подпись] В.К.Зверовский

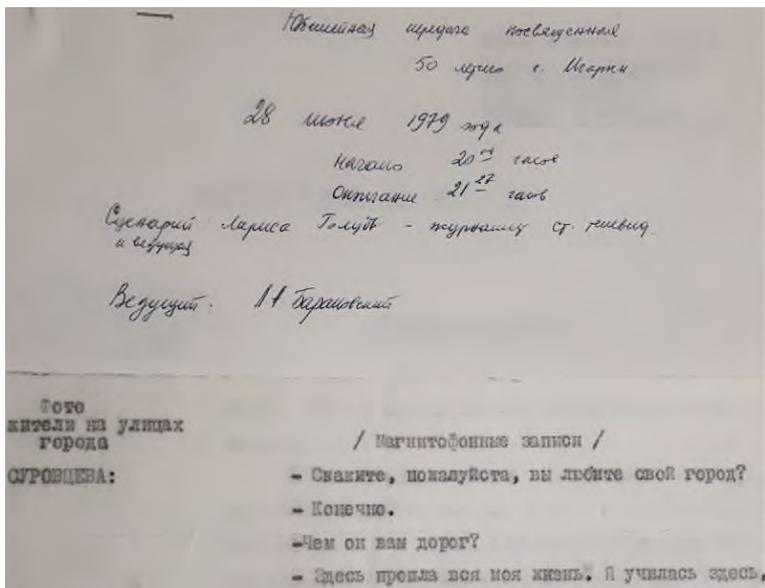
Справки о реабилитации Леопольда Антоновича Барановского и
Марии Матвеевны Барановской, выданные УВД Красноярского
края 18 февраля 1997 года

Посещение игарской делегацией теплохода «Игарка» в честь его первого прихода в порт Дудинки. Слева – Л. А. Барановский. Справа налево – председатель Игарского исполкома горсовета Б. Ф. Мельков, 1-й секретарь Игарского горкома партии А. Т. Кузьменко. Игарчане побывали на судне по приглашению экипажа, осмотрели его. 1983 г.

В год 50-летия Игарки Л. А. Барановский был удостоен в соответствии с решением Игарского городского Совета депутатов от 15 июня 1979 года звания Почётный гражданин города Игарки. 1979 г.

Барановский сохранил в архиве сценарий передачи к 50-летию города, где поставил дату и время проведения прямого эфира

Переписка с известным журналистом Гунаром Крөдерсом, Почётным гражданином города Норильска

мая 1968 г.

Многоуважаемый Леопольд Антонович!

Прежде всего, сердечно спасибо за сборник Ватушенко. Я был очень тронут таким вниманием к моей персоне, но, как бы это ни было прискорбно, так и не собрался в течение целых шести месяцев сделать ответный жест. Но не зря сказано: лучше поздно, чем никогда.

Итак, посылаю Вам свой первый очерк об Игарке, напечатанный в нашей газетке. Самое забавное из всего то, что Вы получились и в самом деле похожи на себя, хотя художник никогда Вас не видел. Очерк был написан в спешке. Сейчасopus о Вас, как о депутате горсовета, ждет своей очереди в "Красноярском Рабочем". В ближайшие дни пошлю - опять-таки другой вариант - в газету "Падомья Латвия". Жаль только, что этот номер газеты может пройти мимо нас - ведь ни Вы, ни я эту газету не выписываем. Я буду знать о появлении этого материала лишь тогда, когда получу гонопар. А Вы?

Летом постараюсь снова побывать в Игарке. Мне очень понравилось у Вас. Игарка прелестно тем старо-заполярным колоритом, который почти полностью исчез в Норильске, но сохранился еще в Дудинке. Меня это неповторимо северное всегда очень волнует. Летом, надо полагать, у Вас веселее.

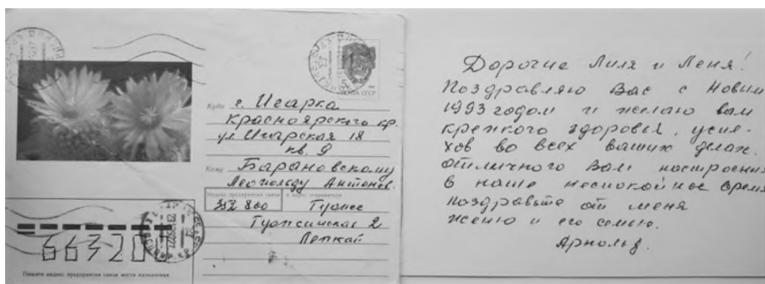
Еще раз большое спасибо за гостеприимство и радушие.

Искренне Вас уважающий

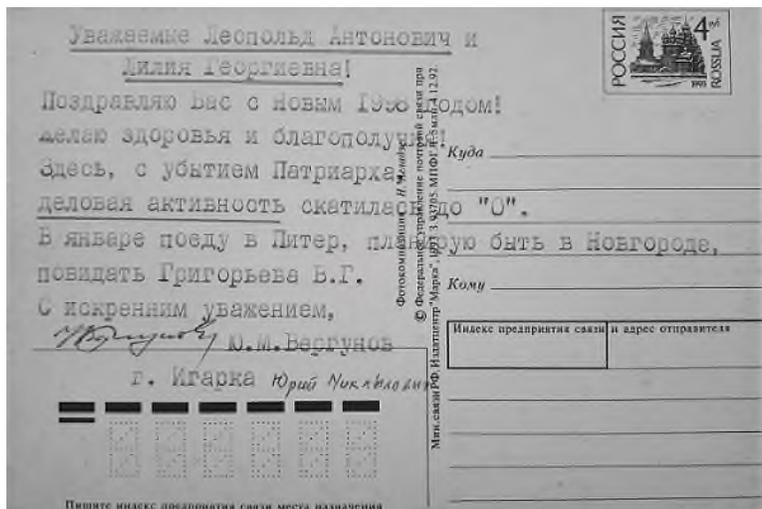
Письмо Гунара Кродерса Барановскому. 1968 г.

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещений по (с указанием причин)	Не обозначена дата увольнения, его дата и номер
	Год	Месяц	Число			
1	2	3	4	5	6	7
17	1975	11	28	Игорский Принят на работу ФСУ директором из Крайоватуправ Освобожден от должности с 22.10.87 по собственному желанию в связи с уходом на пенсию инспектор ОК.	Горватсковоинский дом Марского имени 497к-1/12.45	пр. № 762 от 12.75
18	1975	01	19	Освобожден от должности с 22.10.87 по собственному желанию в связи с уходом на пенсию инспектор ОК.	Земельный участок 3/1 КЗМ резерв Земельный участок 3/1 КЗМ резерв	пр. № 4 от 12.01.87
19	1993	10	01	Принят на работу сотрудником по в Игарский край	сшабли научного Ю. Карякин, 87С Игарский музей Директор: Миль, (Минускина)	пр. № 3289 от 4.10.93 (Минускина)

Предпоследняя страница трудовой книжки Л. А. Барановского. На последней стоит дата увольнения из Игарского краеведческого музея – 22 октября 1994 г.

Поздравление с Новым годом от друга Арнольда Лепкая. 1992 г.

Поздравительная открытка капитана гидрографического судна «Дмитрий Овцын» Ю. М. Вергунова. 1997 г.

Конверт ГС «Дмитрий Овцын» (подарен Ю. М. Вергуновым)

15 марта 1990 г.г.а.

" Узентирнацифилме "

Москва Владимирский проезд №16

киностудия.

Режиссер Торгалло Алла
Никитинская

17454 пр. Вернадского №38^с №

тел. 4-32-98-56

Оператор Валентин Васильевич
Свищников

Из записной книжки Л. А. Барановского. 1990 г.

20.03 - 1991г. Уставший Леонид Антонов!
Великолепие в прошлом году было
у Алла московской кинематографии, которая
сменила фильм о В.Ф. Войно-Ясенецком
(курсы в архивах). Это совершенно
новый материал студии фильма о Ва-
шим (вашиленский) курсе и особенно
фильм про войну. К сожалению, я
не видел, как и у великого, сейчас
проводят с вниманием, а не с
экономией картин к им в кино. Но
наши вы не беспокоит. А свои картины
лет такотили и она уже готова, к
трансляции. Изменился теле-
фильм «...Я вас избрал...» (фильм из
эпизода от Иоанна, и 15 мая 16).
Москва, сайт будет включать в себя фильм
наши телефоны от 29 марта 1991 г.

Письмо режиссёра А. Н. Торгалло, автора фильма 1991 года о Луке Войно-Ясенецком «...Я вас избрал...»

На первенстве Красноярского края. 1969 г.

Участники шахматного турнира Игарка-Светлогорск. 1982 г.

В гостях у родных можно и расслабиться

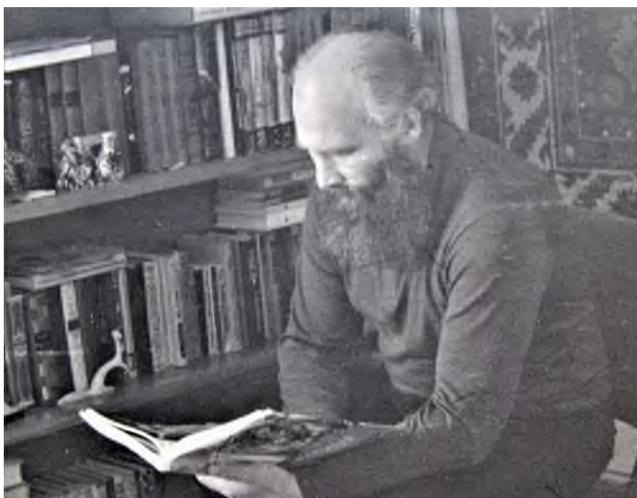
На старте лыжных соревнований. 1989 г.

Игарская лыжня. 1989 г.

Первенство города по шахматам. 1983 год. С обратной стороны подписано Барановским: «Чемпион – Горошко, 2-е место – Барановский, 3-е – Максимов»

В домашней библиотеке

ГЛАВА X. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ

У здания Игарского речного порта, где установлена доска в память о пребывании в заполярном городе О. Ю. Шмидта. Четвёртый справа – Л. А. Барановский. 1968 г.

В первом ряду слева направо — ответственный секретарь газеты «Коммунист Заполярья» В. Н. Лыба, редактор газеты В. Ф. Ядова, во втором ряду — директор студии ТВ В. В. Кухаренко, внештатный автор Л. А. Барановский. 70-е гг. XX в.

Слева направо — редактор студии телевидения В. Т. Быковский, директор студии В. Г. Григорьев, внештатный автор Л. А. Барановский. 70-е гг. XX в.

Вручение Л. А. Барановскому в Игарском горкоме КПСС награды как лучшему пропагандисту. Конец 70-х гг. XX в.

Передача, посвящённая 50-летию города Игарки. Ведущие – Л. А. Барановский (4-й слева) и Л. В. Голубь (3-я справа). 28 июня 1979 г. Из архива Л. В. Голубь

Слева направо – М. К. Вахменин, Г. К. Вахменина, В. Г. Григорьев, В. П. Астафьев, Л. А. Барановский, И. И. Оширова. 1979 год.
Из архива В. Г. Григорьева

В содружестве с телевидением было подготовлено немало интересных передач. Слева – директор студии В. В. Кухаренко, справа – Л. А. Барановский. Начало 80-х гг. XX в.

Начало учебного года в Игарском педагогическом училище народов Севера ознаменовано приездом первого директора училища А. Воронина (третий справа). Середина 80-х гг. XX в.

Группа игарчан в селе Шушенском. Поездка, организованная в связи с юбилеем В. И. Ленина, 1980 г.

Почётный президиум торжественного мероприятия городской пионерской организации. Слева направо – Н. П. Гришина, А. С. Козлова (Алёшкина), В. А. Емельянов, П. А. Евдокимов, Л. А. Барановский. 1982 г.

Участники слёта, посвящённого 60-летию Всесоюзной пионерской организации. Среди них известные педагоги, представители горкомов КПСС и ВЛКСМ, пионерские вожаки. 1982 г.

Празднование 50-летия книги «Мы из Игарки». Слева направо
стоят Почётные граждане города Игарки – Л. А. Барановский,
А. Г. Силинская, А. Д. Стельмах, А. Д. Дресвянский. 1988 г.

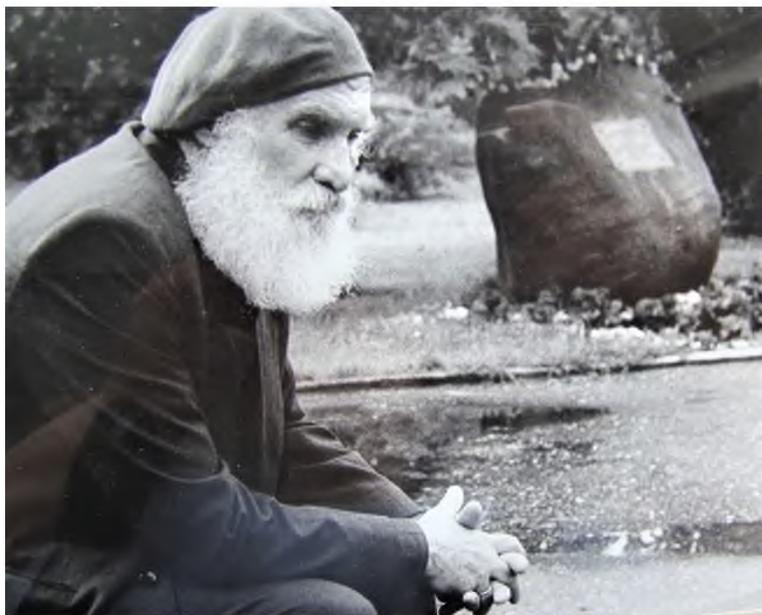
Годы на лыжне не помеха

Первая доска, установленная в память о Барановском в 2006 г. на здании дома №2 второго микрорайона, рядом с редакцией газеты

Доска памяти Барановского, установленная доме № 30 первого микрорайона в 2009 г.

Как мало надо человеку для счастья и как много надо сделать
всем нам, чтобы люди были по-настоящему счастливы

Мария Мишечкина

Неутомимый летописец
О наследии Л. А. Барановского

Мария Мишечкина – журналист. Работала 12 лет на телевидении и радио в городе Игарке Красноярского края. Более 20 лет была директором Музея вечной мерзлоты. Автор и соавтор книги по истории города. Почётный гражданин города Игарки.

Книга посвящена Леопольду Антоновичу Барановскому – латышу, репрессированному в 1941 г. и отдавшему жизнь заполярному городу Игарке. Изгнание не ожесточило его. Он стал не только летописцем города, но и достойным хранителем традиций Игарки, Почётным гражданином города, символом глубокой добропорядочности.

